КЕННЕДИ – ХРУЩЕВ: СЕКРЕТНЫЙ КАНАЛ СВЯЗИ

СОЛДАТ УДАЧИ

№ 11 (158)
ноябрь 2007

БРОНИРОВАННЫЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ

ВОЙНА В ГОРАХ: СХВАТКА С «ЭДЕЛЬВЕЙСОМ»

СПЕЦНАЗУ ГРУ ПО-ПРЕЖНЕМУ НУЖНЫ СНАЙПЕРЫ?!

Издается с октября 1994 года

№ 11 (158) ноябрь 2007

в номере:

Журнал тех, чья работа – защищать

Фото Сергея СИДОРОВА

В номере использованы фотографии Сергея Сидорова, Анатолия Жданова, Сергея Северинова, Виталия Анькова, Сергея Плотникова, Юрия Шипилова, Дмитрия Едалина, Анатолия Носенко, из каталога «Оружие России», а также иллюстрации с профильных интернет-сайтов.

Виталий АНЗИН

ВОЙНА В ГОРАХ:
схватка с «Эдельвейсом»

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Наверное, единственный в мире учитель, чьи доводы являются совершенно объективными, – это история. Она говорит о том, что уже свершилось, у нее нет сослагательного наклонения. А уж вы, потомки, делайте выводы. Но сделать эти выводы возможно только при одном условии – если принимать историю такой, какая она есть, и изучать ее внимательно, вдумчиво. Не «переписывать» ее заново, не забывать о горьких военных уроках сразу, после того как закончились грозные времена и началась мирная жизнь...

Вот именно этого как раз нам не хватает. В свое время, в памятном 1941 году, среди многих «стратегов» укоренилось «политически верное» мнение, что нашим войскам не придется воевать в горах: в то время опасно было даже предположить, что в случае развязывания войны боевые действия могут докатиться до перевалов Кавказа. Мы же, дескать, врага «одним ударом» прямо от границы откинем, а потом будем воевать на его территории, гнать его в хвост и гриву, супостата! Танки нужны, пушки, самолеты и все остальное, для того чтобы победно наступать! Об активной обороне – ни слова, а о прикрытии горных перевалов и речи быть не может, а то обвинят в «пораженческих настроениях»!

Ожидаемая, но начавшаяся внезапно Великая Отечественная война расставила все по своим местам...

И пришлось, когда враг вышел к горам Кавказа, горько сожалеть, что, несмотря на исключительно развитое в СССР массовое альпинистское движение, у нас не было основательно подготовленных для действий в горных условиях частей.

Точнее, они всегда существовали в Красной Армии – горнострелковые части. Но стрелковое вооружение было у них обычным, обмундирование – такое

же, как в пехоте, совершенно не приспособленное к экстремальным условиям горного климата. Не было никакого горного снаряжения. А самое главное то, что в таких частях не проводилась специальная горная подготовка, поэтому личный состав не имел навыков боевых действий в горах. По сути, горнострелковые части отличались от обычной пехоты лишь структурой (они делились на роты, батальонов не было) и тем, что помимо автотранспорта имелся вьючный – прежде всего для горной артиллерии. То есть накануне Великой Отечественной войны, повторим, специально подготовленных для боевых действий в горной местности, а уж тем более в экстремальных условиях высокогорья, частей у нас не существовало. Более того, как выяснилось в начале войны, даже воинского учета альпинистов не было.

Такие части пришлось создавать и обучать в спешном порядке, уже в ходе жестоких боев на Кавказе, противостоя рвущимся через горные перевалы великолепно подготовленным и оснащенным фашистским егерям. Хотя все тогда было сделано в духе времени – оперативно, жестко и качественно. И егеря в конце концов конкретно получили «по зубам». Но это было уже потом...

Собственно, о наиболее поучительных эпизодах битвы за Кавказ, которая длилась с июля 1942 г. по октябрь 1943-го, и пойдет речь в этом материале. Однако, скажем сразу, здесь будут фигурировать события первого, самого трудного периода битвы за перевалы Главного Кавказского хребта и уроки, извлеченные из боевого опыта. Ибо именно в то критическое время приходилось в срочном порядке делать выводы, формировать горнострелковые отряды, менять тактику, обучать войска действиям в горах. То есть перестраиваться на ходу...

Прежде чем обратиться к теме, заглянем в сегодняшний день. Только в последние годы, после двух чеченских войн, в Вооруженных Силах РФ начали создавать горные бригады, и их зарождение, по сути, начиналось с нуля. Причем с полного нуля. Ни базы, ни инструкторов, ни кадрового резерва, знающего горы, ни экипировки и снаряжения не было. Как известно, все это находится в стадии становления, а базы под две бригады уже практически построены. Формирование горных бригад сегодня у всех на слуху. Да, слава богу, что наконец все это создается, но почему не раньше?

Будто не было горьких уроков Великой Отечественной войны.

Вот об этих уроках мы и поговорим.

КОМАНДОВАНИЕ ФРОНТА СЧИТАЛО ПЕРЕВАЛЫ НЕДОСТУПНЫМИ...

...К середине августа 1942 года 49-й горнострелковый корпус под командованием генерала Р. Конрада, достигнув района Невинномысска и Черкесска, двинулся дальше, на захват перевалов Главного Кавказского хребта. Его задачей было пробиться через горы в Закавказье.

Это был корпус, предназначенный для действий в особо сложных условиях горной местности. Его личный состав в своем большинстве состоял из достаточно опытных альпинистов, имевших к тому же и неплохую горнолыжную подготовку (эта тема уже поднималась в одном из номеров «СУ»). Имея богатый опыт ведения горной войны, полученный в боях за овладение Норвегией, Францией, Грецией, Югославией, соединение было соответствующим образом вооружено и экипировано. В корпус входили 1-я и 4-я горнострелковые, 97-я и 101-я легкопехотные дивизии.

В планах захвата горных перевалов гитлеровское командование возлагало особые надежды на 1-ю горнострелковую дивизию «Эдельвейс» под командованием генерал-лейтенанта Ланца, которая считалась одним из лучших горных соединений вермахта. Название соответствовало эмблеме – горный цветок эдельвейс красовался и на знамени, и на головных уборах егерей.

Надо отметить тот факт, что многие офицеры из состава этой дивизии еще до начала войны, в 1930-е годы, побывали на Кавказе в качестве туристов и альпинистов. Они поднимались на вершины, перевалы и теперь могли свободно ориентироваться на местности, где непосредственно предстояло вести бои.

Корпусу нужно было, захватив перевалы Главного Кавказского хребта, спуститься по южным склонам вниз, выйти в район Сухуми и, взаимодействуя с 17-й немецкой полевой армией, которая наступала на Кубани и в Адыгее в направлении Новороссийска и Туапсе, прорваться к Черноморскому побережью Кавказа и захватить порты и военно-морские базы Поти и Батуми. Тем самым лишив наш Черноморский флот мест базирования.

С учетом складывающейся обстановки Ставка Верховного Главно-

командования еще 7 июня 1942 года возложила ответственность за оборону перевалов и Черноморского побережья на 3-й стрелковый корпус под командованием генерала К. Леселидзе. Соединение только начало формироваться, но уже было включено в состав 46-й армии генерала В. Сергацкова.

В состав корпуса вошли 20-я горнострелковая, 394-я стрелковая, 63-я кавалерийская дивизии, Сухумское пехотное училище и части усиления.

Как командование Закавказского фронта (командующий генерал армии И. Тюленев), так и командование 46-й армии недооценивали опасность прорыва гитлеровцев в Закавказье через горы, поэтому горные проходы оборонялись небольшими по численности гарнизонами. Более того, до некоторых перевалов специально выделенные подразделения прикрытия так и не дошли... Командование Закавказского фронта считало, что перевалы сами по себе недоступны для врага и главной задачей войск фронта является оборона Черноморского побережья, где и были развернуты главные силы 46-й армии.

К моменту выхода войск противника к Большому Кавказу большинство перевалов оборонялось силами от роты до батальона, а некоторые перевалы были не только не заняты нашими войсками, но и не подготовлены

заблаговременно к обороне. Оборона на этих направлениях создавалась уже в ходе боев с противником.

Необходимо заметить, что Ставка Верховного Главнокомандования еще задолго до выхода немецких войск к Главному Кавказскому хребту, видя, что штаб фронта все свое внимание сосредоточил на организации обороны по рекам Урух и Терек и ослабил его на обороне перевалов, предупреждала командование фронта о необходимости прикрытия всех проходов через хребет достаточными для этого силами. Ставка ВГК не доверяла успокаивающим докладам штаба фронта и требовала немедленного усиления войск, оборонявших перевалы, и обеспечения их всем необходимым. Она напоминала и о том, чтобы во главе этих войск были поставлены ответственные и волевые командиры.

В то же время фронт полностью доверился армии и выпустил из своих рук контроль за положением дел на перевалах.

...А ЕГЕРЯ УЖЕ СЧИТАЛИ СЕБЯ ХОЗЯЕВАМИ КАВКАЗА

Воспользовавшись этой непростительной ошибкой нашего фронтового и армейского командования, уже 15 августа 1942 года подразделения дивизии «Эдельвейс» подошли к Клухорскому перевалу, что в 35 километрах западнее Эльбруса, и, сбив две наши роты, захватили его.

В тот же день отряд 99-го альпийского полка 1-й горнострелковой дивизии под командованием капитана Грота, пройдя ущельем реки Уллу-Кам, вышел к перевалу Хотю-Тау, расположенному на горной перемычке, соединяющей Эльбрус с Главным Кавказским хребтом. Путь через него вел в Баксанское ущелье, что в Кабардино-Балкарии, и к горным проходам Донгуз-Орун и Бечо, за которыми лежала Грузия.

На Хотю-Тау нашего гарнизона не было. Гитлеровцы беспрепятственно поднялись на его седловину, возвышающуюся на 3.546 метров над уровнем моря. Они уже считали себя полновластными хозяевами Кавказа – даже поспешили переименовать Хотю-Тау, назвав перевал именем генерала Конрада, командира 49-го горнострелкового корпуса.

Через несколько дней егеря, не встречая на своем пути наших подразделений, заняли перевалы Чипер-Азау и Чипер. Спустившись по южным склонам в Грузию, они прошли около 10 километров по ущелью реки Ненскры и поднялись на перевал Басса.

16 августа 1942 года капитан Грот, бывавший до войны в Приэльбрусье, повел отряд егерей по склонам Эльбруса к «Приюту одиннадцати» – высокогорной альпинистской гостинице, расположенной на высоте 4.200 метров. Построенная в 1939 году, она была рассчитана на одновременное пребывание в ней 200 человек. В тот день в «Приюте одиннадцати» находилось трое наших солдат, двое зимовщиков-наблюдателей и радист, – это был весь персонал метеостанции. После недолгого боя гитлеровцы захватили «Приют одиннадцати» и спустились ниже – к «Ледовой базе».

21 августа 1942 года Грот поднялся с группой егерей-альпинистов на обе вершины Эльбруса и установил на них гитлеровские военные флаги.

Тут надо заметить, что само по себе летнее восхождение Грота на Эльбрус имело больше демонстративное, чем военное значение, хотя об этом вовсю трубили все немецкие газеты и радио. Грот и его группа были представлены чуть ли не как герои. Забегая вперед, скажем, что в феврале следующего года отряд под руководством известного военного альпиниста А. Гусева совершил зимнее восхождение на Эльбрус, сорвав фашистские флаги и установив на вершинах советские знамена. По сравнению с этим, уже действительно исключительным по сложности и опаснейшим восхождением, считавшимся среди профессионалов чуть ли не невозможным, «достижение» Грота и его отряда можно было расценивать как легкую прогулку... Трудности летнего и зимнего восхождения просто несравнимы. То есть наши в конце концов и здесь утерли нос хваленым немецким «эдельвейсам». Но мы слишком забежали вперед, вернемся в те решающие судьбу Кавказа дни августа 1942-го...

ОБСТАНОВКА – КРИТИЧЕСКАЯ

События развивались стремительно. Враг давил со всех сторон. С 15 августа по 9 сентября немецкие горнострелковые части захватили основные горные проходы от Эльбруса до перевала Умпырский. Они устремились на южные склоны Главного Кавказского хребта и продвинулись вперед на 10–25 километров. Возникла серьезная угроза прорыва гитлеровцев в Закавказье и к Черному морю.

Одновременно с этим противник после захвата к 11 августа 1942 года Краснодара и столицы Адыгеи – Майкопа повел наступление в южном направлении и также начал выходить к предгорьям северо-западной части Главного Кавказского хребта. Здесь немецкие подвижные части и егеря пытались захватить горные перевалы на фронте от Новороссийска до Красной Поляны: Волчьи Ворота, Кабардинский, Хребтовый, Гойтхский, Белореченский, Аишхо и Псеашхо.

Несмотря на то что с 18 по 30 августа 1942 года продолжалось выдвижение и сосредоточение основных сил 46-й армии к перевалам Главного Кавказского хребта, выяснилось, что противник упредил ее части, занял Клухорский и Санчарский перевалы и подошел к Белореченскому. Все это говорило о том, что командование и штаб 46-й армии неправильно организовали свои действия по обороне Главного Кавказского хребта. Оно, исходя из его действий, не стремилось к активной борьбе за перевалы на северных склонах гор, высылало туда небольшие отряды под командованием малоопытных командиров и сразу же теряло с ними связь. При этом плохо было организовано снабжение войск боеприпасами, продовольствием и обмундированием.

Большой ошибкой командования армии было и то, что оно не подготовило транспортных средств к снабжению частей в горных условиях.

Из района южнее города Абинска

в направлении перевала Кабардинский (северо-восточнее Новороссийска) вела активные боевые действия 3-я румынская горнострелковая дивизия генерала Фильчинеску. Ей была поставлена задача прорваться с северо-востока через горы к морю в район Геленджика и отрезать группировку наших войск, обороняющую Новороссийск с востока.

Помимо этого, в районе Нальчика действовала 2-я румынская горнострелковая дивизия, нацеленная на захват Баксанского ущелья, района Терскола и горы Чегет.

По сути, первый раунд схватки за перевалы мы пока проиграли. Перевес был на стороне немецких егерей и румынских горных стрелков. Ответный ход был за нашими горными частями, которые в то время находились в стадии формирования и пополнения.

СИТУАЦИЯ СТАБИЛИЗИРУЕТСЯ

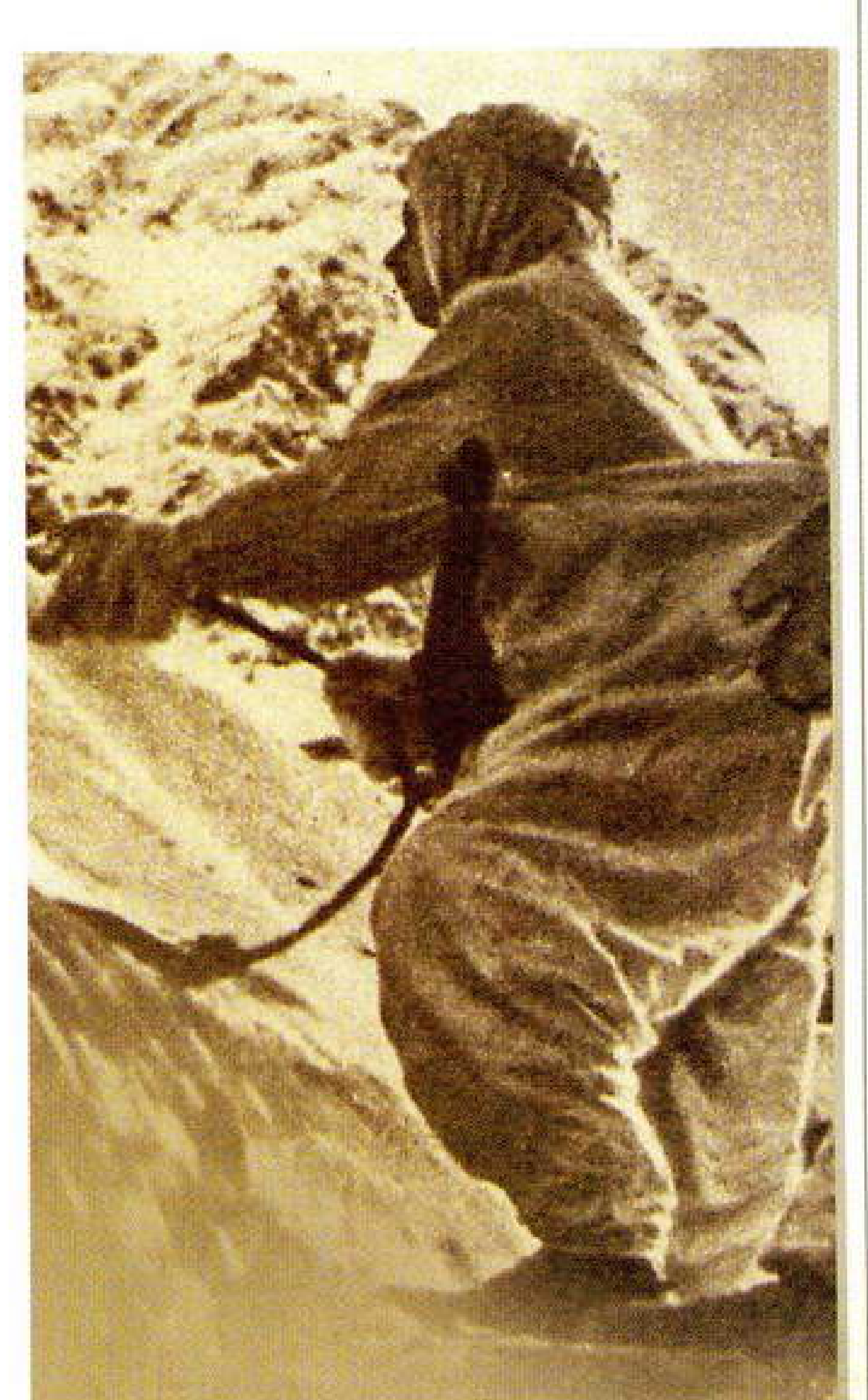
В этой сложнейшей обстановке, когда все решали считаные дни, Ставка Верховного Главнокомандования в директиве от 20 августа 1942 года потребовала от командующего Закавказским фронтом создать прочную оборону Главного Кавказского хребта. Стрелковые и инженерные части фронта приступили к спешному построению глубокоэшелонированной обороны, включавшей узлы сопротивления, доты, дзоты, заграждения и другие фортификационные сооружения. Весь район боев был разделен на направления, которые занимали доукомплектованные маршевым пополнением соединения и части. Чтобы не загружать текст их долгим перечислением, отметим лишь, что в той сложнейшей обстановке не представлялось возможности полноценно обучить личный состав ведению боя в горах. В Приэльбрусье оказались бойцы, из которых мало кто проходил специальную альпинистскую подготовку. Тем не менее они держались.

Противник, все еще надеясь прорваться в Баксанское ущелье, получал подкрепления. Как наблюдали разведчики, к опорным пунктам на «Старом кругозоре» и «Приюте одиннадцати» чуть ли не каждый день подходили новые группы солдат с караванами мулов, доставлявшими вооружение, боеприпасы и продовольствие. По оценке разведчиков, к 27–28 августа 1942 года здесь было сосредоточено до 350–400 гитлеровцев с тремя батареями минометов, станковыми и ручными пулеметами. Однако в районе Эльбруса противник пока активных действий не предпринимал. Это было вызвано тем, что 22 августа 1942 года продвижение немцев на юг от Клухорского и Нахарского перевалов было остановлено. А 26 августа 1942 года наши подразделения перешли в наступление, выбивая гитлеровцев из ущелий и тесня его к Главному Кавказскому хребту. Район Эльбруса стал левым флангом 49-го горнострелкового корпуса немцев. Занимая здесь перевалы и опорные пункты, егеря прикрывали выход в верховья реки Кубань, откуда путь вел в тыл дивизии «Эдельвейс» и всей клухорско-нахарской группировки. Удержание Приэльбрусья во что бы то ни стало считалось гитлеровским командованием делом первостепенной важности. Иначе под угрозой оказался бы план наступления через Главный Кавказский хребет.

Конечно, само появление гитлеровцев на южных склонах Главного Кавказского хребта, перевалах Басса, Чипер-Азау и Чипер, на близлежащей территории Грузии угрожало прорывом значительных сил противника в долину реки Ингури, а по ней к городу Зугдиди. Большую тревогу у командования 46-й армии вызывало то, что, захватив перевал Басса, егеря 49-го горнострелкового корпуса держали под минометным обстрелом единственную тропу, соединяющую турбазу «Накра», где находилась наша база боепитания и снабжения, с гарнизоном перевала Донгуз-Орун и подразделениями 214-го кавалерийского полка в Баксанском ущелье. Командующий 46-й армией приказал 63-й кавалерийской дивизии занять перевал Басса, выйти на перевал Чипер-Азау, укрепиться на нем и вести разведку в направлении Хотю-Тау, предотвращая проникновение противника на Эльбрус, в «Приют одиннадцати» и «Старый кругозор».

25 и 26 августа 1942 года к подразделениям 214-го кавалерийского полка, находившимся на южных склонах Кавказского хребта, подошли 3-й батальон 8-го Краснознаменного моторизованного полка внутренних войск и 28-й отдельный стрелковый батальон. Эти подразделения, предназначенные для усиления обороны перевалов Бечо, Местиа, Твибера, Цаннера с юга, вошли в оперативное подчинение командира 63-й кавалерийской дивизии.

В сентябре 1942 года Главный Кавказский хребет был зоной ожесточенных боев. Удерживая за собой перевалы, 49-й немецкий горнострелковый корпус упорно стремился продвинуться в Закавказье, но встречал решительное сопротивление частей 46-й армии. Командованию армии удалось остановить наступление противника на перевалах и создать достаточно прочную оборону Главного Кавказского хребта. Оборона была упорной, активной и включала смелые наступательные действия частей за перехват инициативы.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОСОБОГО ТИПА

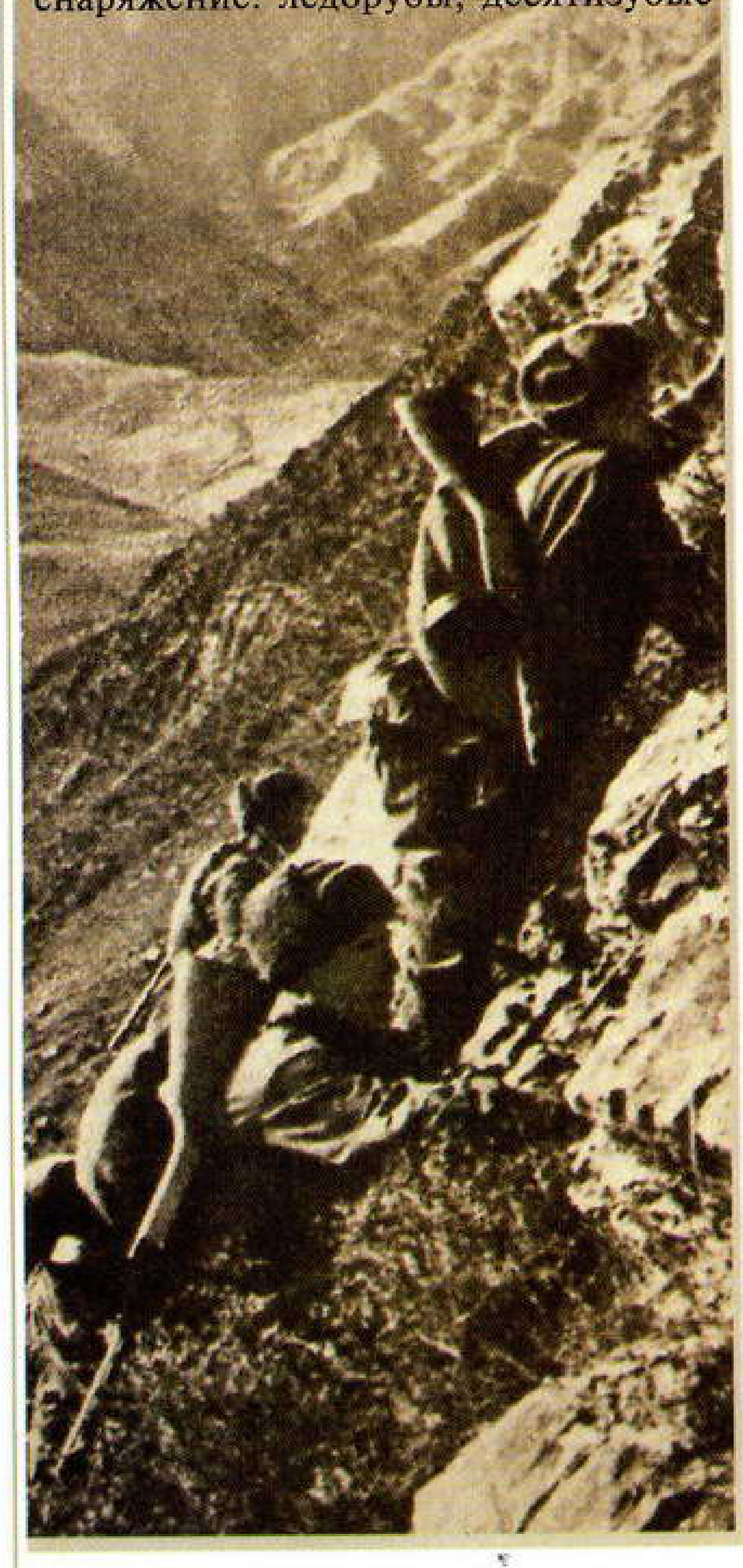
В начале сентября штаб Закавказского фронта начал формировать специальные отдельные горнострелковые отряды, которые создавались в немыслимо короткие сроки, путем мобилизации всех необходимых кадровых ресурсов, привлечения всех возможностей для полноценного обеспечения этих подразделений всем необходимым снаряжением и вооружением. Кстати, интересный факт – важнейшую роль в создании таких отрядов сыграл небезызвестный всем нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия. В то время он был представителем Ставки ВГК на Закавказском фронте. Отряды были сформированы по его указанию как раз в самый критический момент боев за высокогорные перевалы.

Созданные в кратчайшее время отдельные горнострелковые отряды были переданы 46-й армии. Согласно прежним официальным источникам, их было шестнадцать. Однако соглас-

но другим, недавно открывшимся данным, таких отрядов насчитывалось сорок. Именно такая цифра названа в книге «Внутренние войска. Исторический путь», вышедшей в 2006 году под редакцией главкома Внутренних войск МВД России генерала армии В. Рогожкина. В ней использованы недавно рассекреченные архивные документы о боевых действиях внутренних и пограничных войск, входивших в структуру НКВД СССР на Северном Кавказе в 1942–1943 годах, и роли Л. Берия в их формировании.

Создавались отдельные горнострелковые отряды из курсантов 1-го и 2-го тбилисских пехотных, Тбилисского артиллерийского и Сухумского пехотного военных училищ, бойцов частей и подразделений пограничных и внутренних войск НКВД СССР, запасных, учебных стрелковых и артиллерийских частей Закавказского фронта. Брали в первую очередь тех людей, кто занимался альпинизмом, горным туризмом, кто жил в горах и был хорошо знаком с ними.

Это были подразделения особого типа, специально подготовленные к боевым действиям в горных условиях. Бойцы имели все необходимое горное снаряжение: ледорубы, десятизубые

«кошки», скальные и ледовые крючья, спальные мешки, ботинки на металлических шипах, лыжи с жесткими креплениями, снегоступы, горные палатки, альпийские веревки, спиртовые кухни (и одну вьючную – на отряд) и многое другое. У них было теплое и удобное, специально приспособленное для высокогорья обмундирование, включая штормовые костюмы, меховые жилеты и носки, подшитые валенки, лыжные куртки и брюки, горные ботинки и т.д. Отряды прошли ускоренную, но предельно интенсивную и эффективную огневую, тактическую (для горной местности), альпинистскую, горнолыжную подготовку. Ядро командного и штатного инструкторского состава составляли альпинисты высокой категории.

Здесь надо отметить, что альпинистов, отобранных со всех участков фронта, на Кавказе было к тому времени уже немало Их начали отправлять сюда по указанию наркомата обороны еще в 1941 году практически отовсюду, прежде всего из Закавказья. К концу года здесь уже находилось порядка 200 специалистов. Они занимались горной подготовкой войск и действовали в составе горнострелковых отрядов, выполняя самые сложные и ответственные операции.

По численному составу отдельные горнострелковые отряды представляли собой усиленные батальоны. Как правило, в большинстве из них было по две роты автоматчиков (100 человек в каждой), по одной пулеметно-минометной роте с приданными ей взводами саперов и противотанковых ружей. В целом в каждом отряде было до 320 человек. Подчеркнем – специалистов горного дела!

По указанию Л. Берия все горнострелковые отряды были объединены в сводную оперативную группу по обороне перевалов Главного Кавказского хребта под командованием полковника И. Пияшева. Этот опытный офицер-пограничник и чекист долгое время служил в Средней Азии и на Кавказе, за это время обрел богатейший опыт борьбы с басмачами в горах Памира и бандформированиями горских народов Северного Кавказа в 1920–30-е годы.

Введение в бой горнострелковых отрядов сыграло большую роль в дальнейшем ходе войны в горах. Они были брошены на усиление воюющих в горах частей и соединений, на перекрытие наиболее опасных направлений, на разведку маршрутов выдвижения войск. Во время операций отряды совершали обходные маневры в высокогорье, умело действуя в сложнейшей местности. К сожалению, объем материала не позволяет рассказать о том, как по высокогорным маршрутам, преодолеть которые был способен только опытный альпинист, небольшие горнострелковые подразделения выходили во фланги и тылы противника, нависали над ним и по команде, когда внизу начинали наступление наши основные силы, абсолютно внезапно били по егерям, создавая в их рядах хаос и панику, истребляя их прицельным огнем и создавая взрывами направленные лавины, хоронившие под собой десятки фашистов.

Остается сказать, что эти подразделения, великолепно выполнив поставленные задачи, были расформированы, после того как немецких и румынских егерей полностью скинули с перевалов. Хотя некоторые из этих отрядов продолжали нести гарнизонную службу в горах, разминировать тропы, но к лету 1943-го расформировали и их. Наверное, это было не самым мудрым шагом руководства – лишить себя таких спаянных, имеющих колоссальный боевой опыт, способных выполнять в горах задачи любой сложности боевых подразделений. Может быть, на то были свои основания, и где-то в частях альпинисты нужны были как инструктора. Однако рассеянные по разным частям специалисты – это уже не мощная боевая единица...

СИЛЫ ВЫРАВНИВАЮТСЯ

Принятие всех оперативных мер, прежде всего надежное прикрытие опасных направлений, пополнение и формирование соединений, действующих в горах, создание отдельных горнострелковых отрядов, обретение опыта горной войны позволило примерно выравнять соотношение противоборствующих сил. Но, конечно, произошло это не сразу, а постепенно.

Например, против частей и подразделений 242-й дивизии, прикрывавшей эльбрусское направление, действовали два усиленных батальона 99-го альпийского полка дивизии «Эдельвейс» вместе с усилением. Горный батальон дивизии «Эдельвейс» состоял из пяти рот, в том числе одной пулеметной, и насчитывал в своем составе около 900 человек. На его вооружении находилось 10 станковых и 36 ручных пулеметов, девять 50-мм и шесть 81-мм минометов, два 75-мм горных орудия. В батальон входил саперный взвод.

Приведем в пример нашу горнострелковую часть из состава 242-й дивизии. Так, ведший боевые действия в районе Эльбруса 897-й горнострелковый полк майора П. Сироткина имел в своем составе пять стрелковых рот, роту автоматчиков, пулеметную, 2 минометные и саперную роты, батарею 76-мм горных пушек, взводы связи, пешей и конной разведки. В составе полка насчитывалось 1.300 бойцов и командиров, большинство из которых имели боевой опыт. Полк был усилен отдельным горнострелковым отрядом.

Нельзя сказать, чтобы перевес сил был теперь на нашей стороне, ведь надо учитывать, что немецкие егеря были в подавляющем большинстве подготовлены для действий в горах, имели большое количество соответствующего вооружения (много пулеметов, минометов). Скорее, силы были теперь примерно равными.

ЗА ОДНОГО БИТОГО ДВУХ НЕБИТЫХ ДАЮТ

Одновременно с боями в Приэльбрусье разгорелись бои в горах на подступах к Туапсе. Здесь противник ставил своей ближайшей целью выйти к побережью Черного моря в районе Туапсе, рассечь Черноморскую группу войск пополам, тем самым отрезав ее от основных сил Закавказского фронта, и высвободить часть сил для переброски на другие участки фронта. На направлении главного удара гитлеровское командование создало оперативную группу «Туапсе», основу которой составляли горнострелковые и легкопехотные соединения из состава 49-го немецкого горнострелкового корпуса Р. Конрада.

...И здесь выяснилось, что немцы очень хорошо знают местность. Вражеские офицеры, среди которых наверняка были топографы, накануне войны побывали здесь под видом альпинистов и «зарисовали» все, что нужно. Иначе чем объяснить тот факт, что немцы провели свои танковые и моторизованные колонны по горным лесным дорогам из Лабинска к станицам Губская и Новослободская и далее, к перевалам в районе Туапсе. А ведь у нас этими маршрутами не ездили даже на машинах...

В результате боевые действия приняли исключительно ожесточенный характер, особенно за ключевые высоты.

Многие соединения и части Черноморской группы войск в первый период операции оказались неподготовленными к ведению боевых действий в горно-лесистой местности. Умение вырабатывалось непосредственно в боях.

Но опыт рос не по дням, а по часам. Горькое время начала боевых действий в горах, когда захватчики продвигались, встречая лишь разрозненное очаговое (но упорное!) сопротивление, осталось позади. Наши части многому успели научиться буквально за считаные недели. Например, одновременно с боями в районе Туапсе достаточно успешно стала строиться оборона наших войск на перевалах Белореченский, Аишхо, Псеашхо, Умпырский, через которые противник пытался выйти к побережью Черного моря.

На этом направлении у немцев действовали 4-я горнострелковая и 97-я легкопехотная дивизии. С нашей стороны им противостояла 20-я горнострелковая дивизия генерал-майора А. Турчинского, которая была переброшена сюда из Ирана. Первым на Умпырском перевале и подступах к нему начал боевые действия 174-й горнострелковый полк подполковника Ерохина.

3 сентября 1942 года в 17.00. на его позиции начала наступление 4-я немецкая горнострелковая дивизия. Противника подпустили на 60–70 метров к переднему краю обороны полка, после чего в ходе завязавшегося боя уничтожили более роты горных егерей. Полк на этом направлении вел сдерживающие бои.

В октябре 1942 года обстановка здесь резко усложнилась: горно-альпийский отряд из состава 4-й немецкой горнострелковой дивизии генерала Эгельзеера прорвался к Кавказскому государственному заповеднику (район Красной Поляны). Личный состав 174-го горнострелкового полка продолжал держать оборону, ведя тяжелые бои с егерями.

Одновременно немцы решили ударить в тыл по важнейшей коммуникации – Молдовскому мосту через реку Мзымта, имевшему стратегическое значение, так как он связывал Кубань с Абхазией. С этой целью в тылу наших войск была высажена немецкая диверсионная группа. Мост оборонял специальный отряд НКВД, как раз занимавшийся борьбой с диверсионными группами противника. Вначале немцы натолкнулись на саперов, ведших работы у моста, затем не смогли назвать пароль, который менялся каждые сутки. Поверх их голов был открыт интенсивный огонь, отчего диверсанты растерялись и в результате были обезврежены и захвачены в плен.

В целом оборона 20-й горнострелковой дивизии у перевалов вытянулась на 150 километров. По донесениям агентурной разведки стало известно о том, что немцы готовятся к наступлению в районе горы Фишт. Их конечная цель – выйти к Сочи.

Для уточнения данных о противнике, действующем на этом направлении, разведчикам капитана Поприкашвили было приказано провести разведку боем. Большинство его бойцов составляли местные жители – охотники, знавшие каждую горную тропу. При выдвижении в район сосредоточения было организовано охранение. На отдельных высотах выставлялись наблюдательные посты. Эскадрон конных разведчиков был рассредоточен повзводно.

Сначала было уничтожено боевое охранение противника. К рассвету следующего дня разведчики закончили скрытное сосредоточение боевых групп и максимально сблизились с противником. Удар был совершенно внезапным для гитлеровцев. Противник уничтожался кинжальным огнем из автоматов и пулеметов. В ходе разведки боем разведчики уничтожили две роты (!) пехоты, роту саперов, 40 фашистов были взяты в плен. Самое главное, был взорван штурмовой мост через каньон. Немецкая операция была сорвана.

(Продолжение следует)

Андрей МАРКИН

К засаде в боевой обстановке нужно быть готовыми всегда. А это значит – заранее выработать четкую последовательность ответных действий, чтобы не было паники, суеты, неразберихи. Как известно, во многом решающими в исходе завязавшегося боя являются именно первые 15-20 секунд после попадания под огонь противника.

В этом материале будет рассмотрен только один из важнейших элементов контрзасадных действий – открытие огня из стрелкового оружия по засаде. Вопросы передвижения под огнем, применения гранат и дымов, стрельбы из гранатометов, выбора тактики последующего боя, взаимодействия и т.д. рассматриваться не будут. Статья написана под ситуации, когда солдаты передвигаются в пешем порядке или спешивание с техники уже произошло.

В настоящее время существуют разные, зачастую взаимопротиворечащие рекомендации на тему ведения огня из стрелкового оружия сразу после попадания в засаду. Можно выделить три разных типа таких рекомендаций. Рассмотрим их последовательно, прежде чем сделать дальнейшие выводы.

НЕМЕДЛЕННЫЙ ОТПОР

«НЕ ВИЖУ – НЕ СТРЕЛЯЮ»

Один из примеров такого подхода описан в материале Дмитрия Сунженцева «По блохам стреляют из гранатомета» («Щит и меч» в Чечне», 2-8 октября 2003 года, спецвыпуск № 46):

«Вы все же попали в засаду – что же делать?

...Как только ты услышал первые выстрелы – падай на землю, за укрытие... наблюдай и слушай. Попытайся определить, откуда по тебе ведут огонь, попробуй обнаружить огневые точки противника. Для этого не обязательно увидеть бородатую физиономию боевика. На огневую точку могут указывать качающиеся ветки кустарника, пыль, поднятая выстрелами, и сами вспышки выстрела... «Не вижу – не стреляю» – это значит, что не нужно расстреливать с перепугу весь боекомплект в белый свет. Веди четкий прицельный огонь короткими очередями или одиночными выстрелами по обнаруженным целям...»

Описание этой рекомендации

в приведенном отрывке достаточно четкое и недвусмысленное, аналогичное – и в ряде других источников.

Сюда же можно, наверное, отнести инструкции, используемые в некоторых зарубежных армиях. Например, вот что говорит «Наставление по тактике мелких подразделений», используемое для подготовки 5-го разведывательного полка специального назначения сухопутных войск ЮАР.

«39. Порядок действий под огнем противника на поражение... следующий:

а) при наличии возможности – произвести три выстрела в направлении противника (каждый, кто находится на позиции, позволяющей отстреливаться) и голосом указать направление на противника;

б) быстро упасть на землю, перекатиться и переползти за укрытие. Не пытайтесь бежать к ближайшему укрытию, до которого 20 метров, вы НЕ ДОБЕЖИТЕ;

в) переползанием или короткими перебежками вытягивайтесь в линию в направлении противника. Перебежки должны быть не более 10 метров;

г) определить позицию противника или вероятное его расположение;

д) убедиться, что прицел оружия установлен правильно;

е) открыть огонь по противнику».

(Там же указывается на возможность с помощью провокационного огня выявить позиции противника.)

То есть отличие от приведенного выше способа состоит в том, что, перед тем как упасть на землю, здесь рекомендуется сделать несколько одиночных выстрелов в сторону противника, но в основном упор делается на ведение прицельного огня только после обнаружения его позиций.

Аналогичный прием, только с двумя одиночными выстрелами в самом начале, предписывается в канадской армии.

Здесь же уместно напомнить читателям «Солдата удачи», как описывает действия при попадании в засаду Иван Голынськиий в материале «Подготовка пешего патруля: украинский вариант» («Солдат удачи» № 8, 2007 г.): «...Каждый солдат мгновенно перебрасывает взгляд одновременно с приложенным к плечу оружием в сторону, откуда производится нападение боевиков, и ищет цель в своем секторе. При обнаружении тут же дает короткую прицельную очередь по врагу, уничтожая его или заставляя прижаться к земле. Второе, что делает солдат, – ищет выгодное укрытие и быстрыми перебежками занимает его».

«УТИНАЯ ОХОТА»

Этот метод использовался родезийским спецназом в африканском буше (районах с густой кустарниковой и травяной растительностью), где очень сложно было увидеть в случае засады, откуда по тебе стреляют. Суть заключается в том, что сразу после внезапного открытия огня солдат залегает и начинает парами одиночных выстрелов в быстром темпе простреливать наиболее вероятные места нахождения противника, не видя его самого. Как правило, такие места находятся рядом со стволами деревьев, камнями, кустами, в окнах домов и т.п. Причем рекомендуется стрелять по обеим сторонам (по два патрона на каждую) укрытия. Стрельба ведется на низком уровне, так как с наибольшей степенью вероятности участники засады будут пригибаться как можно ниже, а в большинстве случаев залягут. В случае если пуля из-за низкой траектории полета встретится с землей (камнями, подоконником и т.д.), то возможно, что она рикошетом все же поразит неприятеля, а в худшем случае ударит рядом, заставив его сменить позицию.

Стрельба ведется от себя – вдаль, то есть сначала простреливаются наиболее близкие места вероятного нахождения противника, затем более удаленные. Собственно, само название этого метода происходит от способа охоты на уток, когда, не видя самих птиц, охотники простреливают наиболее вероятные места их нахождения в зарослях водной растительности.

Для демонстрации эффективности этого способа в ходе обучения спецназовцев выбиралось какое-нибудь место, где реально могла бы быть организована засада. На выгодных позициях расставлялись и маскировались мишени, после чего группе, не знающей их расположение, давали возможность обстрелять наиболее вероятные места расположения нападающих. Бывшие родезийские спецназовцы уверяют, что после такой стрельбы пораженными оказывалось достаточно большое количество мишеней.

«ОГНЕВОЙ ЕЖ»

Суть этого способа в том, чтобы сразу после попадания в засаду упасть на землю и автоматическим огнем максимальной плотности, стреляя в направлении противника или по предполагаемым местам расположения его огневых средств, прижать нападающих к земле, заставить их прекратить обстрел или вынудить вести неприцельный огонь. Первый магазин или первая лента пулемета отстреливаются при этом длинными очередями.

Для данного варианта действий имеются рекомендации снаряжать первый магазин, пристегнутый к автомату во время передвижения (и первые 50 патронов в пулеметной ленте), большим количеством трассирующих патронов (например, в соотношении 1 к 2 к обычным патронам), с тем чтобы еще больше воздействовать психологически на противника своим ответным огнем. Элемент демаскировки собственной позиции, который обычно является одним из главных аргументов против использования трассирующих пуль, здесь не имеет особого значения, так как попавшие в засаду и без того в первые секунды хорошо видны противнику или, по крайней мере, их местоположение относительно легко угадывается.

К методу «огневого ежа» следует также отнести встречающиеся рекомендации по немедленной атаке противника (без залегания) при попадании в так называемую близкую засаду. Речь идет о ситуациях, когда нападающие находятся на дистанции менее 40

метров, местоположение их огневых точек понятно, а расстояние до засады может быть быстро преодолено бегом (нет бурелома, оросительных или осушительных каналов, густого кустарника и т.п.). В такой ситуации самый быстрый способ уйти с линии огня – не залегать, а одним рывком добежать до противника, прижимая его к земле максимально плотным огнем из автоматического оружия (на бегу особо не прицелишься, огонь ведется в общем направлении засады).

РАЗНЫЕ ВАРИАНТЫ – РАЗНЫЕ РЕШЕНИЯ? А ВРЕМЯ РЕАКЦИИ – МГНОВЕНИЯ!

После проведенного краткого обзора способов действий в первые секунды боя становится очевидным, что имеющиеся здесь противоречия требуют своего объяснения. Попробуем проанализировать некоторые факторы при попадании в засаду.

Безусловно, мощный автоматический огонь по противнику прижмет его к земле, но это связано с быстрым расходом патронов. Носимый боезапас всегда ограничен, если мы говорим об отдельно действующем подразделении, например разведгруппе. К тому же, находясь в стрессовой ситуации, попавший под обстрел солдат может просто не перейти вовремя на ведение огня в другом режиме и быстро выпустит весь свой боекомплект «в молоко». Исчерпание же боекомплекта в такой ситуации означает почти неизбежную гибель. Поэтому даже самые первые действия после попадания в засаду должны подчиняться требованию контролируемого расхода боеприпасов.

Другой важный фактор – насколько быстро можно обнаружить огневые точки противника либо хотя бы определить их примерное местонахождение. Это далеко не всегда является простой задачей. Если засада организована в безлесной местности, в «лысых» горах, иных открытых местах, то вероятность обнаружить позиции противника достаточно велика. Как раз здесь рекомендации сначала осмотреться, а потом вести прицельный огонь могут быть оправданны.

Если же засада организована в густом лесу или кустарнике, в местах с высокой травой или на иных «закрытых» участках, даже самое пристальное разглядывание местности далеко не всегда результативно. Вспышки выстрелов, к примеру, могут остаться не обнаруженными из-за густой листвы, не говоря уже о таких признаках, как поднятая пыль или опавшая листва и качание веток. В то же время полагаться на звуки выстрелов для определения местоположения огневых точек противника тоже полностью нельзя. Например, один выстрел может дать множество щелчков, каждый из которых можно ошибочно принять за звук выстрела. В частности, если позиции нападающих находятся на определенном удалении, попавшему под обстрел слышен щелчок от перехода пули со сверхзвуковой скорости на дозвуковую (кстати, его нередко воспринимают как действие разрывных пуль). Причем этот щелчок может быть услышан раньше, чем донесется звук самого выстрела, что существенно затрудняет обнаружение истинной позиции стреляющего. Как выстрелы могут восприниматься удары пуль о некоторые предметы. Словом, тут немало разных вариантов. Неспроста попавшим в засаду нередко кажется, что нападающих намного больше, чем есть на самом деле, и что огонь одновременно ведется со всех сторон.

В такой ситуации попытки обнаружить огневые точки противника перед открытием огня становятся менее оправданными, а обстрел вероятных мест нахождения огневых точек противника – более целесообразным.

На этом остановимся, хотя перечисление различных факторов можно было бы продолжить. Понятно, что различные тактические ситуации при попадании в засаду делают наиболее целесообразным тот или иной порядок огневого отпора. И естественно, что контрзасадные действия для солдата, передвигающегося с колонной техники по афганским горным дорогам, которую обстреливают с 300 метров, будут отличаться от действий дозорного, идущего в густом лесу. Расстояние до засады в последнем случае может не превышать и 30 метров. Поэтому нельзя говорить о том, что один порядок действий всегда «самый правильный» в отрыве от конкретной ситуации.

Но, напомню, мы говорим именно об огневом контакте в первые секунды после попадания в засаду, и вся особенность состоит в том, что реакция должна быть мгновенной, автоматической. Времени на оценку обстановки и выбор наиболее тактически целесообразного варианта действий просто нет. Уже потом, когда эффект внезапности пройдет и попавшие в засаду займут оборонительные позиции, осмотрятся, можно будет анализировать ситуацию и выбирать наиболее подходящий вариант действий. В самые первые секунды после нападения, повторим, сделать это невозможно. Думать и выбирать некогда, нужно немедленно действовать!

Именно поэтому солдат заставляют механически заучивать порядок действий сразу после попадания в засаду, доводя их до полного автоматизма. Соответственно с практической точки зрения при обучении приходится останавливаться на каком-то одном варианте действий. Но какому же из них отдать предпочтение?

«УСРЕДНЕННЫЙ» ВАРИАНТ

В ситуации, когда подразделению предстоит действовать на местности с одними и теми же рельефом, растительностью, а значит, и соответствующей им засадной тактикой противника, проще проанализировать все плюсы и минусы каждого из перечисленных выше способов действий и остановиться на одном, наиболее соответствующем данным условиям, потом заучить его до автоматизма.

Но если нужно готовить солдат к контрзасадным действиям в условиях, где местность может быть самой разной (и открытой, и закрытой, с различ-

ным растительным покровом), либо вообще невозможно заранее знать, на какой местности придется действовать в реальном бою (стандартная ситуация для войсковой части в мирных условиях), то придется в обучении солдат остановиться на некотором «усредненном» способе действий. Понятно, что он не всегда будет самым тактически целесообразным, но зато будет универсальным.

Попробуем предположить, что «усредненный» порядок ведения огня будет следующим (разобьем его как бы на три этапа).

Первый этап

1-й магазин и около половины 1-й пулеметной ленты (желательно с большим количеством «трассеров») отстреливаются автоматическим огнем в направлении противника, без выискивания целей либо длинными очередями, либо вообще не спуская палец со спускового крючка. Прочесывание местности огнем ведется также и в том случае, если неизвестно даже приблизительное местоположение огневых точек противника (справа, слева, спереди по ходу движения, близко, далеко).

Очень важно в такой момент предотвратить огонь по своим. Желательно, чтобы солдаты вели огонь по заранее (до начала движения) распределенным секторам обстрела, используя метод циферблата. Каждому «нарезается» определенный участок (например, от «9.00 до 10.00» по ходу движения и т.д.) с таким расчетом, чтобы в целом подразделение вело огонь во все стороны. Если же заранее этого сделано не было, то солдат, залегая, занимает позицию, «смотрящую» наружу от позиции своего подразделения и ведет прочесывающий огонь в секторе около 90 градусов.

Огонь ведется с рассеиванием по фронту и со сменой уровней. Можно рекомендовать, чтобы ствол оружия при этом как бы рисовал букву Z. Основная задача смены уровней сверху вниз – избежать стрельбы исключительно поверх голов противника, что является очень распространенной, даже «стандартной» ошибкой.

Второй этап

Далее солдат меняет пустой магазин на новый с обычными (не трассирующими) патронами и начинает прочесывание мест наиболее вероятного нахождения противника парными одиночными (!) прицельными выстрелами, но еще в более быстром темпе. Пулеметчик соответственно переходит на огонь короткими очередями, также прицеливаясь по вероятным местам расположения огневых точек нападающих. Огонь ведется с рассеиванием по фронту и в глубину.

В этот момент очень важно, чтобы огневое прочесывание из автоматов производилось именно одиночными выстрелами, а не короткими очередями. Возможно, что после смены магазинов следует даже прокричать: «Парные одиночные!» Смена магазина и режима огня должна стать для солдата психологическим «сигналом» перехода от импульсивного действия к более обдуманному. Что касается выкрикивания (проговаривания вслух) своих действий или действий противника, то это является неплохим психологическим приемом для того, чтобы добиться концентрации, побороть панику и для координации действий при ведении огня.

Третий этап

После опустошения 2-го магазина автомата и расходования 1-й пулеметной ленты следует переходить на стрельбу по принципу «не вижу – не стреляю». Огонь ведется как одиночными выстрелами, так и очередями (длинными или короткими), в зависимости от обстоятельств. Если огневые точки нападающих все же остаются не обнаруженными, то можно продолжить прочесывание огнем наиболее вероятных мест нахождения огневых точек противника, но только уже в спокойном темпе.

В дальнейшем выбор огня определяется по тому, как реально разворачиваются события. Можно разбить людей на четные/нечетные номера, одни из которых будут вести контролируемый автоматический огонь, а другие – исключительно одиночный прицельный.

Предлагаемый порядок действий исходит из того, что в «усредненной» ситуации, в первые секунды после открытия огня из засады, в силу одновременного действия факторов внезапности, маскировки противника определить даже приблизительное место нахождения его огневых точек не получается, но при этом огонь открывать нужно немедленно, чтобы максимально ослабить его огневой натиск.

Важен следующий момент: если солдат сразу увидел противника или определил его примерное местонахождение, то он должен (!) «пропустить» первый этап (а по обстоятельствам, и второй этап) и сразу переходить на прицельный огонь. Залегая, он должен сразу занимать позицию лицом к обнаруженному противнику, не следуя заранее установленным секторам обстрела.

Такое требование связано с тем, что предлагаемый вариант «усредненных» действий имеет существенный недостаток: 2 магазина и 1 пулеметная лента расстреливаются неприцельно, причем огонь подразделением ведется во все стороны, а это означает, что большая часть пуль не летит даже в общем направлении на противника. Однако с ним приходится соглашаться, поскольку в ситуации, когда противника не видно, огневое молчание попавших в засаду неприемлемо: нападающие в этом случае беспрепятственно будут вести по ним огонь.

Представляется, что вышеприведенная последовательность действий содержит оптимальное сочетание факторов, делающих ее наиболее приспособленной для «усредненной» ситуации:

– используется эффект немедленно открываемого плотного подавляющего огня по засаде;

– ограничивается бесцельный расстрел боеприпасов «в молоко»;

– используется тактический прием прочесывания огнем вероятных мест нахождения противника;

– учитывается психология солдата, попавшего в засаду, – он постепенно «переводится» от импульсивных действий к обдуманным;

– достигается «всеядность» применительно к типу местности, удаленности и видимости позиций противника.

МОЖНО ЛИ ДОГНАТЬ ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ,

ИЛИ СПЕЦНАЗУ ГРУ ПО-ПРЕЖНЕМУ НУЖНЫ СНАЙПЕРЫ?!

Олег КОЛОМИЕЦ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

...«Встреча» произошла внезапно.

Головной дозор разведывательной группы специального назначения (РГСпН) ГРУ, ведущей разведывательно-поисковые действия в горнолесистом районе Чечни, нарвался на боевиков. В момент столкновения они оказались выше по склону горы, и у них была выгодная позиция.

Группа на группу, лоб в лоб — так бывает в «зеленке». То, что это не была предварительно организованная засада, стало ясно с самого начала — по бокам и сзади, где двигалось ядро группы, все было тихо. Огонь был только фронтальным. Длинными очередями поливал РПК, тут же били несколько автоматов.

В таких ситуациях счет идет на секунды. Спецы из головного дозора, а их было трое, тут же залегли и стали вести ответный огонь, постоянно меняя позиции. Однако трудно было обнаружить цели, тем более — вести огонь из автоматов снизу вверх. Этот огонь из автоматов был неэффективен. В то же время нужно было в первую очередь немедленно уничтожить пулеметчика. Вот когда позарез нужен опытный снайпер! Такой был (не по должности, а по факту, о чем скажем далее), и он как раз шел в «головняке».

Сержант спецназа Юрий, быстро и незаметно переместившись выше по склону, где обзор был лучше, «нащупал» в прицел ВСС (бесшумная снайперская винтовка) то место в густых зарослях, откуда работал РПК. До него было метров сто пятьдесят. Прицелившись, выстрелил на вспышку, взяв чуть правее, где должна быть голова пулеметчика. Потом — второй раз.

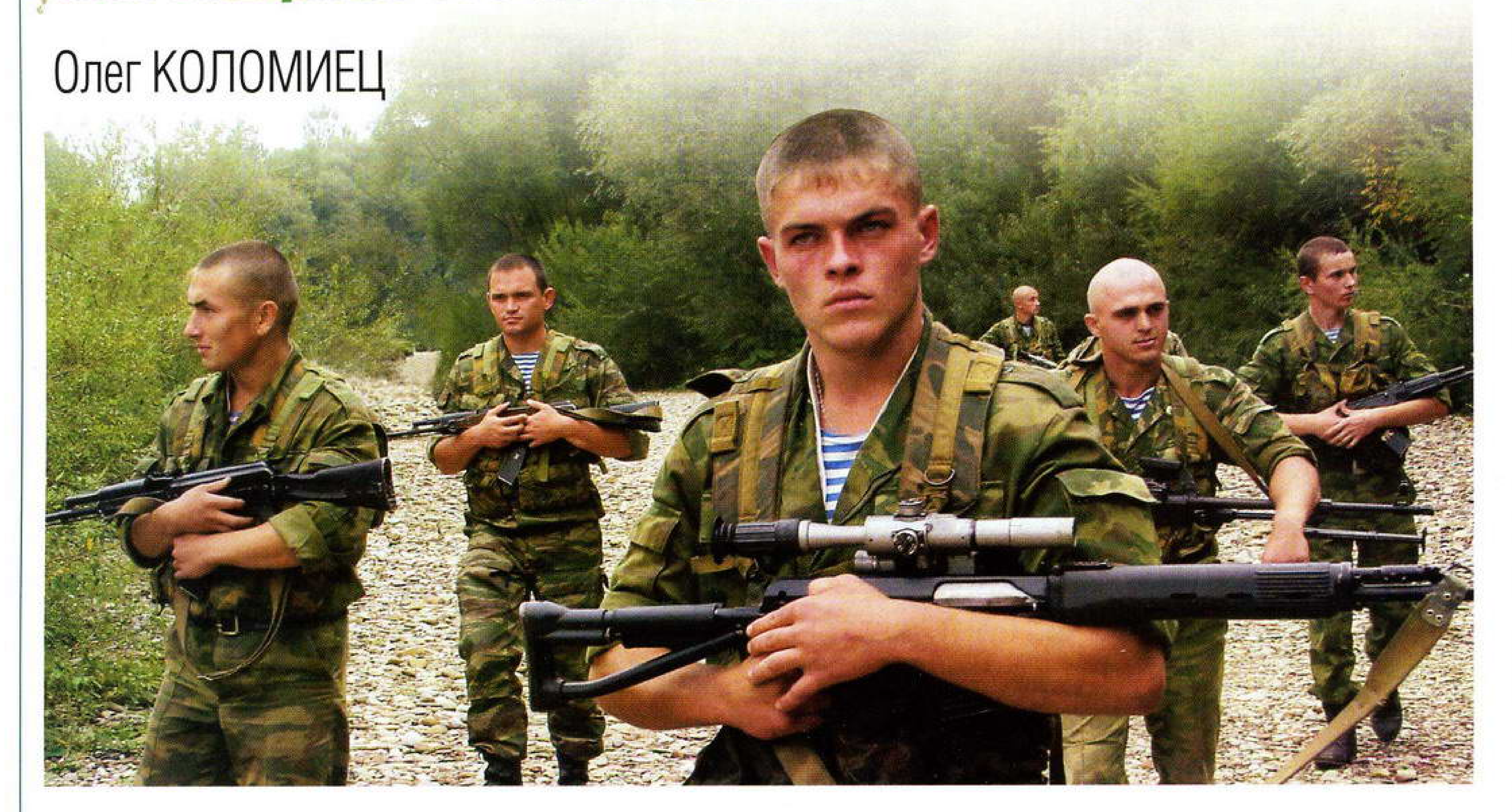
Пулемет замолк. Отрывисто, вразнобой продолжали бить только «духовские» автоматы. И тут вдруг Юра увидел, как впереди, метрах в восьмидесяти от него, из-за дерева выскочил бородач, неся с собой магазины патронов к РПК, и стремительно, зигзагами «рванул» к тому месту, где находился замолкший пулемет. Прицелившись, спецназовец выстрелил по нему, целясь в голову. Боевик, словно споткнувшись, рухнул на землю.

Тем временем шедшая сзади группа стремительно совершала фланговый обходной маневр, чтобы не дать уйти противнику.

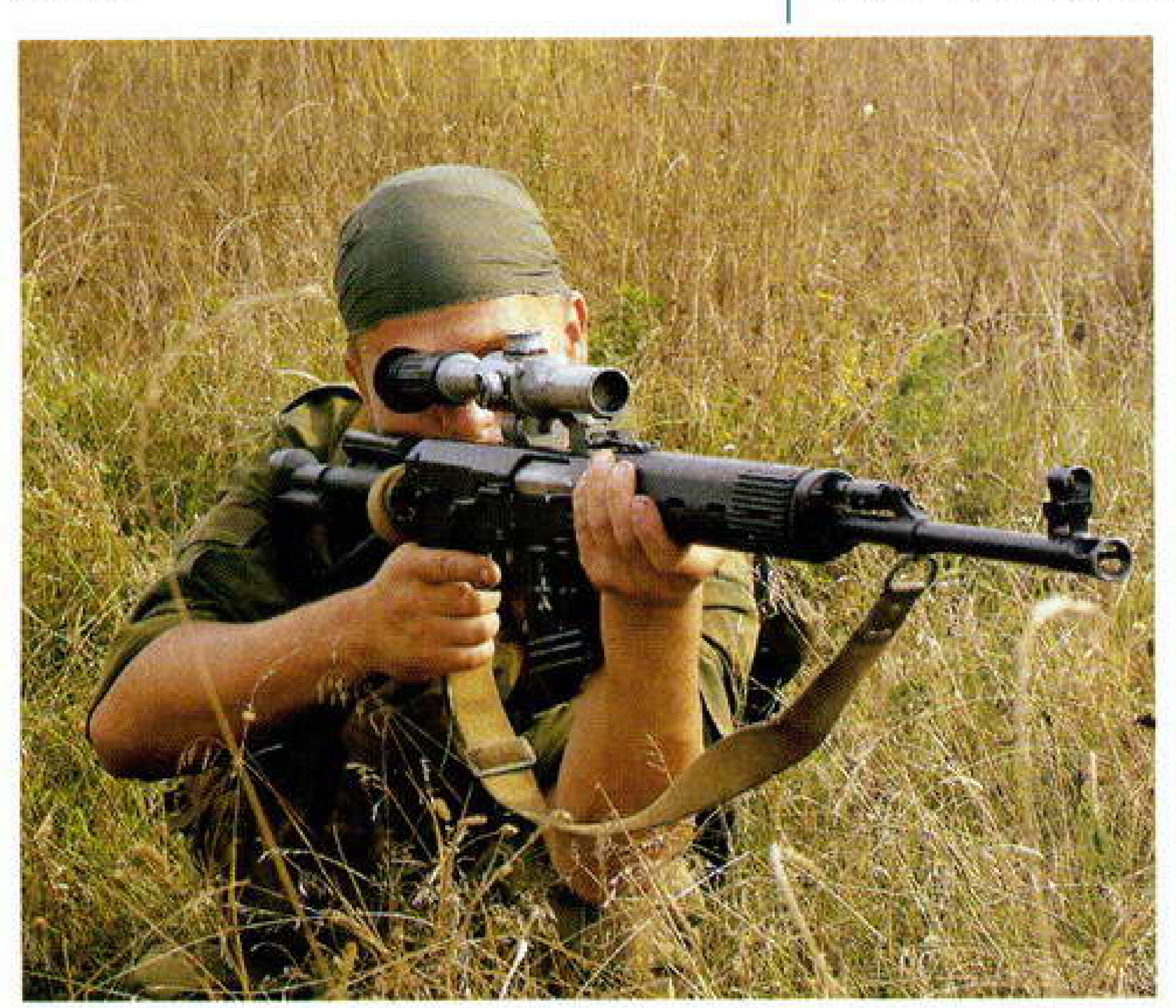
И все это произошло буквально в считаные минуты. Ядро РГСпН даже не успело вступить в бой. «Головняк», а точнее снайпер решил проблему самостоятельно...

Звук автоматных выстрелов быстро стал удаляться — боевики сматывались. Застать их уже не успели, а преследование не входило в планы РГСпН, выполнявшей свою задачу.

При осмотре «поля боя» картина

стала проясняться. По всей вероятности, пулеметчик просто струсил, драпанул со своей позиции, причем бросил на месте пулемет. Скорее всего, нервы не выдержали, когда почувствовал, что его позицию конкретно пристреливает снайпер. Видно, пули прошли «над ухом».

Лежавший ничком бородач оказался арабом, тело его «духи» то ли не успели забрать, то ли не захотели. Судя по результатам досмотра трупа, он был в банде не рядовым лицом. Араб конечно же собирался сменить пулеметчика. Не успел. Самое интересное, что снайперский выстрел настиг его точно в голову. Еще раз подчеркнем – на бегу.

То есть снайпер отработал профессионально. По сути дела, он выручил всю группу. Из этой ситуации, весьма невыгодной для наших, вся РГСпН вышла, не понеся ни одной потери, в том числе ранеными.

КРИК ДУШИ

Я начал с этого боевого эпизода (а он абсолютно достоверен) по двум причинам. Во-первых, чтобы на конкретном примере показать роль снайпера в группе спецназа. Во-вторых, потому, что этот пример мне привели как... не характерный.

О чем идет речь? О том, что наличие в РГСпН профессионально подготовленного снайпера является пока что скорее исключением, чем правилом. И при попадании в критическую ситуацию лишь немногие из штатных снайперов смогут точечным, ювелирным огнем прикрыть группу. Во всяком случае, это мнение людей, знающих реальную ситуацию. В описанном выше примере Юра не был штатным снайпером группы, он, сержант, занимал другую должность. Просто единственный из состава РГСпН владел снайперским оружием действительно мастерски (как ВСС, так и СВД-С). Добавим, что осваивал снайперское дело исключительно по собственному желанию, это никоим образом не входило в его обязанности. Кто посоветовал? Война посоветовала. Точнее, регулярные командировки в Чечню («отбабахал» в бригаде СПн ГРУ два контракта, не считая «срочки»), где он скоро понял, что группа без снайпера (настоящего!) может в критических ситуациях расплатиться за это жизнями.

Так, стоп... Давайте разберемся. Предполагаю в этот момент искреннее удивление и даже изумление многих наших читателей: «Да не может быть! Это же спецназ ГРУ! Да это же «супермены», там одни профессионалы! Разве возможно такое, чтобы в СПЕЦНАЗЕ ГРУ были плохие снайперы?!»

Оставьте эмоции, они нам сейчас ни к чему. Будем руководствоваться фактами. Да, к великому сожалению, такое не просто возможно, а уже годами является реальностью. При этом, разумеется, речь не идет о всех штатных снайперах спецназа ГРУ, есть среди них и истинные профессионалы своего дела. Вся беда в том, что таких мало. И это совершенно закономерно, так как снайперская подготовка в системе ГРУ, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Это, конечно, не мое мнение. Это мнение тех, кто сам служит в спецназе ГРУ, причем далеко не первый год.

«Здравия желаю, товарищ Главнокомандующий!

Пишет Вам... (здесь и далее никаких имен военнослужащих спецназа и частей, где они служат, по понятным причинам мы не называем. – **Ред.**). *Я служу в Н-ской отдельной бригаде специального назначения. Часть находится в подчинении ГРУ Генерального штаба ВС РФ.*

...Позвольте обратиться к Вам по поводу одного из немаловажных элементов боевой подготовки в наших подразделениях – подготовки снайперов. Дело в том, что подготовка снайперов как отдельный, самостоятельный вид подготовки отсутствует в подразделениях ГРУ вообще и в нашей бригаде в частности. И это несмотря на то, что подразделения ГРУ являются частями повышенной боевой готовности, в штатах всех боевых групп которых фигурируют один-два снайпера. И хотя мы вооружены и полностью укомплектованы соответствующим вооружением (снайперские винтовки СВД-С, бесшумные винтовки ВСС), которое закреплено за конкретными лицами, оно не может использоваться с должной эффективностью и с учетом всех заложенных в него технических возможностей, поскольку наши снайперы, то есть лица, назначенные на эти должности, не прошли специальную подготовку ввиду отсутствия таковой и не способны грамотно и эффективно использовать свое оружие...»

Это лишь начало письма, которое в нынешнем году ушло на имя лично Президента России и Верховного Главнокомандующего ВС РФ Владимира Владимировича Путина... Об авторе можно сказать лишь то, что он является военнослужащим контрактной службы в уже далеко не рядовом звании, имеет немалый опыт, в том числе боевой, и профессионально владеет снайперским делом. В дальнейшем будем называть его Алексеем. Письмо явилось своего рода криком души человека, искренне болеющего за снайперскую подготовку. А если сказать точнее, то он выражал мысли и надежды многих энтузиастов спецназа, ратующих за снайпинг. Да, читатель, именно энтузиастов. Не более того. Профессиональных инструкторов по снайпингу в спецназе ГРУ до сих пор так и не существует...

ШТАТНЫЙ СНАЙПЕР – ЕЩЕ НЕ СНАЙПЕР

О содержании письма мы подробно поговорим дальше. А сейчас мне хочется с огромным сожалением сказать следующее – опять приходится возвращаться к старой теме! Выходит, ничего не изменилось...

Дело в том, что об отсутствии специальной подготовки снайперов спецназа ГРУ наш журнал писал еще в январском номере 2006 года. Там был опубликован мой материал «Второго выстрела не дано», в котором рассказывалось об очередных соревнованиях снайперских пар подразделений специального назначения, проводи-

мых раз в два года в Абинском районе Краснодарского края. Журнал «Солдат удачи» традиционно приглашают на этот турнир сильнейших снайперов спецназа, и это были третьи по счету соревнования, на которых мне довелось присутствовать. Организуют и

проводят их Ассоциация ветеранов подразделения специального назначения «Альфа – Краснодар» и Управление ФСБ по Краснодарскому краю. В третий раз подряд глядя на высокий уровень подготовки большинства снайперов из спецназа ФСБ, я не мог не заметить, что представители команд спецназа ГРУ постоянно оказываются на последних местах. Это было, по крайней мере, удивительно – до той поры я считал снайперов «спецуры» ГРУ чуть ли не легендой. Как же так? Попросил объяснить причину. Компетентные люди (в частности, полковник спецназа ГРУ Александр, у которого «чисто чеченский» боевой опыт тогда составлял более восьми лет) объяснили мне, что в спецназе ГРУ планомерная подготовка снайперов просто-напросто отсутствует! То есть ее нет!!! Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Более того, согласно нормативным документам, штатная должность снайпера спецназа РГСпН ГРУ относится к должностям, «не определяющим боеспособность подразделения». Так и появилась в моем вышеназванном материале «Второго выстрела не дано» подглава с красноречивым названием «Спецназу ГРУ нужны снайперы!» В ней и говорилось о том, что снайперской подготовки в частях ГРУ нет, но ее необходимо возрождать. И дело не в соревнованиях. Дело в том, что в критический момент, «в нужное время и нужную минуту» в группе спецназа ГРУ попросту может не оказаться опытного снайпера, который необходим позарез, чтобы спасти всех. И не только в критические моменты. Одна снайперская пара с хорошим прикрытием может выполнить некоторые из сложных задач, которые выполняются всей группой. Причем «безболезненно», бесшумно и с максимальным эффектом. Но это уже тема отдельного разговора, и для этого нужны настоящие профессионалы...

Соревнования являются своего рода «лакмусовой бумажкой», показывающей состояние дел. В своем письме Верховному Главнокомандующему Алексей пишет: *«На прошедших в октябре 2005 года соревнованиях* (имеются в виду те, о которых говорилось выше. – **О.К.**) *...четыре команды (в том числе и наша), вооруженные винтовками СВД (СВД-С), заняли четыре последних места из 32. Это самый яркий показатель того, насколько наше оружие технически отстает от оружия команд, представлявших спецподразделения других силовых ведомств. Не принимая в расчет зарубежные образцы, можно выделить винтовки СВ-98 российского производства, которыми была вооружена часть участников. Результаты стрельб из этих винтовок практически не отличаются от результатов, показанных высококлассными зарубежными моделями. Во всех упражнениях, связанных с производством быстрого и точного выстрела, наши результаты были, мягко говоря, плачевными...»*

Об оружии мы еще скажем дальше. А сейчас продолжу – буквально через некоторое время после опубликования моего материала пришла статья от спецназовца ГРУ Александра Евгеньева (имя изменено). По компетентности, с которой было изложено состояние дел, стало ясно, что он является нештатным инструктором по снайпингу, занимая в то же время не рядовую штатную должность. Мы опубликовали эту статью с продолжением, в двух номерах (ноябрь и декабрь 2006 года) под названием «В снайперском бою «ничьей» не бывает...» Здесь он конкретно описал, какие «нули» в профессиональном отношении приходят на должности снайперов спецназа (контрактники) и как их приходится учить перед командировкой в Чечню для того, чтобы они соответствовали своему предназначению хотя бы более-менее. Причем подчеркивалось, это опыт всего лишь одного отряда СпН ГРУ, в котором командование реально понимает роль снайперов и озабочено тем, чтобы в каждой группе был опытный снайпер. По факту это скорее исключение, чем правило – командование отряда проводило все мероприятия по специальной подготовке снайперов РГСпН только по собственной инициативе. Попросту говоря, в командовании были энтузиасты снайпинга, отлично понимавшие, что человек, умеющий «сбить» опасную для группы цель с первого-второго выстрела в любых условиях, нужен каждой группе. Поэтому в отряде сами подготовили снайперов к чеченской командировке, причем достаточно качественно. Впрочем, не будем вдаваться в подробности, любой желающий может обратиться к вышеуказанным номерам «СУ». Материал Александра Евгеньева еще раз показал актуальность проблемы. Напомню, в нем был и такой момент: «Остается констатировать тот факт, что плановой подготовки снайперов в ОбрСпН как не было, так и нет».

Наконец, это письмо, посланное спецназовцем Алексеем Верховному Главнокомандующему... Оно свидетельствует о том, что проблема так и остается нерешенной. Письмо было в этом году опубликовано на одном из сайтов Интернета. Хотя мне, откровенно говоря, довелось узнать о нем намного раньше от одного из знакомых спецов. Он, будучи в курсе дел, рассказал и о реакции на послание. Ответ пришел, как и логично было предполагать, не из Администрации Президента, а из штаба ГРУ. То есть письмо пошло «откатом» по инстанциям... Кроме слов благодарности к автору за внимание к подготовке снайперов и общих заверений в том, что многое в этом плане делается, в нем не было ничего конкретного. Таким образом, что именно «делается» для возрождения подготовки снайперов, так и осталось неясным. Зато под конец следовало «отеческое» пожелание – впредь решать эти вопросы на уровне части.

Интересно, не правда ли? Это пожелание можно «перевести» по-простому – дескать, не суйся на высший уровень, знай свое место... Можно предположить, что не сама проблема волнует того, кто отвечал на письмо, а тот факт, что человек «посмел» напрямую обратиться к президенту...

Естественно, не высоким начальникам ходить снайперами в группе спецназа... «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!» И «простые» ребята из спецназа ГРУ, как в приведенном примере в начале материала, по «доброй инициативе» осваивают снайперское дело, отлично зная по опыту скитания в чеченских горах, что никто, кроме «себя самих», им не поможет...

И в то же время решение вопроса со снайперской подготовкой зависит как раз именно от высшего руководящего состава. Потому что на местах, по собственной инициативе, изменить что-либо нет ни реальной возможности, ни соответствующих прав, ни материального обеспечения. Так что, как ни горько об этом говорить, ответ из штаба ГРУ можно приравнять к обычной «отписке»...

«ЧЕЛОВЕК С ВИНТОВКОЙ»

В чем же суть? У нас сейчас не является секретом, что две бригады спецназа ГРУ комплектуются на контрактной основе. То есть, как мы говорим, профессионалами. Таковыми соответственно должны быть и снайперы РГСпН, которые также являются контрактниками.

Но, для того чтобы стать действительно профессионалом, тому же человеку, заключившему контракт, требуется немало времени. Тем более в спецназе. В состав бригады, из которой ушло письмо президенту, входит учебный батальон. Набирают в него солдат по призыву, они учатся здесь полгода. Потом, естественно, по желанию заключают контракт (далеко не все). Но подготовка снайперов в этом учебном батальоне отсутствует. Как и ряда других важных специальностей. *«В результате выпускник учебного батальона, попав служить в бригаду и получив по штату снайперскую винтовку (пулемет, гранатомет и т.п.), просто не знает ни ТТХ своего оружия, ни как с этим оружием обращаться, — пишет в своем письме Алексей. — ...В соединениях ВДВ снайперов направляют на обучение на курсы «Выстрел». А у нас все то немногое, что делается в этой области, носит формальный характер и существует для отчетности. Те, кто в какой-то степени владеют навыками, знаниями и опытом в этой сфере, — всего лишь энтузиасты своего дела и ничего более... В свою очередь командование бригады, даже осознавая в какой-то степени насущность вопроса, но не имея соответствующих программ подготовки, нормативных документов и статей расхода (равно как и прав самостоятельного приобретения элементов экипировки и оснащения), мало в чем может посодействовать».*

В качестве красноречивого примера можно вспомнить такой факт, о котором писал в своей статье вышеупомянутый А. Евгеньев. На снайперские курсы, серьезные по уровню преподавания, отправили офицера... окончившего автомобильное училище и соответственно не имеющего представления о снайперском деле. Естественно, вернулся он оттуда «нулем». А ведь если бы отправили действительно толкового офицера, хоть и не знающего снайпинга, но имеющего стремление его изучить, могли бы заиметь в бригаде хотя бы нештатного инструктора.

«Таким образом, отсутствие грамотных и подготовленных снайперов не является проблемой отдельно взятой бригады или начальника, это проблема системная, изъян в общей системе подготовки подразделений ГРУ, — пишет автор письма. — Поэтому снайпер в наших подразделениях — это только лишь человек с винтовкой, который не знает всех возможностей своего оружия, всех тонкостей его применения, он не владеет искусством снайпинга, и научить его зачастую некому. А если и есть люди, способные научить, то они не имеют для таких занятий ни документальной основы, ни специально выделенных времени и боеприпасов. Немногие из кадровых офицеров, в основном выпускники факультета специальной разведки, знают лишь необходимый минимум по стрельбе из снайперского оружия, они могут помочь солдату пристрелять его, равно как и остальные виды оружия, но не знают всех нюансов и деталей его применения...»

Вот и получается простая картина: на должность контрактника (то есть профессионала) приходит человек, не имеющий понятия о снайперском деле, а полноценно обучить его некому. И можно служить хоть два, хоть три года, но если нет профессионального инструктора, то штатный снайпер, даже обретя все навыки бойца специальной разведки, в снайперском отношении останется дилетантом. И это, еще раз заметим, в СПЕЦНАЗЕ ГРУ!!! Там, где должны быть не просто профессионалы, а многоопытные, истинные профессионалы снайпинга, которые по призванию своему обязаны работать, как ювелиры, поражая любые цели в любых условиях. Тем не менее это пока лишь мечта.

Наверное, именно этот факт — отсутствие планомерной специальной подготовки снайперов – является первопричиной проблемы, о которой мы говорим. Необеспеченность же спецназа ГРУ современным высокоточным оружием — уже, как говорится, следствие. Заметим при этом, что высокоточное оружие эффективно только в руках профессионала...

Может быть, в «верхах» рассуждают примерно так – мол, обойдутся снайперы тем, что у них есть: СВД, СВД-С, ВСС... Народ неприхотливый! Люди военные! Дай ему хоть «трехлинейку» – все равно будет выполнять задачу, никуда не денется!

И мало кто сегодня думает о том, что подразделения спецназа ГРУ выполняют не менее ответственные задачи, чем тот же спецназ ФСБ (нередко они работают в «связке»), что он должен быть подготовлен и оснащен не хуже своих уважаемых коллег. И спецназ ГРУ точно так же должен иметь опытных, подготовленных снайперов, обеспеченных самым разнообразным оружием, в зависимости от конкретной задачи, которую нужно выполнять.

«Вы и так вооружены лучшим в мире оружием, которое наиболее отвечает

выполняемым вами задачам»! – такое удивительное открытие сделало одно высокопоставленное лицо, когда на встрече с ним автор вышеуказанного письма задал вопрос, есть ли возможность получить хотя бы пару современных высокоточных винтовок на бригаду? Наверное, он имел в виду то, что спецназ ГРУ должен только «отстреливаться», но не выполнять «точечных» задач. Тем не менее это не так.

Если бы вы, читатель, видели своими глазами выполнение одного упражнения снайперских соревнований, когда нужно поразить в «голову» восемь мишеней на дистанции примерно 400–450 метров, при сильном ветре, в карьере (один из аналогов боевых условий), вы бы были весьма озадачены сравнением результатов, которые показывают «крутые» снайперские пары из винтовок TRG, AW и других подобного типа (соответственно с великолепными «западными» прицелами) по сравнению с тем, что «выбивают» снайперы спецназа ГРУ из СВД (СВД-С). Тут просто даже нечего сравнивать. На моих глазах, например, снайперская пара ГРУ с большим трудом смогла попасть из «лучшего в мире оружия» СВД лишь по одной цели из восьми. Причем стрелявший снайпер был достаточно опытным. В то же время снайперы ФСБ поражали в среднем по четыре – пять целей, лучшие – семь и восемь.

То есть на вышеупомянутых соревнованиях под Краснодаром винтовки СВД (СВД-С) используют только те команды, которым использовать просто-напросто больше нечего. Это команды спецназа ГРУ. В других силовых структурах находят возможности, для того чтобы снабдить снайперов современным оружием, и не только для соревнования.

«...Кроме обычных плановых командировок в Чеченскую Республику, наша бригада привлекалась и в принципе может привлекаться к участию в антитеррористических операциях, подобных проводившимся в Буденновске, Первомайском, Беслане, Нальчике, – пишет в своем письме Алексей. – Опыт проведения подобных операций показывает, что в ряде случаев огневой контакт происходит на значительной дистанции, как, например, это было в Первомайском, где активно применялись снайперы спецподразделений силовых структур. В той операции принимала участие Н-ская бригада спецназа ГРУ, между позициями которой и расположением боевиков было большое поле. В подобной ситуации возможностей наших СВД-С, которые позволяют вести эффективный прицельный огонь лишь на дистанциях 500–600 метров, явно не хватит для уверенного поражения маневрирующего противника. Высокоточными эти винтовки назвать нельзя, они хороши только в пределах выполняемых подразделениями ГРУ задач в горных и предгорных районах Северного Кавказа и других аналогичных условиях при стрельбе на средней дистанции. Точный выстрел в малоразмерную цель, например, часть головы противника, на короткое время показывающегося из-за укрытия на дистанции от 250 метров, очень и очень проблематичен. А что говорить о больших дистанциях в случае привлечения нас к какой-либо операции? Ни прикрыть маневрирующую группу, ни поразить точным выстрелом удаленную огневую точку противника. В таком случае мы просто окажемся без соответствующего инструмента и не сможем действовать с тем результатом, с которым могли бы...»

Я немного дополню. Один очень серьезный человек рассказал мне, как удалось спасти группу спецназа ФСБ, попавшую в окружение в горах Чечни. На помощь ей было выслано несколько других групп, в составе которых находились опытные снайперские пары, оснащенные высокоточным оружием. Снайперы, заняв выгодные позиции, поражали противника на дальних подступах, не позволяя ему приблизиться на дистанцию прицельного выстрела. Прежде всего благодаря им, снайперам, группа была успешно разблокирована и эвакуирована, причем без потерь.

Поражать противника первым выстрелом на любых, в том числе дальних и сверхдальних, дистанциях могут только ПРОФЕССИОНАЛЫ, ОБЕСПЕЧЕННЫЕ ВЫСОКОТОЧНЫМ ОРУЖИЕМ. И это факт. Но не для снайперов спецназа ГРУ..

В своем письме Алексей просит у президента немного: *«...Посодействовать в выделении на бригаду 2–4 винтовок СВ-98 и боеприпасов к ним (патрон 7,62 х 54 «Экстра»).*

Посодействовать в выделении на нашу бригаду целевых финансовых средств для приобретения оптических приборов зарубежного производства, стрелковых малогабаритных лазерных дальномеров, кофров, специализированных приборов наблюдения и средств ухода за оружием. Следует пояснить, что прицелы 1ПН59 «Гиперон», которыми комплектуются винтовки СВ-98, имеют сложную конструкцию при невысоком качестве исполнения, что приводит к быстрому выходу из строя узлов прицела и соответственно поломке самого прицела. Снайперы спецподразделений других силовых структур, имеющие возможность выделения денежных средств, стараются приобрести и заменить эти прицелы на более надежную оптику зарубежного производства...»

Наверное, читатель, вам тоже несколько странно то, что снайпер просит всего 2–4 современные высокоточные винтовки, хотя снайперов в бригаде, мягко говоря, несравненно больше. Видно, по принципу «дали бы хотя бы что-то!» Но есть и еще причина: высокоточные винтовки используются в основном в специальных операциях, исход которых могут решить порой один-два выстрела, и это не преувеличение... Бывает и так. Если будут в бригаде хотя бы две пары снайперов, способных решить такого рода задачи, то это уже хоть какой-то сдвиг. Хотя совсем маленький. Такие винтовки в идеале должны быть в арсенале каждой группы, точно так же, как штатные СВД-С, ВСС. Разнообразное вооружение снайпера практикуется во всех «продвинутых» армиях мира. Дело в том, что выполнение разных задач предполагает использование разного вооружения.

А вот у нас почему-то даже смешно

говорить о том, чтобы в арсенале каждой группы спецназа ГРУ появилось высокоточное оружие. Дескать, «они же стоят немерено, эти винтовки!» Да, стоят они дорого, как и все хорошее оружие. Что ж, будем дальше довольствоваться дешевым оружием, дешевой подготовкой и т.д.? За дешевую цену хороший спецназ не создается, уважаемые...

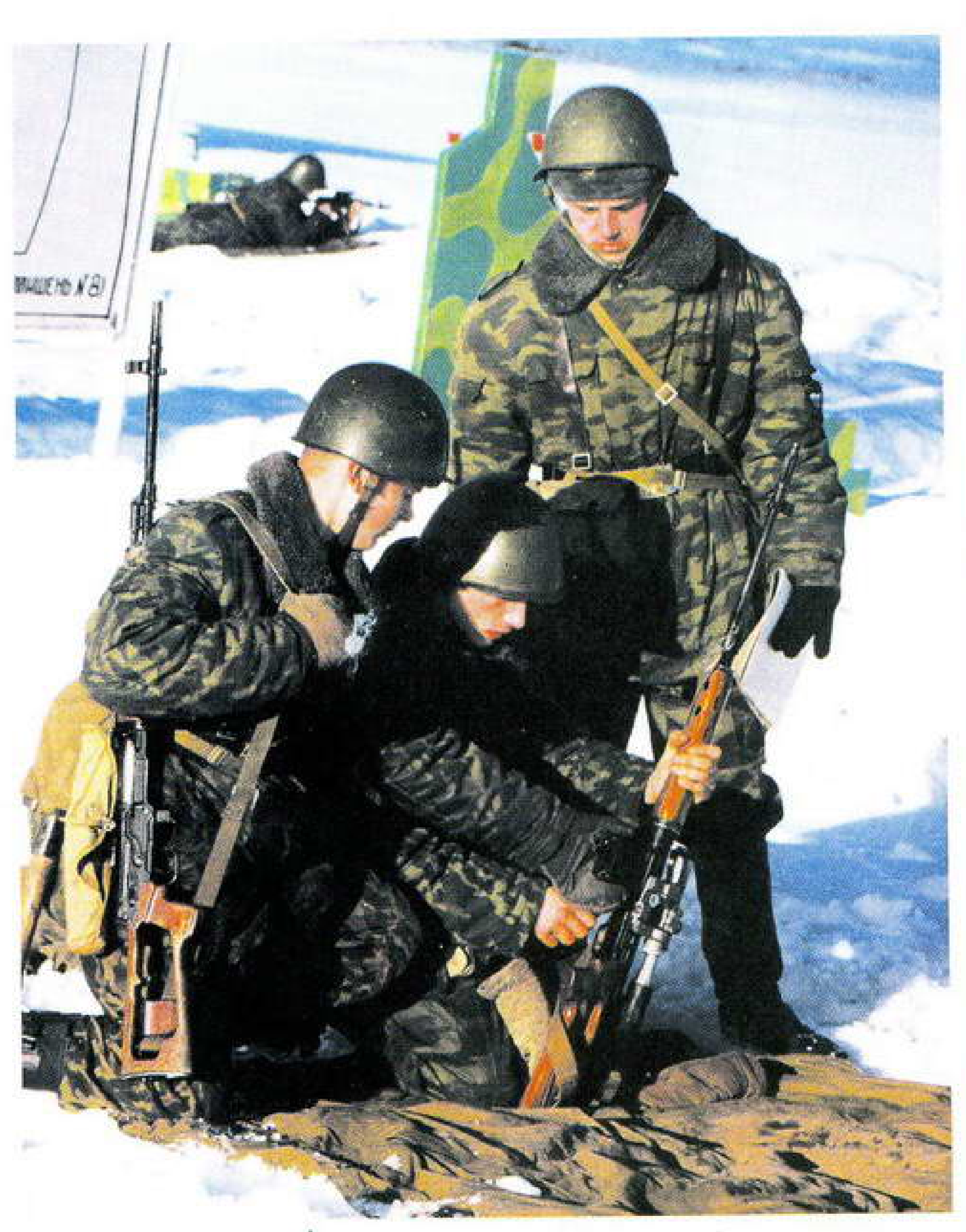
ЭТО НЕ «РЯДОВАЯ» ДОЛЖНОСТЬ...

Специальность снайпера – это не просто специальность. Это профессия, которой нужно посвятить долгие годы, иначе ты рискуешь стать «одноразовым снайпером»... Именно поэтому, например, в спецназе ФСБ эти должности занимают офицеры, которые совершенствуются годами и действительно могут делать то, что кому-то покажется сказкой. Например, десять раз подряд «впаять» точно в «голову террориста», высовывающуюся с разных сторон из-за «заложника». Разумеется, это учебное упражнение, но оно характеризует уровень подготовки. О том же, как стреляли снайперы антитеррора в реальных боевых ситуациях, уже не раз рассказывалось в нашем журнале. Я же хочу еще раз подчеркнуть – снайпер должен быть ТОЛЬКО ПРОФЕССИОНАЛОМ, на его обучение уходят годы. Если же относиться к подготовке снайперов так, как описано в рассматриваемом нами письме, то мы будем иметь не снайпера, а действительно «человека с винтовкой».

Кстати, а каков стимул у снайпера спецназа ГРУ, чтобы совершенствоваться, расти дальше – спросите вы? Никакого – отвечу вам. Для него, «не определяющего боеспособности подразделения», не предусмотрено даже должности сержанта. Должность снайпера РГСпН ГРУ является одной из самых низкооплачиваемых.

В то же время в качестве еще одного доказательства того, что могут опытные снайперы при их умелом и грамотном применении, приведу один «чеченский» эпизод, рассказанный мне офицером-разведчиком. Кстати, в данном случае речь идет именно о спецназе ГРУ.

...Две снайперские пары, обладающие высоким уровнем подготовки, заранее занимают позиции с таким расчетом, чтобы «валить» группу боевиков одновременно по ядру и «головняку», без шума. Этому способствовал крутой изгиб дороги, в районе которого и было выбрано место для засады. О том, что здесь должны пройти боевики, информация поступила заранее.

Читатель, представим себе эту картину. Головной дозор боевиков уходит вперед, скрывается за изгибом дороги. Там его уже ждет первая пара снайперов. Начинает работать по ним из бесшумного оружия, а идущие сзади в тот момент даже не подозревают об этом. Тут же открывает огонь по основной колонне вторая снайперская пара. Боевики начинают метаться, залегать по обочинам дороги, но все это было «просчитано» еще при организации засады. Огневые позиции снайперов позволяли эффективно поражать противника во всем секторе. Началось «поголовное истребление». Как мне сказали, в течение кратчайшего времени четырьмя снайперами было уничтожено примерно до 15 боевиков. То есть вся банда. Боевики падали, зачастую даже не успевая понять, откуда стреляют.

Согласитесь, это впечатляет. Четыре человека спокойно расстреливают из укрытий целую банду. И никаких проблем...

Но у нас для достижения подобных результатов чего-то по-прежнему не хватает. Денег, материальных средств, а может быть, элементарного желания и понимания важности специальности снайпера?

«ТАКОЕ ВОТ ОТНОШЕНИЕ К СНАЙПЕРАМ СПЕЦНАЗА!»

Раз в два года в спецназе ГРУ устраиваются соревнования РГСпН на звание лучшей, и одновременно проходят соревнования снайперских пар спецназа. Это испытание на пределе человеческой выносливости, на пределе мастерства. В своем письме президенту Алексей написал о «крайних» на тот момент соревнованиях, прошедших в 2005 году (этим летом уже состоялись очередные): *«Люди, участвующие в них... за свой энтузиазм, свою энергию и целеустремленность достойны уважения. Многие из них, хоть и имеют боевой опыт, но... все же не смогли проявить себя в полной мере. Присутствовали ошибки в стрельбе, особенно на дистанциях выше средних, и при атмосферных условиях, отличающихся от стандартных. Все говорило о том, что люди не имеют возможности регулярно оттачивать свои навыки... Такие соревнования необходимы... но они должны проводиться среди профессионалов, а не энтузиастов, у которых нет возможности поддерживать свое мастерство... Такое вот отношение к снайперам СПЕЦНАЗА* (выделил сам Алексей, видимо, с особой горечью)... *Судя по рассказам участников соревнований, поголовное большинство из них имели на подготовку лишь по нескольку стрелковых дней... И особенно иронично звучали слова «снайперская пара» в названии соревнований, поскольку в специфике работы наших подразделений такого понятия нет, хотя однудве пары на бригаду, вооруженные более совершенным оружием, очень полезно было бы иметь»...*

Вот такие откровения... «Хотя бы одну-две пары на бригаду»... Наверное, не стоит к этому ничего добавлять.

Может быть, все-таки пришло время хоть сейчас начать «догонять вчерашний день» и реально поставить подготовку снайперов спецназа ГРУ на серьезный уровень?

ЕЩЕ РАЗ О «ДЕДОВЩИНЕ»...

Скажу откровенно, рад факту появления отклика на мою статью «Дедовщина» от М.Ю. Лермонтова» («СУ» № 10, 2006 г). Правда, ожидал откликов гораздо острее и «за», и «против», и по сути всего материала, а не одной лишь не самой важной части. Однако, как говорится, спасибо и на этом. Теперь о критике Евгения Мирошниченко в мой адрес («Дедовщина» – это не «многовековая традиция», «СУ» № 7, 2007 г.)

Напомню, в своей статье он утверждает, что «в начале XX века термин «неуставные взаимоотношения» имел абсолютно другой смысл, нежели в советские времена и сейчас», считая, что я этого «не заметил в полемическом задоре».

Отвечу на это следующим образом. Неуставные отношения в *любой* армии подразделяются на 3 вида:

1. Между старослужащими (старшекурсниками военных учебных заведений) и военнослужащими более младших призывов (курсов), что, собственно, и является «дедовщиной», «цуком» и т.п.

2. Между командирами и подчиненными.

3. Между военнослужащими первого призыва (курса); офицерами равного звания.

И в моей статье речь шла лишь о первом виде. Автор же вышеназванного материала смешал в кучу первый и второй виды. Приведенный им обширный отрывок из мемуаров А.И. Деникина «Путь русского офицера» конечно же интересен, только не имеет отношения к рассматриваемой теме, так как описывает или уставные наказания, или же их слишком рьяное исполнение. (Напомним, в приведенном отрывке шла речь о системе наказаний в Русской и других армиях, при этом утверждалось, что «русское военное законодательство, карательная система и отношение к солдату были несравненно гуманнее, нежели в других первоклассных армиях «более культурных народов». – **Прим. ред.**)

Некорректно также в определении неуставных отношений связывать их лишь с нанесением телесных повреждений. Кто испытал «дедовщину» на себе, прекрасно знает, что не менее, а, возможно, более давят на психику человека моральный гнет, постоянное ожидание незаслуженного оскорбления, чувство унижения твоего человеческого и мужского достоинства.

Ошибочным также считаю мнение Е. Мирошниченко о том, что «фельдфебельщина» исключает «дедовщину». Первая совершенно не противоречит второй. Как правило, фельдфебели царской армии жили не в казарме, а «при казарме», в отдельных комнатах, часто имели семью, то есть не проводили все дни, а особенно ночи, когда и творятся многие безобразия, среди своих сослуживцев. Да и чисто физически один человек лично не охватит сотню подчиненных. И, естественно, он подбирал себе помощников, в первую очередь из старослужащих («дядек», как их тогда называли), наделяя их правами «казнить» и «миловать» в свое отсутствие и предоставляя им мелкие солдатские привилегии. Ну и какая разница для «молодого»: бьют его, отбирают деньги и шпыняют «дядьки» с молчаливого согласия фельдфебеля или без оного?

Одна из основных причин «дедовщины» как раз и заключается в ее удобстве для власти предержащей в подразделении – как дополнительного и, на первый взгляд, эффективного способа поддержания дисциплины. Но, естественно, до определенного предела, до «дела рядового Сычева» и т.п. Иначе на виновного отцы-командиры тут же «навешивают всех собак», и он из бывалого старослужащего моментально превращается в того, кто есть на самом деле – запуганного пацана или неразумного крестьянского отрока в военной форме.

Теперь о «добровольности» участия юнкеров в училищном «цуке». Добровольность эта была «липовая». Молодой человек отлично знал, что в случае отказа от жизни «по славной училищной традиции» он не только становился изгоем на два года учебы, но и должен навсегда распроститься с мечтой о поступлении в какой-либо гвардейский полк по получении офицерского чина (о чем забыл упомянуть Е. Мирошниченко, цитируя воспоминания князя В.С. Трубецкого). А ведь именно это было главной целью для поступавших в Николаевское кавалерийское училище. Дело в том, что новоявленный офицер мог быть принят в гвардейский полк лишь по решению офицерского собрания, которое заранее собирало справки о кандидате и категорически отвергало «красных» юнкеров. Поэтому отказчики от «цука» и были «очень редким явлением». Скорее всего, это были люди, по разным причинам не желавшие продолжать военную карьеру. Все же остальные просто не имели выбора. Ну и где же здесь добрая воля? Скорее уж можно говорить о *добровольно-принудительном* порядке, игре в демократию. Как писал один известный политик того времени: «По форме правильно, по существу – издевательство!»

Помимо всего прочего, «цук» нес в себе и серьезную идеологическую имперскую составляющую – как мощное средство сдерживания аристократической спеси и гонора. Ты князь у себя в имении, а тут ты никто, «зверь», и должен вести себя соответственно. И в будущем у тебя даже мысли не должно возникнуть о том, чтобы проявлять излишнюю самостоятельность, дерзить старшим и уж тем паче устраивать заговоры и бунты супротив августейшей фамилии.

Делать глобальные выводы об отсутствии «цука» во всех военных училищах России, кроме Николаевского кавалерийского, на основании одних лишь невнятных слов П.А. Зайончовского, который был кровно заинтересован в лакировке армейской действительности, по меньшей мере, наивно. Современные большие армейские начальники также утверждают, что «дедовщина» сильно преувеличена...

Тот же А.И. Деникин в книге «Старая армия» пишет, что «цук» присутствовал во всех кавалерийских училищах России и, несмотря на действительные и мнимые усилия Военного министерства, процветал там десятилетиями. В 1911 г. вопрос о «цуке» рассматривался даже Госдумой. А за год до Первой мировой войны в газете «Русский инвалид» военное ведомство заявляло, что это явление искоренено, однако само же поставило под сомнение сказанное, оговорившись в конце доклада, что в этом плане предстоит еще многое сделать. Общество докладу не поверило, так как из-за стен кавалерийских училищ сведения поступали совершенно противоположные.

В том же произведении Деникин описывает способы вымогательс-

тва денег «дядьками» у новобранцев: «Отказать же было нельзя, так как «дядька» имеет 1.000 возможностей, не нарушая даже формального устава, отравить жизнь молодым». И чем же здесь помогла «фельдфебельщина»?

Известнейший русский писатель А.И. Куприн в романе «Юнкера» пишет, что «цук» в Александровском училище (которое сам окончил) был прекращен (а скорее просто уменьшен до разумных пределов) лишь после воистину кровавого события: младший с криком «Довольно вы надо мной издевались!» полоснул старшего юнкера, собиравшегося щелкнуть его по носу, складным ножом по руке.

В тех же «Юнкерах» А. Куприн пишет о «цуке» как о «грубом, деспотическом и часто унизительном обращении старшего курса с младшим: дурацкий обычай, собезьяненный когда-то, давным-давно, у немецких и дерптских студентов»...

Быть может, А.И. Куприн, находясь в эмиграции, также чернил царскую армию по указанию советской власти, как это делал (по мнению моего оппонента) и нобелевский лауреат М. Шолохов (которому сами казаки почему-то безоговорочно верят)?

Территориальный принцип комплектования не являлся чем-то специфически казачьим. Он широко использовался и в иных подразделениях, а также в армиях других стран. Да, такой принцип несколько снижает уровень «дедовщины», но вовсе не исключает ее полностью. Выше я уже упоминал, что «дедовщина» — это далеко не только и даже не столько физическое воздействие, сколько моральное. Но даже и оное не является чем-то сверхъестественным в среде земляков или родственников. Широко известны публичные наказания провинившихся в станицах плетьми. Кто совершал экзекуцию? Приезжий кат? Нет, сосед, родственник, кому укажет атаман. Или вы никогда не сталкивались с фактами физического наказания в семьях? Поэтому вряд ли стоит принимать за серьезный аргумент высказывание: «Кого ударит казак — брата, свата, кума?» Если потребуется — ударит и не только. Гражданская война это прекрасно продемонстрировала.

Естественно, казарма старой Русской армии — не прямой аналог Советской и Российской, но многие черты, в том числе и негативные, характерные в той или иной степени для армий всех эпох и стран, присутствуют. И «дедовщина» — одна из них.

Ю. Павлов, г. Санкт-Петербург.

Такая ноша измотает любого

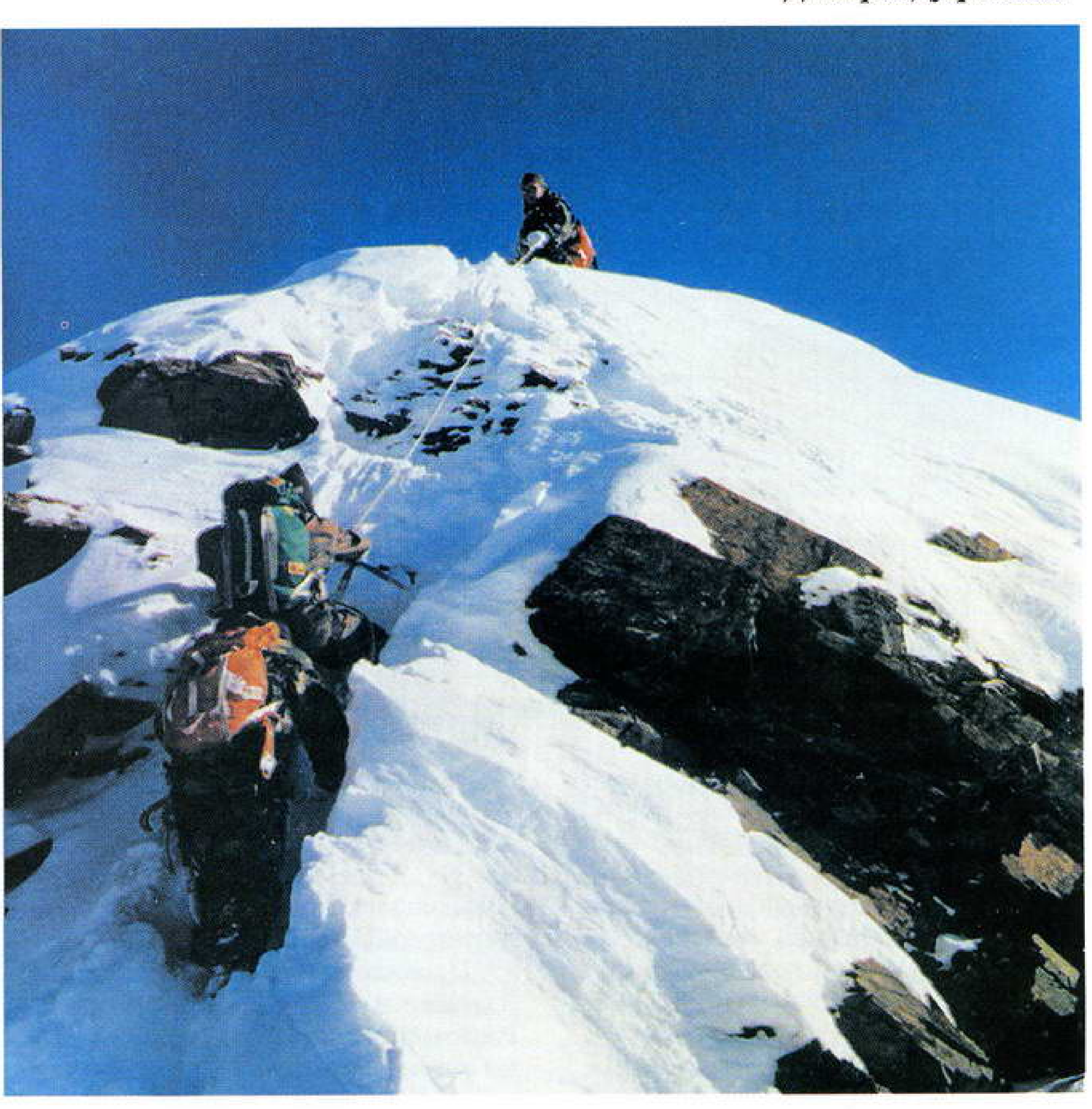
Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Солдат удачи!

Вызывает улыбку статья Михаила Гусева, опубликованная в журнале № 8 за 2007 год «Вооружение для горных стрелков», где автор по секрету рассказывает, что бывает такая ВСС и ОСВ-96.

Но меня просто поразило заявление автора о том, что нужно таскать с собой в горах по 50 кг. «И это вполне нормально», — утверждает Гусев. Я неделю назад вернулся из Горного Бадахшана. Там на высотах 4.300—5.000 м нам пришлось провести безвылазно 2 месяца. Так вот, могу заверить любого в том, что в горной местности носить такой груз можно только по прямой дороге и то сугубо в туристических условиях. В реальной боевой обстановке на любом подъеме, а крутизна и сложность перевалов и склонов могут быть разными (про осыпи, наждак и скалы с фирновыми полями я вообще молчу), эта ноша измотает даже самого выносливого и подготовленного бойца за полчаса.

А ведь нужно сохранять внимание, скорость реакции, следить за растяжками. Когда пот заливает глаза, а голова кружится от перенапряжения и разряженного воздуха, это сложно уже сделать с 25—30 кг, а с 50 кг можно просто нести груз, как ишаку, но не более того. К тому же автор забыл, что кроме стрелков есть еще и пулеметчики, у которых «рогатка» добавляет ко всему прочему еще 13 кг. Вот так.

С уважением
Дмитрий Дубровский.

Михаил БОЛТУНОВ

(Окончание. Начало в № 10)

КЕННЕДИ – ХРУЩЕВ: секретный канал связи

В конце января в США прилетел зять Хрущева Алексей Аджубей. Он только что побывал на Кубе. Теперь его принимал Джон Кеннеди. В беседе участвовал и Георгий Большаков.

Через два с небольшим месяца – новая встреча. На этот раз Аджубей возвращался из поездки по странам Латинской Америки.

Президент вновь принял у себя Аджубея и Большакова с супругами. Разговор опять зашел о Кубе. Именно тогда Джон Кеннеди сказал свои известные слова: «Это ведь в 90 милях от нашего берега. Очень трудно. Куба лезет изнутри».

В феврале Кеннеди передал Хрущеву через американского посла в Москве личное послание. Прошла неделя, другая, ответа не было. Вновь брат президента обращается к Большакову.

В своем отчете в Центр от 2 марта 1962 года Георгий Никитич сообщает, что президент США недоволен ходом переговоров Громыко и Томпсона и хотел бы лично встретиться с Хрущевым.

В конце апреля Роберт Кеннеди дважды виделся с Большаковым. По итогам встреч в Москву летит телеграмма, главный смыл которой заключается в следующем – президент США предлагает премьеру Никите Хрущеву заключить договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере.

Однако, судя по всему, в Кремле не очень-то верят предложениям Джона Кеннеди. Нет такой веры и в самих Соединенных Штатах. После ухода в отставку советник по науке Белого дома Визнер заявил, что своей политикой форсирования вооружений Джон Кеннеди подорвал шансы на заключение договора о запрещении ядерных испытаний.

За три месяца – с мая по июль – Роберт Кеннеди встречался с Большаковым семь раз.

3 июля брат президента США пригласил Джорджи в загородную резиденцию на воскресенье. Здесь между ними состоялся обстоятельный разговор. Кеннеди интересовало, есть ли в советском правительстве люди, выступающие за столкновение с США? Большаков ответил отрицательно.

В свою очередь, Георгий Никитич как бы переадресовал вопрос Кеннеди: «А есть ли такие люди в правительстве США?»

«В правительстве – нет, – ответил Роберт, – а в Пентагоне есть».

О подобном обмене мнениями Большаков доложил в Москву.

КАРИБСКИЙ КРИЗИС: НАКАНУНЕ

1 сентября 1962 года Георгий Большаков собирался убыть в отпуск на родину. 31 августа ему позвонил Роберт Кеннеди и пригласил на «прощальную беседу».

Едва Большаков переступил порог кабинета министра юстиции США, как Кеннеди сообщил: их ждет президент, он хочет передать Хрущеву послание. Они сели в служебный «линкольн» и поехали в Белый дом.

«Промчавшись по опустевшей от дневного потока Пенсильвания-авеню, – напишет в своих воспоминаниях Георгий Большаков, – мы через несколько минут выехали на зеленую аллею Белого дома и остановились у зашторенного холстом подъезда для неофициальных посетителей президента.

Агент секретной службы распахнул дверь. Коридор был пуст, и только расставленная в нескольких шагах друг от друга личная охрана президента свидетельствовала о присутствии в доме хозяина. Пройдя сквозь строй «почетного караула», мы вошли в маленький кабинет секретаря президента госпожи Линкольн. Там нас встретил помощник начальника службы охраны, сказавший, что президент будет через несколько минут.

– Мы подождем его там, – сказал Роберт Кеннеди, распахнув дверь в Овальный кабинет. Было видно, что он чувствовал себя здесь как дома. Через несколько минут бесшумно открылась боковая дверь, и, немного сутулясь, как бы стесняясь своего роста, вошел президент. Он был в темно-сером костюме в полоску и голубой рубашке, которая особенно оттеняла его каштановые волосы, чуть тронутые сединой. Он показался мне уставшим и немного встревоженным.

– Здравствуй, Джорджи, – протягивая на ходу руку, сказал президент и пригласил сесть.

– Вот что, – сказал он, – я знаю, что ты едешь в Москву отдыхать. Это хорошо. Я попрошу тебя оказать мне услугу и передать премьеру Хрущеву следующее...»

И Джон Кеннеди объяснил: посол США в Москве Томпсон информировал, что Хрущев обеспокоен облетами американских самолетов советских судов, следующих на Кубу. Он просил передать, что принял решение о прекращении этих облетов.

Далее президент США сказал, что ему представляется благоприятной перспектива улучшения американо-советских отношений.

После того как Большаков и Кеннеди покинули Белый дом, от себя уже добавил Роберт. Он пожаловался, что у брата много не только друзей, но и врагов. Как же этого не понимает Хрущев? Джон каждый раз делает шаги навстречу премьеру СССР, но эти шаги стоят больших усилий.

Большаков сказал, что понимает озабоченность президента США и постарается все в точности передать Хрущеву.

Как и намечалось, 1 сентября Георгий Никитич вылетел в Москву. Сразу по приезде домой он связался с помощником Хрущева Владимиром Лебедевым.

Тот сказал, что Никита Хрущев находится на отдыхе и примет Большакова в Пицунде между 10 и 15 сентября.

Большаков в назначенное время прибыл в Пицунду. Хрущев поприветствовал Георгия Никитича и сказал, что пристально следит за его контактами с Робертом Кеннеди. Далее попросил: «Теперь без утайки, откровенно, не стесняясь, расскажите мне все о президенте Кеннеди, его брате, окружении».

Три часа говорил Большаков. Хрущев внимательно слушал, задавал уточняющие вопросы. Потом к ним присоединился Анастас Микоян, отдыхавший вместе с Никитой Сергеевичем. Беседа продолжилась.

■ Общий вид советских пусковых установок в Сан Кристобаль

Хрущева интересовал вопрос, пойдут ли США на вооруженную конфронтацию с Кубой. Большаков ответил утвердительно. Но добавил, что Джон Кеннеди находится под большим давлением со стороны военных. Также пересказал опасения за брата Роберта Кеннеди.

– Прибедняются, – усмехнулся Хрущев. – Если он сильный президент, ему нечего бояться.

В заключение беседы Хрущев напутствовал: «Когда вернетесь в Вашингтон, передайте президенту, что мы положительно оцениваем его шаги, направленные на уменьшение напряженности и на нормализацию отношений между нашими странами.

Вы должны быть внимательны ко всему: тону, жестам, разговорам. Нам в Москве нужно знать все, особенно сейчас...»

Глубокий смысл последней реплики Хрущева «особенно сейчас» Большаков поймет уже после возвращения в США. Однако не сразу.

4 октября, после приезда в Вашингтон, Большаков позвонил Кеннеди, сказал, что хотел бы встретиться. Однако Роберт отреагировал как-то странно, он долго молчал, потом, словно нехотя, согласился увидеться на следующий день.

Георгий Никитич терялся в догадках – радушие и заинтересованность президента и Роберта перед его отъездом в Москву и какая-то холодность теперь. Что случилось за месяц его отсутствия в США?

Случилось то, о чем Большаков и подозревать не мог. На Кубу были поставлены оружие, бронетехника, войска, самолеты МиГ-21, Ил-28, но главное, ракеты средней дальности и ядерные боеголовки к ним.

Нет, Георгий Никитич, конечно, знал, что мы везем на Кубу оружие, но только оборонительного характера. Так сказал ему сам Никита Хрущев и просил это передать президенту США.

А когда при очередной встрече с Кеннеди Большаков поведал о разговоре в Пицунде с Хрущевым и Микояном, Роберт сделал лишь одно уточнение. Он попросил повторить то место из послания, где говорилось,

что Советский Союз направляет на Кубу оружие только оборонительного характера.

Большаков повторил. Кеннеди записал и тут же, вызвав секретаря, попросил напечатать записанные им слова.

Так они и расстались, необычайно сухо и даже как-то холодно. Перед уходом Большакова Роберт Кеннеди уточнил: в ближайшие дни он будет очень занят. Если нужно, свяжешься с секретарем.

Через много лет, вспоминая ту встречу, Большаков скажет: «Ни он, ни я тогда не знали, что увидимся только через три трагические недели».

ТРИ ТРАГИЧЕСКИЕ НЕДЕЛИ...

Однако прежде чем наступили эти недели, у Большакова была еще одна встреча, на этот раз с человеком, близким к президенту, журналистом Чарлзом Бартлеттом. Они увиделись во время ланча в ресторане, который располагался в Лафайетт-сквере, что напротив Белого дома.

Бартлетт попросил пересказать ему послание Никиты Хрущева Джону Кеннеди, которое он привез из СССР.

По сути, это была третья встреча за неделю после его приезда из Москвы. Сначала он пересказывал послание пресс-секретарю Пьеру Сэлинджеру, потом Роберту Кеннеди и теперь Чарлзу Бартлетту.

Журналист все тщательно записывал. После того как Большаков закончил, Бартлетт уточнил: «Это все?» – «Все», – ответил Георгий Никитич.

Было такое впечатление, что американцы не верили своим ушам, они ждали какого-то важного сообщения из Москвы, но Большаков, увы, повторял одно и то же.

Причину этих пристрастных «допросов» Георгий Никитич понял позже. И открыл ему глаза не резидент или кто-либо из советских дипломатов, а тот же американский журналист Чарлз Бартлетт.

Это были весьма неприятные минуты для Большакова. Впрочем, нечто подобное пережили и его коллеги, и советские дипломаты, и даже посол СССР в США. Все они оказались в идиотском положении – никто из них слыхом не слыхивал о размещении наших ядерных ракет на Кубе.

...Однажды утром Большакову позвонил Бартлетт и пригласил заехать к нему в национальный пресс-клуб. Ничего не подозревающий Георгий Никитич поспешил на встречу.

Самолет НАТО над советским транспортом «Адмирал Нахимов»

В кабинете Бартлетт показал Большакову планшеты, на которых были размещены фотографии, сделанные с самолета-разведчика. Подписи говорили о том, что это места строительства советских ракетных баз на Кубе.

До этого в американских СМИ сообщалось о завозе ракет на Кубу, но Большаков, признаться, не верил подобным газетным уткам. Ведь ему совсем другое говорил сам Хрущев.

Большаков стал рассматривать снимки. Съемка производилась, судя по-всему, практически каждый день, и на последних фотокарточках уже угадывались очертания ракетных установок.

– Что ты скажешь на это, Джорджи?

Что мог сказать Большаков? Он не был спецом по ракетной технике и никогда не видел подобных снимков. Так он и ответил Бартлетту.

– Я такой же специалист, как и ты! – вспылил Бартлетт. – Но Бобби просил показать тебе эти занимательные картинки.

Назавтра «картинки» были опубликованы в печати. На Совете Безопасности ООН представитель США Эдлай Стивенсон предъявил их в качестве доказательства ракетного присутствия СССР на Кубе.

В интервью с историком А. Фурсенко в 1989 году Большаков скажет, что «братья Кеннеди ему были по-человечески близки. Как ужасно, что Роберт мог подумать, что я, зная о ракетах, сознательно обманывал. Конечно, я не выкладывал ему абсолютно все, что знал, но это был такой огромный обман, что страшно подумать. Мне и тогда это было неприятно узнать, а теперь на старости лет особенно неприятно вспоминать».

Утешением может служить тот факт, что советник президента Кеннеди Соренсен позже утверждал: администрация не считала, что Большаков сознательно обманывал их. Они относились к Георгию Никитичу с полным доверием.

Однако вернемся к событиям тех трагических дней.

22 октября президент Джон Кеннеди в обращении к нации объявил об установлении США блокады Кубы.

На следующий день Советский Союз выступил с заявлением, в котором блокада Кубы, задержание и осмотр судов были названы «беспрецедентными и агрессивными действиями».

Москва предупреждала, что подобные действия могут привести к термоядерной войне и если агрессор начнет ее, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар.

В США скупали продукты на случай войны – сухари, шоколад, консервы.

25 октября на радио передали условный сигнал атомной тревоги.

26 октября президент США приказал приступить к разработке операции по высадке американских войск с целью установления «гражданской власти» на Кубе. Однако Джон Кеннеди не дал команду, он ждал ответа Никиты Хрущева.

Советское правительство предложило вывести с Кубы наше оружие в обмен на невмешательство в дела Кубы и сохранение суверенитета этой страны.

27 октября над Кубой сбит американский самолет-разведчик. Американские генералы предложили нанести удар по Кубе.

Напряжение нарастало. Опасность войны была крайне велика.

Роберт Кеннеди встретился с послом СССР Анатолием Добрыниным и передал, что кризис обостряется, на президента США оказывается сильное давление. Может начаться война. Президент не хочет столкновения. Но помимо его воли может случиться непоправимое.

В тот же день, после встречи с Добрыниным, Роберт Кеннеди поз-

вонил Большакову и подъехал к его дому. Они говорили прямо в машине Кеннеди. Роберт повторил сказанное Добрынину и добавил, что президенту США «почти невозможно будет сдержать военных в ближайшие сутки, если не поступит позитивного ответа из Москвы...»

Слова Кеннеди были срочно переданы в столицу СССР.

28 октября ранним утром Большакову позвонил Бартлетт. Он сообщил, что московское радио открытым текстом передает послание Советского правительства президенту США Кеннеди о решении проблемы кубинского кризиса.

«Фактически к исходу этих тринадцати дней, – скажет потом Георгий Большаков, – мир заглянул в бездну ядерной катастрофы. И надо отдать должное и премьеру Хрущеву, и президенту Кеннеди за то, что у них обоих хватило политического мужества прийти к пониманию, что в кубинском кризисе не будет ни победителей, ни побежденных».

Правда, понадобилось еще три недели, чтобы поставить точку в крайне взрывоопасном кризисе. В эти дни между СССР и США шли тяжелые переговоры о выводе с Кубы теперь уже наших самолетов Ил-28.

Москва увязывала вывод бомбардировщиков с отменой карантина и прекращением полетов американских самолетов над Кубой.

Кеннеди отклонил требование советской стороны. Свою позицию он объяснил тем, что у правительства США нет других гарантий, что Кастро будет выполнять соглашение.

Шли долгие препирательства между Робертом Кеннеди и послом Советского Союза в США Анатолием Добрыниным. Кеннеди был уязвлен неуступчивостью советской стороны.

19 ноября на встрече с Большаковым Роберт Кеннеди отметил, что «обстановка вокруг Кубы вновь значительно обострилась из-за того, что Кастро отдал приказ сбивать американские самолеты». Брат президента предложил скорее решить вопрос о выводе Ил-28 с Кубы.

В тот же день Большаков отправил телеграмму в Центр, в которой доложил о разговоре с Кеннеди и его настоятельных пожеланиях.

Ответ из Москвы в Вашингтоне ждали до 20 ноября. На этот день была назначена пресс-конференция президента США Джона Кеннеди.

Хрущев согласился. И пресс-конференцию руководителя США Большаков и Роберт Кеннеди уже смотрели вместе в кабинете министра юстиции. Роберт Кеннеди с удовлетворением говорил:

– Ну что, Джорджи, теперь все кончено. Теперь нам нужно поскорее забыть все происшедшее в эти тринадцать дней и начать, как предлагает президент, «с чистого листа», не озираясь на прошлое... Выиграли мы оба. Выиграл весь мир.

Откровенно говоря, Георгий Большаков не против был начать все «с чистого листа». Однако, как показала жизнь, сделать это не удалось. Прошлое не выпускало Георгия Никитича из своих цепких лап.

ЛУЧШАЯ ШУТКА ГОДА

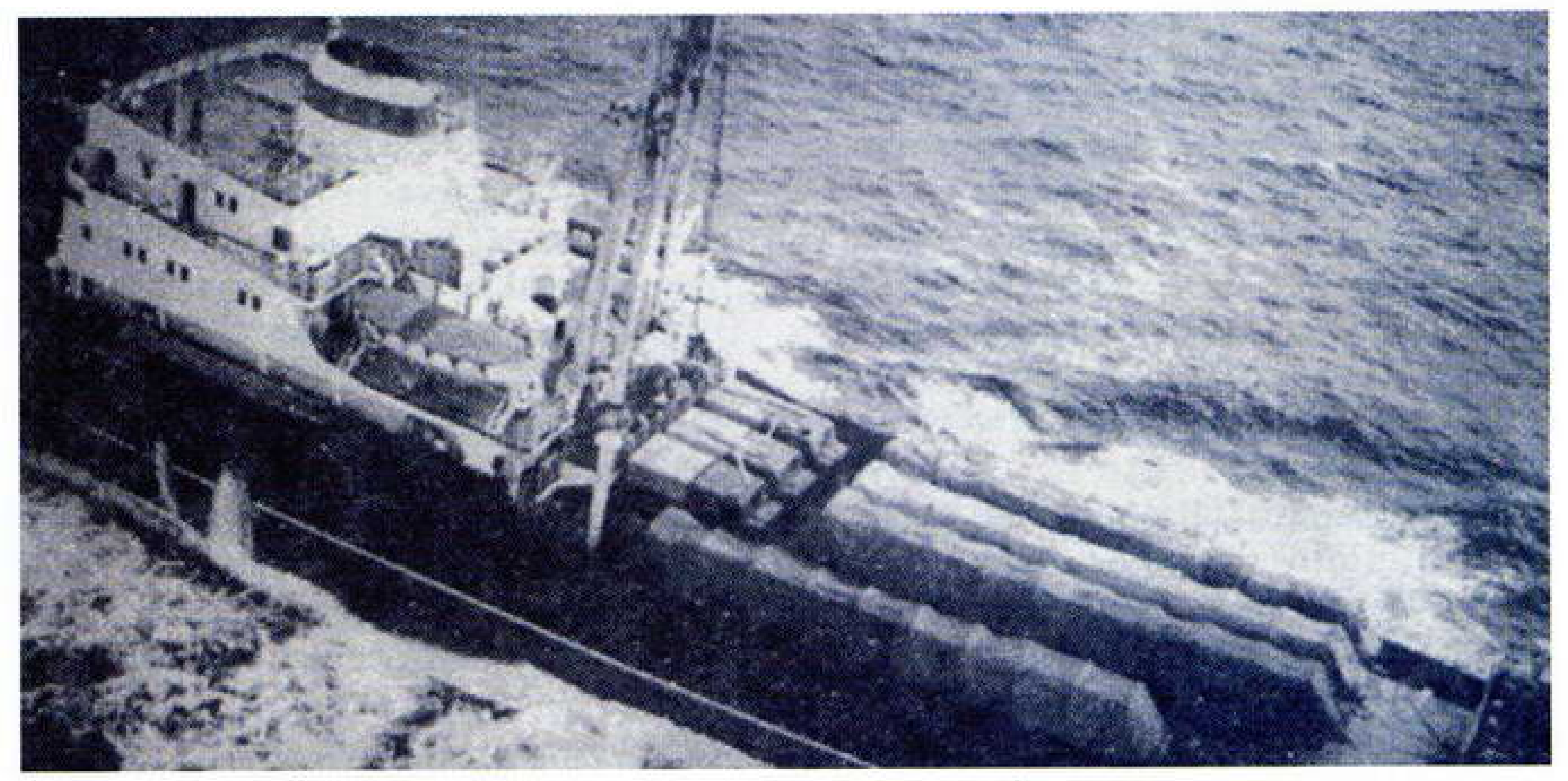
Ранее уже упоминалось, что американская и советская стороны всячески скрывали от общественности отношения Большакова с Робертом Кеннеди, а тут неожиданно 5 декабря журналисты Чарлз Бартлетт и Стюарт Олсоп опубликовали в газете «Сатердей ивнинг пост» сенсационную статью о секретной миссии Георгия Никитича. Причем это была статья не просто о конфиденциальном канале связи между руководителями двух крупнейших в мире стран, а о том, что Хрущев использовал Большакова в качестве дезинформатора якобы для введения в заблуждение Джона Кеннеди относительно размещения советских ракет на Кубе.

В этот же день влиятельная «Вашингтон пост» вышла со статьей все того же Олсопа, в которой автор еще подробнее рассказывал об особой миссии советского дипломата. Под броским заголовком «Советский план обмана» журналист повествовал о том, как американская администрация стала жертвой обмана, доверившись этой самой конфиденциальной связи. Здесь были приведены даже факты о встрече Большакова и Хрущева в Пицунде, о которых знал, по существу, только Роберт Кеннеди со слов Георгия Никитича.

До сих пор в этой истории больше вопросов, чем ответов. Разумеется, первые подозрения падают на Роберта Кеннеди. Зачем он «сдал» Большакова прессе? Какая в том была необходимость?

Сам Роберт Кеннеди при встрече с Большаковым свое участие в этой истории отрицал. Он говорил, что появление статей стало для него самого полной неожиданностью.

Бытует мнение, и его поддерживают советники президента Джона Кеннеди – Теодор Соренсен и Артур Шлезингер-младший, что американская сторона «не предавала» Большакова, а Роберт Кеннеди ценил и любил Георгия Никитича. Он просто стал жертвой американских «акул пера». Слишком уж много журналистов знали о связях Роберта Кеннеди с Большаковым и об особой миссии последнего. Рано или поздно подобная публикация должна была появиться. И она появилась. Правда, в ней почему-то так и не прозвучала фамилия самого Роберта Кеннеди.

■ **Советское судно «Волголес» с ракетами на борту следует курсом на Кубу**

Возможно, причина утечки конфиденциальной информации значительно глубже. Наивно полагать, что Роберт Кеннеди не знал, не ведал, сотрудником какого ведомства на самом деле является Большаков. А если бы это стало известно более широкому кругу, тем же «акулам пера», и Кеннеди обвинили в секретных связях с советской разведкой? Это уже скандал иного порядка. Поэтому, возможно, страхуясь, администрация президента заранее «выпустила пар», дала

Ракеты тоже возвращаются в Советский Союз

Короткий отдых советских офицеров перед возвращением домой

утечку о конфиденциальном канале связи. Да при этом руками журналистов еще заодно и обвинила советскую сторону в обмане.

Так или иначе, но после подобных публикаций судьба Большакова была решена. Теперь его не могли использовать ни как разведчика, ни как «секретного посла по особым поручениям». ГРУ приняло решение отозвать его на родину.

14 декабря во время прощальной встречи Роберт Кеннеди спросил, не повредят ли Большакову в его будущей карьере статьи, опубликованные в американской печати?

Что мог ответить на этот вопрос советский военный разведчик? Он лишь пошутил: «Без работы не останусь...» Хотя, откровенно говоря, собственное будущее не могло его не беспокоить.

Посол Анатолий Добрынин отправил министру обороны телеграмму, в которой высоко оценил миссию Большакова и просил трудоустроить Георгия Никитича. Маршал Родион Малиновский, в свою очередь, наложил резолюцию на телеграмме: «Претензий к тов. Большакову нет. Дать достойную работу».

Работу дали. Только вдалеке от разведки. В 1967 году его уволят из АПН, а потом и вообще из армии.

Как жил все последующие годы «посол по особым поручениям на высшем уровне» Георгий Большаков? Тяжело жил. Забытый всеми, без хорошей работы, а самое главное, не оцененный по достоинству.

Мой земляк – смолянин, ветеран военной разведки, полковник Александр Никифорович Никифоров, знавший Большакова по совместной работе в США и друживший с ним, рассказывал мне о переживаниях Георгия Никитича.

В те годы, после отъезда Большакова из США, о нем много писали в американских СМИ, высоко оценивал его посредническую миссию Роберт Кеннеди, а здесь, в Советском Союзе, – полное молчание. Словно и не было такого человека, к помощи которого прибегали в кризисные дни сильные мира сего.

А. Фурсенко, который встречался с Большаковым в 1989 году, за несколько месяцев до его смерти, приводит такие горькие слова Георгия Никитича: «Я долго шел к тому, чего достиг в 1962–1962 годах во время пребывания в США в результате важных контактов с братьями Кеннеди. Но довольно быстро потерял все это. Такая была система. Она была безжалостна даже к тем, кто добивался важных результатов. Человек падал в пропасть, и никому никакого дела до него не было. Малиновский, который ранее докладывал мои сообщения Хрущеву и преподносил их как достижение своего ведомства, наверное, ни разу не вспомнил обо мне».

В отличие от нашего государства, в США по-иному оценили деятельность Георгия Большакова. В личном послании Джона Кеннеди Никите Хрущеву, датированном 14 декабря 1962 года, говорится: «Мы были рады возможности частного обмена мнениями через господина Большакова, и я огорчен, что он уезжает в Москву. Мы считаем, что он сделал очень много для улучшения связи и взаимопонимания между двумя нашими правительствами...»

В свою очередь, Роберт Кеннеди в начале 1963 года прислал Георгию Большакову теплое письмо.

«Дорогой Джорджи, – писал он, – вот уже более двух месяцев, как вы уехали из Соединенных Штатов, все еще существует мир. Я не думал, что это возможно. Как бы то ни было, мы все скучаем без вас...»

А как скучал Большаков! Нет, не по Америке, а по настоящему, сложному, пусть и трудному делу, которому он служил всю жизнь. Но такого дела в военной разведке ему не нашлось.

...Подошло к концу повествование о талантливом разведчике Георгии Большакове. Однако не хотелось бы заканчивать свой рассказ на такой минорной ноте. Тем более что сам Георгий Никитич был человеком веселым, энергичным, остроумным. Таким он остался в памяти своих товарищей, сослуживцев, в памяти тех, кто знал и любил его за океаном, в США.

Вот лишь один пример. После того, как было принято решение о возвращении Большакова в Москву, в его честь торжественный прием устроил Чарлз Бартлетт. Так вот там Георгий Никитич произнес короткую, шуточную речь.

«Мы пошли навстречу Соединенным Штатам и сделали довольно много уступок, – сказал Большаков. – Вы потребовали от нас вывести ракеты – мы их вывели. Вы потребовали от нас вывести бомбардировщики – мы это сделали. Вы, наконец, потребовали отозвать Большакова – меня отзывают. Но учтите – больше вам уступок не будет».

Присутствующие на приеме оценили изящную шутку Георгия Большакова. В журналистских кругах она была признана лучшей шуткой года.

СУПЕРЗАРПЛАТА ДЛЯ МЕГАСКАЛОЛАЗОВ

Добрый день!

Позвольте высказать свою точку зрения на статью Игоря Плугатарёва «Видел горы? В спецназ!», опубликованную в № 8, 9 за 2007 год. Это мое персональное мнение, и право любого соглашаться с ним или не соглашаться.

Упомянутая статья отражает и обобщает большей частью мнения людей, которые заполонили сегодня Интернет. Их авторы все как один, ссылаясь на вполне уважаемого полковника Дьяура, уже мысленно «отправляют» горных спецназеров с веревками и крюками в скалы. Позволю оспорить некоторые моменты. Все эти рассуждения от совершенного незнания предмета.

Я вырос в Кабардино-Балкарии и в юношестве «баловался» альпинизмом. В первую чеченскую воевал в горных районах. И ни разу ни мне, ни моим сослуживцам не понадобилось карабкаться со страховкой, пользоваться крюками и кошкой. А вот топать ножонками приходилось много. Конечно, дагестанские горы отличаются от Аргунских ворот, а горы Карачаево-Черкесии имеют свои особенности, но, на мой взгляд, особой виртуозности в скалолазании от солдат не нужно. Он — горный солдат, а не спортсмен. В подготовке такого горного солдата упор необходимо делать на иные вещи, а не «заморачиваться» по поводу альпинистских «фенечек».

Что-то слабо представляю расчет СПГ, висящий в «беседках», обмотанный страховками, тянущий на себе «железо» с боеприпасами на фалах и тросах над пропастью. А вот умение выбирать легкие и безопасные пути движения, точно ориентироваться в условиях плохой видимости, хорошо читать карту, выбирать по ней безопасные маршруты, чертить схемы, определять высоту подъема на гору, уметь выжать из радиостанции в ущелье по максимуму (порой обычная медная проволока, протянутая на плащ-палатке по дну ущелья, дает какую-никакую связь в отличие от штатной антенны), оказывать первую помощь — это все очень важно.

Мне кажется, чтобы в будущем из обычного солдата получился хороший «горник», нужно отобрать парня с хорошей дыхалкой и выносливостью еще на этапе профмедотбора. А тактике действий в горах его можно научить. Кто будет учить? Есть кому. Было у нас закрытое в 1994 г. Владикавказское ВОКУ с горной подготовкой. Есть сайт этого училища, там полно контактов. Остались офицеры, в том числе преподаватели, некоторые из них еще служат, проверял. Пользуйтесь! Если нашлись деньги на обустройство «горных частей» с нуля, то уж на 10-20 семинаров для занятий с инструкторами средства найдутся. Но если сэкономить на этих занятиях, то подобная экономия дорого обойдется в будущем.

Еще раз повторюсь, не проблема найти преподавателя из какого-нибудь института физкультуры на пару-тройку семинаров. Фанаты-«горники» с «вояк» и денег не возьмут, оплатите им лишь проезд и питание. А вот найти спецов по тактике ведения боя в горах — действительно проблема.

Из своего опыта знаю, что местное население, как правило, не обладает навыками «висения» и не ставит себе задач по «оседланию» перевалов. Скажу больше, они куда слабее по выносливости, чем равнинные парни. Так вот, каких-то мегаскалолазов на всю бригаду, думаю, нужно иметь лишь роту. Вот им-то, родимым, и можно супероклад установить, а для остальных это будет стимулом подтягивать свои умения, сноровку и дисциплину в стремлении попасть в «крутые». Посему набрать пару сотен настоящих скалолазов вполне можно.

Ну ни за что не поверю, чтобы вся бригада поголовно и одновременно кинулась по тревоге карабкаться на скалы. И артиллеристы, и механики-водители, и вертолетчики, и санбат тоже? Уверен, те же «летуны», которые в состав бригады непременно войдут, по своему менталитету будут просто игнорировать всеобъемлющую концепцию: «У нас все «висят»!»

Еще один штрих: комплект альпинистского снаряжения от того же «Ирбиса» или «Еремели», включая всякие карабинчики, айсбайли, тросы, «беседки» и т.п., обойдется долларов в 350 минимум, не считая стоимости обуви и одежды. Это если самое «фуфловое» покупать. Жаждущий жить и жизнью наслаждаться пользует свой комплект «снаряги», который у него в сундучке под замком, а не позаимствованный у кого-либо или еще хуже выданный начвещем, для которого качественное состояние каких-то крючков не есть приоритет.

Вопрос: это сколько же будет стоить снабдить каждого в бригаде комплектом для «висения»? В том числе и расходными материалами. Для информации: один крюк — 7-10 долларов. Это как же необходимо отладить систему финансирования расходных материалов и списания оных, чтобы она заработала, как конвейер. Зная нашу ментальность, предвижу следующий подход: «Родина вас снарядила, вы израсходовали, вот и покупайте израсходованное за свой счет». А сколько на списании «нагреть» можно!

А так ли надо это каждому? Пусть вот эта мегаразведрота скалолазов-фанатиков и корпит над своим добром и своими навыками за свою суперзарплату. А остальным стоит устраивать ликбезы немного пореже. И по очереди. Иначе утомится до смерти начвещ комплекты списывать.

С уважением
Дмитрий Лапшин.

Германский пистолет-пулемет обр. 1941 года принадлежит к редким образцам оружия периода Второй мировой войны. Разработан Гуго Шмайссером по рекомендации представителей пехотных частей на принадлежавшей ему оружейной фирме «C.G.Haenel, Waffen und Fahrradfabrik» в Зуле. Пистолет-пулемет обр. 1941 г. представляет собой комбинацию двух образцов – пистолета-пулемета обр. 1940 г. конструкции Генриха Фолльмера, выпускавшегося серийно фирмой «Erfurter Maschinenfabrik B.Geipel GmbH» (ERMA), и пистолета-пулемета системы Шмайссера MP-28-II. За основу MP 41 взят образец MP 40. От пистолета-пулемета Шмайссера взята конструкция спускового механизма, а также деревянного приклада. Оружие со складным плечевым упором удобно, например, для экипажей танков и бронемашин, однако, по мнению пехотинцев, меткость его в полевых условиях оставляет желать лучшего.

Без каких-либо конструктивных изменений Шмайссером использованы затвор пистолета-пулемета MP 40 и массивный ударник с телескопическим корпусом возвратной пружины и буферным устройством, одновременно являющийся воздушным демпфером отката и наката затвора. В результате пистолет-пулемет Шмайссера, в отличие от пистолета-пулемета обр. 1940 г., имеет переводчик, позволяющий вести одиночный и непрерывный огонь, и вместо металлического складного плечевого упора поставлен деревянный нескладной приклад с цевьем. Кроме того, на стволе отсутствует подствольная планка с передним упором, предназначавшаяся для стрельбы из щелей различных укрытий.

Для стрельбы из MP 41 применялись как обычные 9-мм патроны «парабеллум», так и специальные – усиленные. Последние отличались стальной лакированной гильзой и пулей черного цвета. Применять эти патроны для пистолетов запрещалось.

Пистолеты-пулеметы MP 41 были выпущены небольшой серией – всего лишь в количестве 26.700 экземпляров для некоторых подразделений войск СС.

Автоматика пистолета-пулемета основана на принципе отдачи свободного затвора. Стрельба ведется с заднего шептала. Запирание канала ствола осуществляется массивным затвором с извлекателем стреляной гильзы и левосторонней рукояткой взведения затвора. В первых образцах MP 41 эта рукоятка в виде фигурной лопасти была заимствована от затвора пистолета-пулемета MP 38. В дальнейшем была использована рукоятка пистолета-пулемета MP 40 с движком-предохранителем, позволяющим фиксировать затвор в крайнем переднем положении. Затвор имеет уступ для постановки на шептало в заднем положении затвора.

Разбитие капсюля патрона производится «на выкате» ударником, входящим в центральную полость затвора и соединенным в единый узел с телескопическими трубками, внутри которых размещены возвратная пружина и буферное устройство. В полевых условиях этот узел разборке не подлежит.

Буферное устройство состоит из поршня, вставленного в канал стержня ударника, и буферной пружины, упирающейся одним концом в поршень, а другим в боек, установленный на стержне ударника. При ударе в заднем положении затвора и ударника происходит сжатие буферной пружины, которая, разжимаясь вместе с возвратной пружиной, посылает затвор вперед.

Питание патронами MP 41 осуществляется из сменного коробчатого магазина на 32 патрона с шахматным их расположением и с однорядным выходом. Магазин устанавливается снизу и может служить упором при стрельбе.

Прицел стоечный с двумя визирами: одним постоянным – для стрельбы на дистанции до 100 метров – и другим откидным – для дистанций от 100 до 200 метров.

Спусковой механизм имеет переводчик режима огня в виде поперечно перемещающегося стрежня, расположенного впереди спускового крючка над спусковой скобой. Для ведения одиночного огня переводчик отжимается в крайнее правое положение, для непрерывного огня – в крайнее левое положение.

Отражение стреляной гильзы осуществляется через гильзовыводное отверстие вправо-вверх-вперед жестким отражателем, установленным в затворной коробке.

Специального предохранителя от несанкционированного выстрела пистолет-пулемет не имеет. Его роль выполняет фигурный вырез для рукоятки заряжания в корпусе затворной коробки, в который заводится рукоятка заряжания

9-мм пистолет-пулемет обр. 1941 г. Шмайссера

MP 41

после взведения затвора и некоторого забега его за выступ шептала.

Для крепления плечевого ремня с правой стороны затворной коробки, у ее переднего торца, имеется антабка, второй конец ремня крепится в вырезе приклада.

При транспортировке оружия со снаряженным магазином и затвором в переднем положении существует опасность случайного выстрела при ударе прикладом о жесткую преграду. Зарегистрированы многие подобные случаи при эксплуатации пистолетов-пулеметов MP 40, ППШ и других, стреляющих с заднего шептала. При таком ударе затвор по инерции отходит назад, и, если он заходит за магазин, но доходит до шептала, при возвратном его движении происходит выстрел. Применение на рукоятке затвора предохранителя-движка, фиксирующего затвор в переднем положении, проблему не решало, так как по забывчивости этот предохранитель не включался.

Применение переводчика режима огня может считаться излишним усложнением, так как при низком темпе стрельбы MP 41 несложно отсекать первый выстрел очереди даже малотренированному стрелку.

Основные характеристики

Калибр и тип патронов	9x19 мм «парабеллум»
Длина пистолета-пулемета, мм	850
Вес с магазином без патронов, кг	4
Длина ствола, мм	255
Ход затвора, мм	150
Вес затвора, кг	0,38
Вес ударника в сборе с узлом возвратной пружины, кг	0,3
Начальная скорость пули, м/с (средняя)	380
Темп стрельбы, выстр/мин (средний)	350 – 400

«ПАТЕНТ НА ДОНКИХОТСТВО» выдается вместо льгот?

Василий ХОРЕШКО

(Окончание. Начало в № 10)

На плечи человека в погонах взваливается масса ответственных заданий и поручений. Анализ служебной нагрузки, проведенный в частях наиболее крупных военных округов и на флотах, дал неутешительный результат. Наряды и командировки поглощают до половины всех дней в месяц у офицеров и прапорщиков (мичманов), начальствующих в подразделениях. Легко понять, какое настроение у людей, которые регулярно находятся в отрыве от дома, от семьи.

Может быть, их окрыляет сознание долга, что они с честью исполняют «особый вид государственной службы»? С нынешними настроениями в обществе, когда все поставлено «на бабки», смешно об этом говорить.

В уставе прямо говорится: «Государство гарантирует социальную и правовую защиту военнослужащих, осуществляет меры по созданию им достаточного и достойного жизненного уровня, улучшению условий службы и быта». По большому счету, это только слова. Тому подтверждение – многочисленные обвинительные процессы, которые длятся годами. В судах и за решеткой – воины, якобы преступившие закон на войне. Их упорно не реабилитируют, в отличие от сотен боевиков. Не обошел эту тему и последний по счету московский международный кинофестиваль. Режиссер С. Резвушкина в фильме «Война и мир полковника Керского» очень тонко нащупала нерв чеченской кампании. Да, герой ее хроники шел в бой и убивал. Одно слово – выполнял приказ! Но оказывается, что для офицера, сохранившего человеческое достоинство, куда труднее потребовать оставаться людьми чести от тех, кто посылал его на смерть...

А как расценить тотальное насмехательство над военными на государственных телеканалах? Мало это напоминает заботу о достоинстве «человека в камуфляже». Полюбуйтесь, в каком комическом свете выставляют его во всевозможных «потешных» сериалах типа «Солдаты»!

Армия потеряла свой блеск, нищенской своей стороной отвращает от солдатской службы, делает ее непредпочтительной перед другими, неперспективной, непривлекательной. «Ну и что ты надрываешься, – думает солдатик, глядя на офицера, – из кожи вон лезешь, а что получаешь, как твое рвение оценивается? Много ли тебе принесли твои бессонные ночи в караулах и на стрельбищах? Недодают тебе страна, общество, а то и держат на голодном пайке – стало быть, не так уж ты и нужен!»

Разве так должен глядеть на наставника наставляемый? Если бы каждому, выслужившему 30 лет, государство презентовало бы автомобиль и относительно молодой пенсионер в День части гордо приезжал бы на традиционную встречу однополчан – это имело бы и воспитательное значение.

Много ли нужно, чтобы вернуть блеск, силу и мощь такому институту, как Вооруженные Силы? Надо только захотеть!

Добровольно соваться в «огонь и воду» – нынче таковых охотников мало. Не срабатывает ставка на самоотверженность. Телевидение и глянцевые журналы зовут к другой жизни. Выбейся хотя бы в средний класс – и у тебя будет все: роскошные бунгало и машины, одна причудливей другой. Интернет пестрит рекламой новеньких иномарок. «У вас есть «возможность быть лучшим!» – кричит реклама. Хотите стать героем? Тоже нет ничего проще. Некая компания совместно с Торговым домом «Союз» и Интернет-холдингом объявила фотоконкурс «Самый Настоящий Герой» (все – с большой буквы!). Достаточно послать свой портрет с прижатым к груди экземпляром компьютерной игры, и ты получаешь в подарок «фирменную геройскую майку», а возможно, и титул Настоящего Героя – по итогам виртуального голосования (исключительно за внешний вид).

Выпускники военных вузов продолжают добровольно покидать

боевой строй. В перспективе эта дипломированная молодежь должна была составить золотой фонд Вооруженных Сил. Но к кадровому «голоду» как раз и приводит отсутствие у лейтенантов хороших видов на будущее: ни тебе жилья, ни высокого заработка. А вокруг их сверстники (гораздо менее квалифицированные и не обремененные сложными круглосуточными обязанностями) делают «легкие» деньги, обеспечивают себе беспечальное существование и достижение самых амбициозных планов. И девушки уже не мечтают выйти замуж за военного...

ЗАПРЕТ НА ПЕТРОВСКИЙ ЗАВЕТ?

На протяжении веков защитникам России приходилось постоянно напоминать о своем праве на нормальную жизнь.

30 июля 1767 года в Грановитой палате Кремлевского дворца, в присутствии императрицы Екатерины II, состоялось торжественное открытие Большой комиссии. С горячей речью в защиту сословных интересов выступил депутат от дворян, представитель высшего круга фамильной аристократии М. Щербатов. Он объявил поход «против всяких там офицеров, которые за выслугу лет «из грязи лезут в князи». Титулованный вельможа обрушился на тех, кто не родовит и не знатен. Не стерпев такого плевка в адрес военного сословия (кровью, на поле брани добывавшего дворянский титул), поднялся на трибуну (тогда на помост) депутат Днепровского полка пикинеров (копейщиков) майор Я. Козельский. Блеснул и умением пикироваться этот осанистый мужчина в зеленом мундире и ботфортах, человек высокой культуры:

«Как многотрудна военная служба во флоте и как тяжела она в сухопутной армии, я не стану объяснять, ибо предмет сей слишком обширен, – начал он. – Многие князья и сановники, может быть, этого и не знают, так им могут рассказать ратные люди, там послужившие, о тех неимоверных трудах, которые они понесли в походах и кампаниях, претерпевая раны и даже лишаясь жизни...»

Поневоле воскликнешь: как же актуальна сия речь, запротоколированная два с лишним века назад!

А сегодня? Часто ли поднимают голос в защиту своего брата-служивого сенаторы из числа бывших военных? Нет, безмолвствуют генералы, сидящие в Совете Федерации, словно вышколенные эпохой «одобрямс»...

Не худо бы нам помнить петровские реформы. Благодаря им в обществе укоренилось сознание, что первейшая обязанность каждого подданного – радеть государству по мере сил и способностей. Это ценилось прежде всего, а потом уже родовитость и знатность. С легкой руки великого преобразователя первенствующее положение стали занимать не рожденные от именитых предков, а только те, кто «великолепие единственно делами своими показывал». Петр Первый распорядился сыновьям князей, графов и баронов никакого рангу не давать, «пока они нам и Отечеству каких-никаких услуг не покажут». Зато установленная им Табель о рангах (1722 г.) открыла зеленую улицу в «почетное благородное достоинство» даже лицам низкого происхождения. Всякий, дослужившийся до обер-офицера, приравнивался со своими потомками «во всех авантажах (выгоды и преимущества. – **Авт.**) к лучшему старшему дворянству». В собственноручном указе Сенату (16 января 1712 года) Петр обязал каждого дворянина, какой бы громкой фамилии он ни был, «снимать шляпу» перед обер-офицером, уступая ему первые места в публичной ассамблее и прочих учреждениях. «А ежели кто против сего не почтит офицера, положить штраф, треть его жалованья» (Н. Павлов-Сильванский «Государевы служилые люди»).

Словом, в кои-то веки, когда существовала, казалось бы, неодолимая иерархическая преграда в 14 ступенек (отделявшая плебея от первого сановника), даровитый человек посредством беспорочной службы мог «облагородиться» и возвыситься до первых степеней в государстве. А сейчас? Мы видим, как в лучших вузах страны, на престижнейших факультетах, причем бесплатно, учатся детишки депутатов и остальной знати, занимающей высокие должности. А попробуй сунься туда, на ту же студенческую скамью, сын либо дочь какого-нибудь майора, только и знаменитого тем, что прошел огонь и воду в «горячих точках»?! При достославном Петре понюхавший пороху участник баталий получал в собственность поместье – в виде особой награды. А много ли может выслужить современный офицер?

«НЕ РОПЩИ, БРАТОК, НЕ НОЙ! САМ ТЫ ВЫБРАЛ ХЛАД И ЗНОЙ!»

В старое доброе советское время любой гарнизон блистал на фоне близлежащих поселков. С воцарением рыночных отношений он чаще всего производит удручающее впечатление. Хоромы богатеньких поселян затмевают своим великолепием самые лучшие жилые дома офицерского состава. Военные городки, даже некогда секретные, зияют ветхими заборами. Зато коттеджи толстосумов обнесены крепостными стенами с камерами видеонаблюдения...

Некогда пункт размещения войсковой части являлся культурным центром для всех окрестных жителей. Сегодняшние реалии таковы, что гарнизонный люд вынужден искать развлечений на стороне. Бармен прошлых лет почитал за честь

встретить и по высшей программе обслужить товарищей (не господ!) офицеров. Нынешний, даже придорожный, шинкарь привечает другую, гораздо более платежеспособную публику. Подругами и женами советских лейтенантов становились лучшие девушки. Сегодня жену нищего военного презрительно оглядывает любовница какого-нибудь бизнесмена. А ведь по справедливости всё должно быть в точности до наоборот. О таких контрастах можно говорить бесконечно. Чудно устроен российский мир, сунувшийся в рыночный омут, не зная броду!

Не слишком выбивается из ряда перечисленных противоречий и 27-я гвардейская Севастопольская мотострелковая бригада. Почти столичный гарнизон, а городок, пожалуй, в равной степени как ухоженный, так и обветшалый. Панельные многоэтажки – скромное обаяние армии. Никаких изысков и излишеств, уклад предельно аскетический.

Много ли завлекательных стимулов у тех, кто хочет служить? Обсуждаю это в беседе с гвардии капитаном А. Ионичевым, исполняющим обязанности заместителя начальника отделения воспитательной работы.

«Подняли зарплату, – начинает он. – Престиж армии повысился. Еще вчера лейтенанты писали рапорта на увольнение, а сейчас текучести кадров нет... В городке не прекращается строительство домов со служебными квартирами. И солдаты это видят, охотнее подписывают контракт, осознаннее делают этот выбор, тем более что мы «даем добро» только отслужившим два года. Решен вопрос и с местами в детском садике. А по выходным дням стал курсировать автобус от гарнизона до торгового центра «Ашан». Проезд бесплатный, а то ведь на маршрутных такси с их таксой – 20 рублей – много не наездишься...»

Вот он, момент истины. Для служивого человека и двадцать рублей – это деньги. Легко представить презрительную гримасу тех, для кого даже тысяча «баксов» – мелочь...

Военные люди, не избалованные государственными щедротами, всему рады. И никогда не отчаиваются, даже когда видят, как откровенно испытывается их терпение. Кстати, и возмущений по поводу продления сроков пребывания в том или ином звании я ни от кого не услышал: «Ну что ж, коль так решили наверху – ничего не поделаешь!»

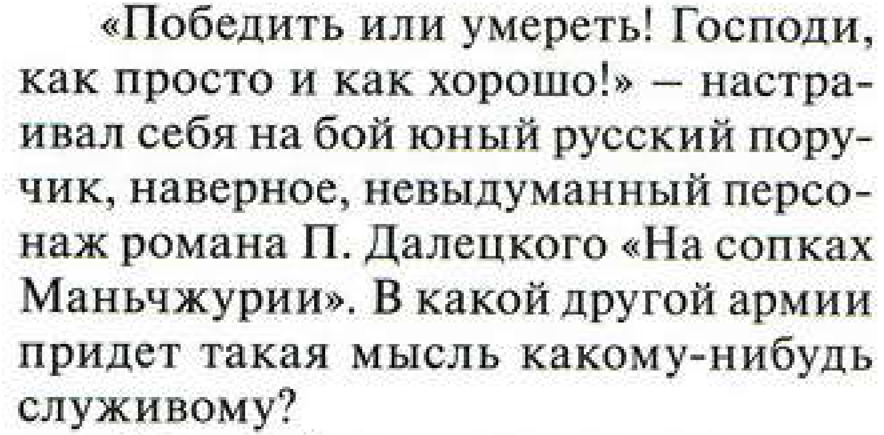
Либеральное равнодушие к нуждам Вооруженных Сил отучило военных громко заявлять о своих правах...

«В век самого грубого материализма, откровенного преклонения перед золотым тельцом, военная служба с ее скудным материальным вознаграждением, с ее странными для современных дельцов идеалами патриотизма и самоотвержения представляется каким-то донкихотством... Так называемая передовая интеллигенция относится вообще с презрением к военному делу как к профессии, недостойной культурного человека».

Эти горькие строки принадлежат генерал-майору Генерального штаба Е. Мартынову и написаны в 1907 году в труде, анализирующем печальный опыт Русско-японской войны...

Мы шагнули в XXI век – и получили не лучший вариант. Армейские и флотские профессионалы выпускаются из училищ с дипломом и... тем же «патентом на донкихотство». Вечно он, что ли, будет выдаваться?

«Победить или умереть! Господи, как просто и как хорошо!» – настраивал себя на бой юный русский поручик, наверное, невыдуманный персонаж романа П. Далецкого «На сопках Маньчжурии». В какой другой армии придет такая мысль какому-нибудь служивому?

«Каждый россиянин знал, что он может быть призван под знамена в случае войны и что он, вероятно, пойдет в бой, но он также знал, что офицер не может не пойти в бой, ибо он посвятил себя боевому служению Родине. И это поднимало его в глазах граждан, неразвращенных антимилитаризмом, – читаю в историческом эссе, написанном группой военных эмигрантов в конце 1950-х годов. – Каждый офицер считался и был в действительности, так сказать, патентованным защитником Отечества, то есть человеком особенным».

К не менее важным, но более мрачным выводам пришел другой автор, исследовавший «Офицерский вопрос в начале XX века», – выпускник Николаевской академии Генштаба П. Режепо, который покончил с собой в 1917 году:

«Если характер нации падает, то и великие чувства, одушевляющие воинов, понижаются: на первое место выдвигаются материальные блага мира. Счастливы те нации, где есть сознание, что не все покупается за деньги, счастливы те, где есть сословие рыцарей, которые ценят железо и сталь дороже серебра и злата. Такое сословие всегда дает энергию от идеи, сословие мучеников, которое не чета энергии барыша, сословию от мещан... Наконец, многие штатские люди не любят еще офицеров просто из-за житейских мелких причин. Таким образом, с различных сторон, и внешних и внутренних, пытаются помешать, сознательно или бессознательно, развитию армии и улучшить состав ее офицеров».

Не правда ли, сто лет назад написанное применимо и к текущему моменту?!

Военные выпали из той престижной социальной ниши, которую они занимали в советский период, до 1990-х годов XX века...

ПРИКАЗАНО: СТРАДАТЬ! НАВЕКИ?

Мне хочется вспомнить некогда очень популярный (даже был снят фильм) революционно-романтический рассказ Бориса Лавренёва «Сорок первый» (1924 г.), навеянный

Гражданской войной. Там есть показательный эпизод. Комиссар, пораженный выносливостью плененного поручика царской армии, допытывается у него: «Двужильный ты, что ли? Сам щуплый, а тянешь за двух. С чего это в тебе сила такая?» Белогвардеец роняет: «Не поймешь. Разница культур. У тебя тело подавляет дух, а у меня дух владеет телом. Могу приказать себе не страдать». – «Вона что», – протянул комиссар...»

Нынешние реформаторы либерального толка не привыкли беспокоить себя неудобными вопросами, а военные давно разуверились в том, что какие-либо преобразования способны кардинально улучшить их жизнь. Приказано страдать – и вся недолга!

Вновь приходят на ум критические заметки полковника П. Режепо, написанные незадолго до Первой мировой войны:

«Мне казалось, что наша армия уклонилась с пути, указанного великими полководцами, великими знатоками человека. Ее стали не так воспитывать и учить не тому, что надо для войны. В ней было обращено главное внимание на внешность, частью – на быт солдата, но в ней было мало обращено внимания на сущность усовершенствования офицера. Исчезла духовная сила, великая связь отцов-командиров со своими подчиненными детьми. Умение руководить и управлять, умение заставить всех и всё пойти на смерть перестало цениться на деле. Надобности не встречалось, а в будущее глядеть не хотелось».

Вот и нас не особенно тянет заглядывать в наше завтра – из-за опасения, что оно не сулит нам ничего хорошего. Иначе не объявлялась бы злобой дня модернизация... формы одежды военнослужащих «с учетом современной цветовой гаммы». Почему-то именно этому «поверхностному» нововведению уже не в первый раз отдается предпочтение при бесконечном реформировании Вооруженных Сил. Хорошо же станет смотреться сия «цветовая гамма» символики на жалком фоне устаревающих образцов боевой техники. Странно, что «по одежке протягивать ножки» военных призывают, едва они заикаются о поставках новых средств вооружения, об обеспечении войск топливом и боеприпасами, о строительстве жилья в гарнизонах и т.д.

Существует либеральный тезис, претендующий на универсальность. Он гласит: права человека превалируют над интересами общества. И подразумевает: общество должно дорожить каждой жизнью, каждым человеком. Вроде бы все правильно, и вместе с тем...

В своем выступлении на X Всемирном русском народном соборе митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл подчеркнул: «Сегодня, к сожалению, на смену абсолютизации государства... приходит абсолютизация суверенитета отдельной личности и ее прав вне нравственной ответственности. Такая абсолютизация может разрушить основы современной цивилизации и привести ее к гибели. Как известно, попрание нравственного закона привело многие сильные цивилизации к краху и исчезновению с лица земли. Вне нравственного контекста человечество жить не может. Никакими законами мы не сохраним общество жизнеспособным, не остановим коррупцию, злоупотребление властью, распад семей, появление одиноких детей, сокращение рождаемости, разрушение природы...»

Академик Е. Свердлов убеждает соотечественников: «Выживет то общество, где интересы индивида подчинены интересам общества, если они, конечно, не доводятся до абсурда». Исходя из этого, надобно всемерно поднимать полпредов тех профессий, которые работают на выживаемость государства. Много ли людей, готовых жертвовать собой, «биться до смерти, не щадя живота» ради защиты родной земли? Государство же недодает им, не выполняет своих гарантий, как бы не решаясь целиком облагодетельствовать своих лучших сыновей.

...Между прочим, мобилизационный потенциал Российской Федерации не превышает и 4% мобилизационного потенциала СССР 1941 года. И это никого не пугает?

Не устает бить в колокола вице-президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Л. Ивашов. В одном из его выступлений прозвучало: «Планы американско-натовского военного вторжения на всякий случай открыто отрабатываются ведущими мозговыми центрами США, а общественность западных стран приучается к мысли о неизбежности такого решения».

Возникает естественное желание – спрятаться, отмахнуться от надвигающихся угроз. Обыватели успокаивают себя: может, как-нибудь обойдется, всегда ведь находились у нашей державы заступники и спасители. «Надо честно сказать: такие надежды призрачны, никчемны, – предупреждает генерал. – На сегодня у нас осталось совсем немного сил, способных еще активно отстаивать именно страну, а не своекорыстные интересы. И прежде всего – это патриотическая часть офицерского корпуса России».

Подразумевается само собой: внимание и любовь к этим людям и всяческая поддержка их должны быть государственным и общенародным делом. Следовательно, просто необходимо вернуть им гордость и достоинство. И, разумеется, тепло и свет в конце сурового армейского бездорожья...

Александр КОЛОМИЕЦ

СНАЙПЕР

...Ночью группа спецназа была поднята по тревоге. Темные улицы спящего города рассекались светом фар мчащегося с большой скоростью автобуса. Маршруты других автомобилей группы проложили так, что в течение часа сотрудники были в сборе и еще через пять минут сидели в камуфляже, готовые к выполнению задачи...

«ПОЛСТА ПЕРВЫЙ»

...Майор Величко лежал второй час на холодном, продуваемом сырым ветром деревянном чердаке. На исходе быстро стыла осенняя ночь. Рассвет едва начинался наметившейся на горизонте светлой полоской. В щель между досками крыши, в прицел и в бинокль, хорошо наблюдались все три окна соседнего дома, тоже деревянного. Расстояние для снайпера плевое – всего-то 130 метров. Но... там двое ребятишек, одного из которых мать все время носит на руках, а второго изредка поднимает на руки террорист.

Годами воспитанное ощущение необходимости и важности своей работы давало офицеру моральное удовлетворение. Но сладостного чувства превосходства и «суперменства» в удерживании в руках чужой жизни он никогда не испытывал. Считал свою работу сродни работе хирурга. Чтобы излечить, он всегда делал больно, но удалял, если нужно, смертельную «заразу». И хотя его действия были защищены законом, всегда оставалось щемящее ощущение какой-то вины перед заложниками. В чем виновата мать этих детей, да и сами дети?

К их папе пришел гость из какой-то колонии... Они так интересно разговаривают! Дети раньше и слов таких не знали: «на конине выезжать», «рябуху увидели»... Так интересно! Такой весь разрисованный! Потом дядя с папой ругаться начали и подрались, потом помирились, папа спать пошел и все никак не будился. А дядя схватил ружье и... страшно стало, стрелять начал. Кричал, что всех убьет, если не будет водки и денег. Какой-то паспорт ему нужен и самолет в Пакистан. Мама вся белая с «малым» на руках. Потом дядя стрелял в дверь и ранил другого дядю.

...Там шли переговоры. «Полста первый» (позывной майора Величко) слышал в гарнитуре переговорного устройства все команды и через каждые пять минут докладывал изменение обстановки: из какой комнаты и куда передвигается террорист, что имеет в руках и в какой степени возбуждения находится. От точности его доклада и собственного восприятия обстановки во многом зависело решение штаба. Ведь он не только наблюдатель, но и в ответственный момент должен предотвратить угрожающее жизни людей поведение террориста. Сверху тот хорошо был виден – в майке с оторванным рукавом и с цветной наколкой. Снайпер разглядел изображение обнаженной женщины на предплечье и в деталях исполненный замок с куполами на левой лопатке. Сразу возникла мысль о повторной судимости.

«Домушник или квартирный вор, – подумал он. – В зоне, видно, стал закоренелым преступником. Вырвался на свободу, водки перебрал, а может, и «дури» накурился. Ему сейчас море по колено. Протрезвеет, конечно, жалеть будет. Но до этого еще столько наворотить успеет, если его не остановить...»

НАЖАТИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЛЕГКИМ, КАК ПЕРЫШКО...

«Полста первый» мог уже не раз выстрелить на поражение, будь такая команда. Морально тяжело, но оправданно – этот подонок угрожает жизням детей и женщины. Но, пока ситуация не вышла из-под контроля, необходимости в нейтрализации преступника нет. Однако в любой момент, если возникнет прямая угроза жизни заложникам, снайпер должен опередить отморозка своим выстрелом. Закон это и разрешает, и предписывает.

От напряжения болят глаза – нельзя ни на мгновение оторваться от наблюдения, ведь ситуация может измениться в любую секунду... Снайпер размял пальцы, согревая их теплым дыханием. К утру холодало, влага проникала во все щели его укрытия. Линзы прицела снайперской винтовки были смазаны специальным составом от запотевания, а подсветка шкалы позволяла вести прицельный огонь без «ночника» (НСПУ – ночной стрелковый прицел унифицированный). Точку наблюдения майор выбрал удачно. Поскольку за ним не велось контрнаблюдение, то и не было нужды особо маскироваться. Вообще же к принципам и приемам настоящей маскировки он относился, как к высокому полету мысли и мастерству. Считал это выражением характера и пытался по мелким признакам понять серьезного противника, поставить себя на его место.

– Всегда смотри на свою работу глазами врага, – говорил его учитель. – Надо выбирать точку неожиданную и оригинальную, о нахождении в которой снайпера у противника даже мысль не могла бы возникнуть. Слиться с местностью, стать ею, не двигаться и терпеть – и ждать своего часа...

...Меховой камуфляж неплохо держал тепло первые полчаса, потом холод постепенно с ног добрался до всех частей тела. Не двигаясь на месте и не прерывая наблюдения, снайпер сокращал и расслаблял мышцы тренированного тела, чтобы согреться. Чаще согревал пальцы правой руки. При давлении на спусковой крючок снайперской винтовки палец не должен потерять чувствительность. Нажатие на металл должно быть легким, как перышко, и плавным, как качание волны. Так учил его наставник.

Много прошло времени с тех пор, теперь майор сам давно уже в роли учителя. Он всегда считал высоким искусством работу против такого же профи. Главное – не работать с одной и той же точки и подготовить пути отхода. А еще «главнее», наверное – не повторяться, быть оригинальным, изобретать что-то новое, совершенно неожиданное для опытного противника, представляя себя на его месте.

С навязчивостью рекламного ролика в память неожиданно ворвалась ситуация, которая однажды возникла у него в Чечне...

ПРЯМО В «ТАРЕЛОЧКУ»...

...Снайпер «чехов» вновь напомнил о себе.

Один из бойцов Внутренних войск почувствовал удар в плечо, резкую боль, а затем докатившийся звук выстрела. Блокпост был готов к отражению атаки, солдаты вели наблюдение из-за бетонных укрытий, автоматные очереди с зеленой полосы особого вреда пока не доставляли и относились к разряду тревожащих. Но этот прицельный выстрел заставил сотрудников вспомнить об опасности даже при передвижении по территории. Все знали, что выстрел из полуразрушенной пятиэтажки, где укрывался снайпер, возможен в любой момент, и это обстоятельство сильно давило на психику... Бойца увезли в госпиталь в состоянии болевого шока. Пуля раздробила суставную сумку и вырвала часть лопатки. Парень потерял много крови. Его обкололи промедолом, но до прибытия транспорта и врача он еще два раза терял сознание.

Быстро вычислили, из какого места в кирпичной кладке стрелял снайпер. Это был очень опытный противник, судя по тому, как он маскировался, маневрировал и как попадал с первого же выстрела. Имеющееся на блокпосту оружие не позволяло подавить стрелка – от стенки отскакивали только кусочки кирпича (вот качество старой постройки), да и он уходил сразу после выстрела. В него нужно было стрелять только тогда, когда тот был в «точке». Для этого необходимо было выполнить несколько промежуточных задач, потом заставить его себя обнаружить и уничтожить в это же мгновение. Задача – только для профессионала.

«Полста первому» до мелочей вспомнилось, как он целый день готовил муляж из соломы, старых гимнастерок, армейской каски и при помощи блоков на прочной капроновой веревке пытался придать ему некоторое движение, как делал маскировку – такую, чтобы опытный профессионал «на той стороне» принял «чучело» за тщательно замаскированного стрелка. То есть маскировка должна быть в максимальной степени реальной, но такой, чтобы опытный противник обязательно заметил его...

Второй день Величко потратил на уговоры командира провести массированный огонь по дому и окрестностям, чтобы вынудить снайпера уйти из укрытия. Затем в кромешной тьме, минуя свои «сигналки» и обнаружив еще пару растяжек, на ощупь испробовав все выступающие из земли предметы, он тащил мину со специально сконструированной тарелкой взрывателя и размещал ее на видимой со стороны блокпоста стороне, прямо под разломом в кирпичной кладке. Конечно, его затея вызывала недоумение и вопросы.

«Зачем это нужно? Лучше вызвать танк или поразить его из «Мухи» (РПГ-22)», – удивлялись многие. Но никто не мог гарантировать, что за это время снайпер-«чех» не сделает еще один выстрел и не убьет кого-то из наших бойцов, да и попасть из гранатомета в «точку» достаточно сложно.

Майор вспомнил с улыбкой, как хлопали его по плечу и обнимали товарищи, когда затея с «иконой», как тут же прозвали «вывеску» мины, удалась.

...В то, такое же тихое, утро боевик рассчитывал на неосторожное движение после сна наших солдат. Мало ли? Бегом в туалет или умыться...

«Полста первый» лежал на позиции, полностью прикрытым от выстрела. Несколько раз подтягивал шнур замаскированного муляжа, не выпуская из виду пролом в кирпичной стене. В прицел увидел, словно в замедленном кино, облачко дыма, а затем докатившийся звук выстрела. Почти мгновенно он выстрелил в тарелочку взрывателя мины. С оглушительным грохотом она взорвалась, подняв тучу красной пыли и сделав пролом в два метра в кирпичной стене. Внутреннее напряжение сразу спало, он почувствовал удовлетворение не только от хорошо сделанной работы, но и от того, что избавил землю еще от одной нечисти...

«ЖИЗНЬ ХОРОША В ЛЮБОЙ ФОРМЕ...»

...За воспоминаниями он не переставал контролировать действия террориста и переговоры своих коллег. На такой же, как и у него позиции, таким же продрогшим и напряженным, лежал его друг-снайпер с позывным «Полста пятый», выполняющий те же задачи. И в случае поступления команды на поражение они откроют огонь вместе. Когда одновременно стреляет по одной цели снайперская пара – это надежно. У террориста не останется ни малейшего шанса.

По отрывистым фразам и по их характеру «Полста первый» понял, что вскоре последует команда на штурм. Через мгновение в оптический прицел (ПСО) снайпер увидел, как вылетела, словно раздавленная игрушка, входная дверь. Затем – забегающих в комнату бойцов спецназа, лежащего на полу со скрученными руками террориста с заляпанным хлорацетофеноном лицом, набрякшими и залипшими от слезоточивого газа узкими щелочками глаз.

Он мысленно повторил фразу своего наставника:

– Жизнь хороша в любой форме...

Волна облегчения прошла по всему телу. Конец операции, да и стрелять не пришлось. В наушниках прозвучали команды «Отбой» и «Сбор». Предстоял разбор «полетов», и, хотя группа работала всю ночь, объявлять выходной никто не собирался – не принято...

ГАВРОШИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Фильм «Сволочи» оболгал память сотен тысяч воевавших против гитлеровцев и замученных ими советских детей

Игорь ПЛУГАТАРЁВ

В конце апреля 2007 года на московской церемонии вручения кинонаград телеканала «MTV-Россия» случился скандал. Известный режиссер-оскароносец Владимир Меньшов («Москва слезам не верит»), поднявшийся вместе с супругой Верой Алентовой на сцену кинотеатра «Россия», в резкой форме отказался объявлять лучшим фильмом прошлого года кинокартину «Сволочи». «Я не буду вручать эту премию фильму, который позорит мою страну. Пускай этот приз вручает Памела Андерсон!» – заявил Меньшов и бросил на сцену вскрытый конверт, в котором значилась лента-лауреат. Андерсон же, напомним, – это американская «звезда» эротического кино, которую организаторы церемонии пригласили в Москву.

Скандал, что называется, уже давний. Однако при современном состоянии дел на российском телевидении, когда вероломно очерняется многое в отечественной истории, нет никакой гарантии, что «Сволочи» не выйдут в эфир, скажем, под какой-нибудь очередной День Победы. Поэтому «лишний раз» им и надо, и стоит дать отпор.

«ОСОБАЯ КОМАНДА ГЕМФУРТ»

Вышедший на экраны кинотеатров в феврале 2006-го, фильм «Сволочи» был широко показан в России. Лента оставляет жгучий, неприятный осадок. Снятая по сценарию живущего в Германии писателя Владимира Кунина (помимо нашумевшей в конце 1980-х «Интердевочки» он известен такими прекрасными сценарными работами, как «Хроника пикирующего бомбардировщика» и «Старшина») режиссером Александром Атанесяном, картина повествует о якобы существовавшей в 1943 году под Алма-Атой спецшколе НКВД по подготовке из малолетних сирот-убийц, которых чекисты отлавливали по всей стране, диверсантов-смертников.

По сути содержания это – детский «Штрафбат» (этот сериал прошел на одном из государственных телеканалов осенью 2004 года). «Штрафбат» построен так, что неискушенный зритель, особенно молодой, сделает однозначный вывод: если бы не штрафные батальоны, Великая Отечественная вряд ли была бы выиграна. Однако «Сволочи» по цинизму превосходят «Штрафбат» на несколько порядков.

Впервые даже Федеральная служба безопасности (ФСБ) была вынуждена высказаться, что ничего подобного в истории советских спецслужб не было. В то время как гитлеровцы, напротив, готовили малолеток для диверсионной борьбы. В Центральном архиве ФСБ на этот счет нашлись соответствующие документы (11 папок оперативно-разыскных и уголовных дел с грифом «Совершенно секретно»).

Такая школа в июле 1943 года была организована в местечке Гемфурт вблизи города Кассель (центральная Германия). Позже было установлено, что идею использования в подрывном деле детей предложил фашистам бывший советский десантник Николай Фролов, аргументиро-

вав ее так: «Подростки не вызывают подозрений». Предатель Фролов к тому времени уже наверняка знал, как использовались дети, которые оказались в партизанских отрядах, в полковой разведке. (Но это и тогда не имело ничего общего с тем, что показано в фильме «Сволочи». Может быть, лучше всех о войсковом разведчике – 12-летнем подростке – рассказал писатель Владимир Богомолов в своей повести «Иван». По ней режиссер Андрей Тарковский еще в начале 1960-х снял пронзительный фильм «Иваново детство».)

Школа получила наименование «Особая команда Гемфурт», а «шефство» над ней взяла «Абверкоманда 203» (специализировалась на диверсиях и ведении разведки против советских Западного и Белорусского фронтов). В ней обучались подростки от 13 до 17 лет, причем как мальчики, юноши, так и девочки, девушки. В разные месяцы диверсионную науку одновременно постигали от 25 до 75 таких «курсантов».

ВЕРБОВКА И УЧЕБА

Вербовали их из числа сирот, оказавшихся в детских домах Смоленска и Орши. Причем мальчиков убеждали, что их берут якобы воспитанниками в Русскую освободительную армию (ее, напомним, возглавлял «предатель № 1» Великой Отечественной войны генерал Андрей Власов), а девушек – в школу медицинских сестер. После соответствующей обработки детям объявляли, что из них будут готовить агентов-диверсантов, добивались согласия и оформляли вербовку. Добиться такого согласия от ребенка-сироты было делом несложной психологической техники.

Из допроса одного из преподавателей гемфуртской школы Юрия Евтуховича: *«Дети скитались, никто не пытался выяснять их личности, они были вне подозрений. Психология подростка такова, что его тянет к путешествиям, приключениям, подражанию, во время войны – военным. Мы использовали их желание иметь оружие, испытать опасность».*

Наряду с изучением средств и способов совершения диверсионных актов агенты усиленно обрабатывались в антисоветском духе и занимались строевой и физической подготовкой.

По показаниям задержанных было установлено, что только в Орше в сентябре 1943 года из различных детских домов немцы отобрали до 70 подростков 11 – 13 лет и переправили их в Германию. По прибытии в лагерь в районе деревни Гемфурт им объявили, что они будут обучаться в разведшколе для дальнейшей заброски в советский тыл. В октябре 1943-го начались занятия по подрывному и парашютному делу.

Из показаний одного из выпускников «Особой команды Гемфурт» Александра Якубова: *«Распорядок в школе был таким. Подъем в 8 часов. После завтрака нас собирали в одной из комнат общежития и проводили теоретические занятия примерно до 12 часов. После обеда – тактические занятия до 17 часов. Остальное время мы были свободны: ходили по лесу, летом купались в озере, в комнате отдыха играли в шашки, слушали патефон. Иногда с нами проводили политзанятия. Обычно начальник школы. Он говорил, что германская власть лучше, чем в Советском Союзе, и что детям в Германии (а также всему народу) живется лучше, чем в СССР».*

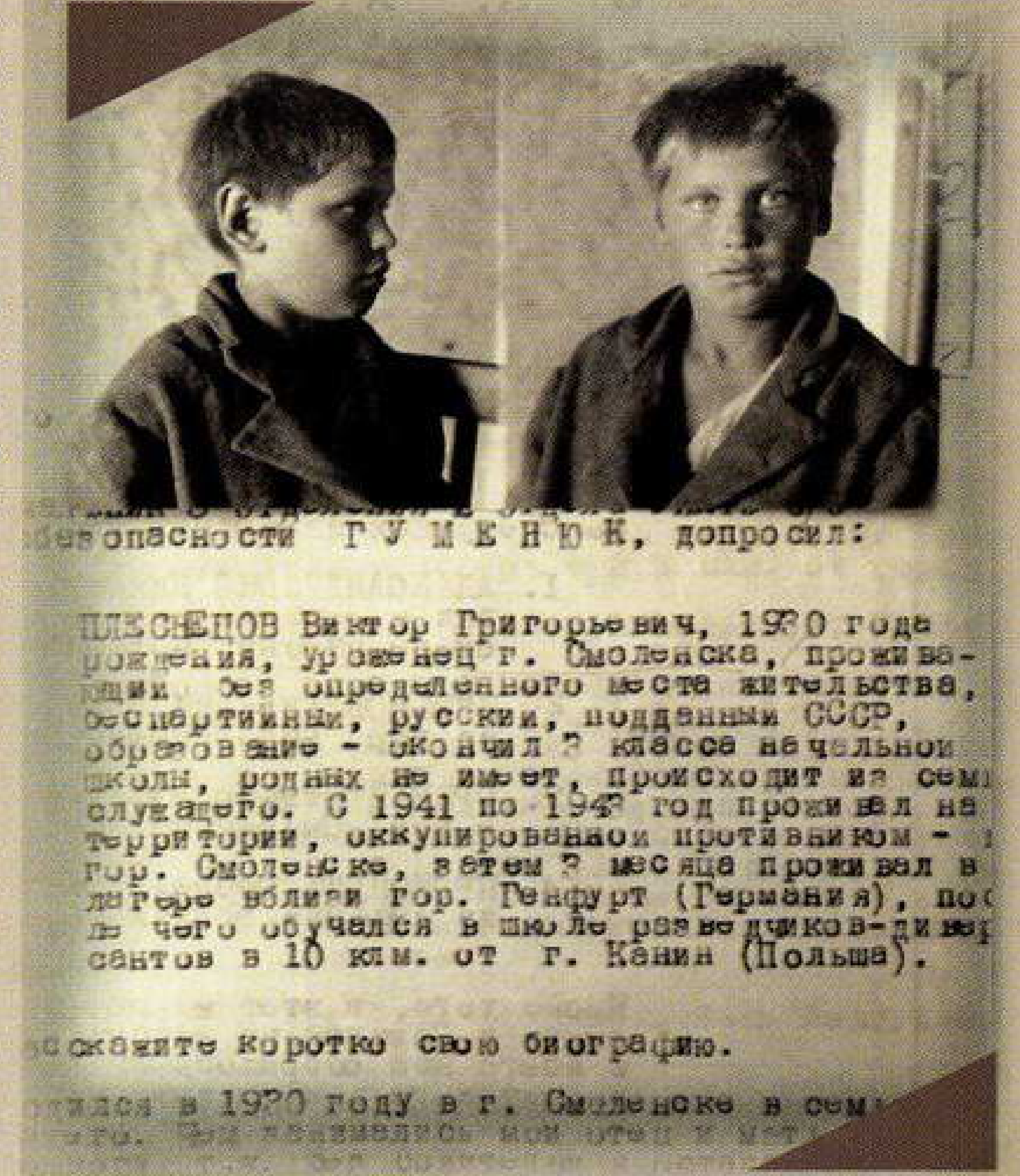
Обучение длилось от одного месяца до полугода. Затем юных «выпускников» «Абверкоманда 203» самолетами перебрасывала в Смоленск и Минск, а оттуда – попарно – в тыл Красной Армии под видом детей, потерявших родителей. Как правило, всех снабжали взрывчаткой. «Двойка» получала задание совершать диверсионные акты на железных дорогах, питающих центральный участок фронта.

Из показаний Александра Якубова: *«Перед выброской в тыл советских войск нас переодевали в гражданскую одежду, выдавали толовые шашки, зажигательные капсюли, продукты питания на пять дней и 400 рублей денег. Начальник школы лично инструктировал и угрожал, что за каждым из нас будет следить специальный человек, который расстреляет того, кто не выполнит задание».*

Нередко взрывчатка имела вид куска каменного угля. Тут уже немцы явно переняли опыт изготовления диверсионных средств у советских подпольщиков, работавших на железнодорожном узле в Орше под руководством Константина Заслонова.

Любопытно, что в 1944 году, с наступлением советских войск, «Особая команда Гемфурт» дважды передислоцировалась на восток, в Польшу, – сначала в замок Бишофсфельден под Конином, затем – в Жгув. Там часть «гемфуртских питомцев» и их преподавателей была захвачена советскими войсками. Но и после этого школа продолжала действовать, найдя с начала 1945 года свое пристанище (на этот раз последнее) в Луккенвальде (в 75 км к юго-западу от Берлина).

На основе архивных источников также известно, что в сентябре 1944 года в «Абверкоманду 203» был внедрен агент «Смерша». Он сумел перевербовать одного из преподавателей, Евтуховича, и вывести его и большую часть малолетних курсантов (44 ребят) в расположение советских войск. Евтуховича сразу арестовали. Впоследствии по его и агента данным были арестованы начальник школы Роберт Шимек, его помощник и инициатор создания школы Николай Фролов, а также инструкторы Николай Горохов, Леонид Уткин, Григорий Абрамов и другие. Все они (понятно, за исключением офицера абвера Шимека) – власовцы, завербованные германской разведкой. Девочек готовила фрау Элеонора Гайдар, завербованная сотрудница Красного Креста.

■ **Фото и материалы допроса В. Плеснецова**

ДАЖЕ ОНИ НЕ БЫЛИ «СВОЛОЧАМИ»

Однако как же воевал этот «русский гитлерюгенд»?

«Совершенно секретно
Народному комиссару
госбезопасности СССР
товарищу Меркулову В.Н.
Докладная записка

29 августа с.г. на территории Минской области сдались патрулю подростки-парашютисты, заброшенные немцами в наш тыл с диверсионными заданиями... по совершению диверсий на железнодорожном транспорте, порче автомашин и средств проволочной связи. В этих целях они были снабжены каждый четырьмя шашками взрывчатых веществ, похожих на куски каменного угля весом 600 – 700 граммов, которые должны были подбрасывать в тендеры паровозов.

...В ночь с 27 на 28 августа 1944 года группа была попарно сброшена с двух транспортных самолетов в районах крупных железнодорожных узлов.

Народный комиссар
госбезопасности БССР
Л. Цанава.
31.08.44 г.».

■ **Фото и материалы допроса Г. Агурецкого**

Из допроса 13-летнего Виктора Плеснецова: *«Нас переодели в старую одежду, в нее вшили маленькие трубочки с паролем. На аэродроме нам выдали по два куска взрывчатки и 700 рублей. Выбросили под Смоленском. Мы с Гришей Агурецким переночевали в поле, а утром сдались в деревне Сенники бойцам, которые отвезли нас в НКВД».*

Таких документов в упомянутых выше 11 папках по делу «Особой команды Гемфурта» множество. Вот типичная история 15-летнего Саши Строганова. В период фашистской оккупации он вместе с отцом и старшим братом ушел в партизанский отряд имени Суворова. В одном из тяжелых боев отряд был рассеян, брата и отца убили. Александр, не зная, как быть дальше, пошел в свою деревню. По дороге его арестовал немецкий патруль. Паренька отправили в детдом в Оршу. Оттуда обманом увезли в Гемфурт. После выброски в советский тыл Саша долго скрывался в лесу, боясь своих. Но потом нашел в себе мужество прийти с повинной.

В год ажиотажа вокруг «Сволочей» журналистам одной из московских газет удалось разыскать выпускника школы юных диверсантов, 77-летнего Вячеслава Бабицкого. Он поведал, что в детстве мечтал стать моряком. Но в 1943-м, когда ему было 14 лет, немцы забрали его из детдома под Минском. С ним в Германию, под Кассель, было отправлено еще полтора десятка ребят. *«Там жили около года,* – вспоминал Бабицкий. – *Нас готовили к заброске в тыл советских войск. Потом выдали парашюты, денег 400 рублей, хлеба, колбасы... Выбросили на парашютах в районе Невеля. Но я и не собирался ничего взрывать, сразу отправился к сестре, а потом в милицию. Со мной были Саша Карпов, Павлик Скоробогатый...»*

Пары юных диверсантов сдавались одна за другой. Школа работала фактически вхолостую. Было зафиксировано лишь не более десяти достоверных случаев, когда заброшенные в районы сосредоточения войск подростки подкладывали шашки под рельсы.

О том, что «птенцы» из Гемфурта в своем большинстве были неопасны, свидетельствует и сравнительно мягкая реакция карательных органов на их действия. Для тех, кто сдался, что называется, не замарав рук в крови, особое совещание при НКВД СССР постановило: «Зачесть в наказание срок предварительного заключения и из-под стражи освободить». Часть подростков была отправлена в детские исправительно-трудовые лагеря до совершеннолетия. И лишь те отдельные, кто действительно взрывал и убивал, получили сроки от 10 до 25 лет.

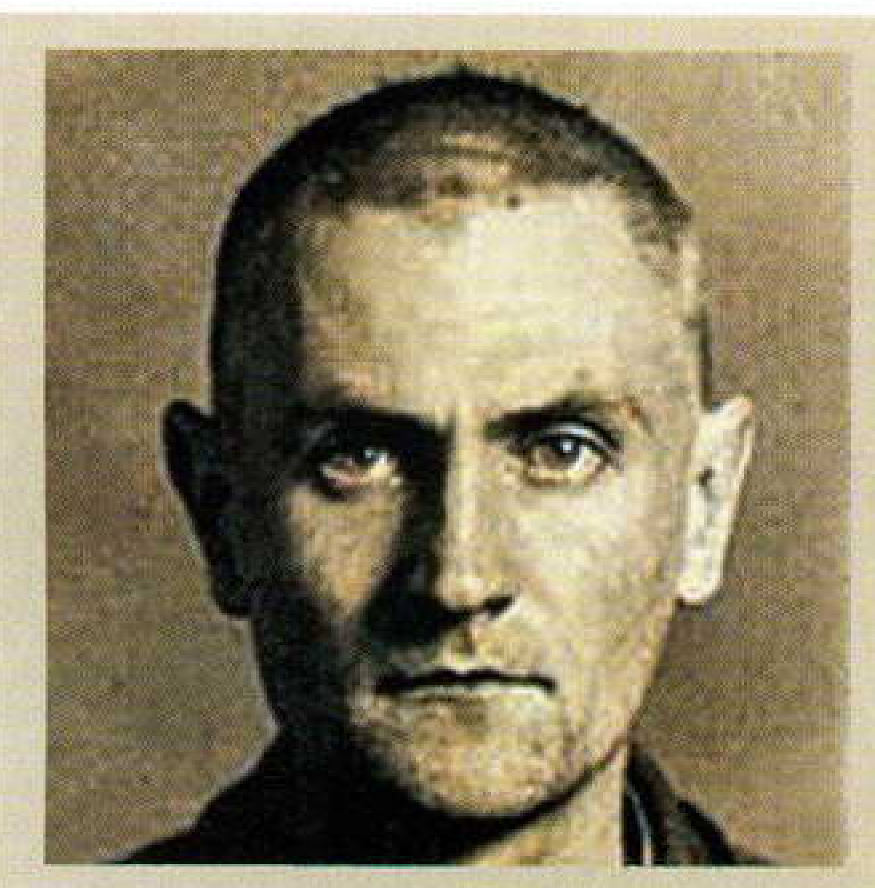
Но и судьбы тех, к кому отнеслись гуманно, складывались тяжело. В то время «предателями» считали даже детей, вернувшихся после Победы из концентрационных лагерей. Вячеслав Бабицкий о себе рассказал следующее: *«Нас всех отвезли в колонию в Могилев. На 4 года. В колонии в комсомол вступил, восемь классов окончил. А в 1948 году нас освободили. Потом в мореходке узнали – отчислили. Всю жизнь крутил баранку. Не о чем рассказывать. Да и память уже не та».*

ВЕРХ ЦИНИЗМА

Похоже, одним из гвоздевых эпизодов в «Сволочах», по замыслу авторов фильма, является тот, где седой фашистский офицер, сняв фуражку, убивается от горя над трупами русских малолеток-диверсантов: «Боже мой... Боже мой!.. Это же дети!.. Что же они делают?» («Они» – это имеются в виду те кровожадные красные командиры, кто посылал безусых юнцов на задание.) То есть немцы – сама доброта! Да уж, похоже, ныне одни подзабыли о том, как гитлеровцы буквально высасывали кровь из детей на оккупированных ими советских территориях «для нужд раненых солдат великого фюрера», а другие – молодежь – просто ничего не знают об этом.

Из архивных данных, предоставленных ФСБ, известно, что, когда стало невозможно брать «материал» для школы в Гемфурте непосредственно в Белоруссии, гитлеровцы и их приспешники-предатели стали набирать детей в концлагерях. В частности, отбор русских детей осуществлялся из числа 2 тыс. малолетних смертников лагеря «Тухинген». При этом инструктор Горохов подыскивал именно сирот. Он бросал в толпу мальчишек пачки табака и выбирал тех, кто проявлял наибольшее проворство в захвате добычи.

А некий сотрудник «Абверкоманды 212» Мейгер писал в своих мему-

Преподаватель гемфуртской школы Ю. Евтухович

Инструктор «Абверкоманды 203» Н. Горохов

арах: *«Линия фронта стабилизировалась, забрасывать агентов стало труднее... Выход нашла группа Декснера: в их зоне находилась психлечебница. Там мы набрали нужный материал — 11 подростков-олигофренов. За две недели инструкторы внушили детям, что их матери пролетят над Гатчиной. Чтобы их позвать, нужно дать сигнал ракетой. Агенты провожали детей к мостам, складам и оставляли ожидать налет авиации. Все дети погибли во время бомбометания».*

Комментарии, что называется, излишни.

Верх цинизма «Сволочей» даже не в том, что авторы «художественно исказили правду жизни»: ведь Сталин, как бы к нему ни относиться, в том самом 1943-м создал в стране сеть суворовских училищ, в которые отбирались, как правило, именно те дети, чьи отцы погибли на фронте. А в том верх цинизма, что была целенаправленно оболгана память не только тех юных, которые прибавляли себе год-два и уходили защищать Родину, и гибли за нее, но и десятков, а может быть, и сотен тысяч порой совсем маленьких детей, которых никто не «призывал», а они сами выходили на борьбу с лютым врагом: становились сынами полков, разведчиками партизанских отрядов, стояли у станков в тылу, гибли от бесчеловечных опытов над ними в фашистских концентрационных лагерях, от изъятой у них для «нужд германской армии» крови в прифронтовых областях и районах...

Критика уже достаточно «прошлась» по «Сволочам» с точки зрения не только исторической неправды, но и нагромождения чуши (не просто ляпов) в самом киноповествовании — похоже, о логике изображения событий авторы вообще не заботились. Достаточно вспомнить, например, о том, что первую группу юнцов-смертников отправляют на уничтожение некой супербазы горючего в Трансильвании (Румыния). И это в то время, как основные силы фашистов были или сосредоточены под Сталинградом, или уже стягивались к Курской дуге (по фильму так и нельзя понять, зимой или весной 1943 года происходят события). Это все равно что, если бы база горючего, скажем, наступающего 1-го Белорусского фронта в 1944 году была за Уралом. А потом... только придурок может загнать огромный склад ГСМ в отроги гор, где он может быть элементарно отрезанным от снабжения войск. Самолет Ли-2 летит к месту выброски из города Мары, что в Туркмении, восемь часов без дозаправки, что невозможно в принципе из-за тактико-технических характеристик этого воздушного транспортника. Но даже если бы он и дотянул, то как летчики вернутся назад, или они тоже камикадзе?! Немцы, вместо того чтобы взять диверсантов живыми, расстреливают их из... зенитных пулеметов. Ну и так далее, и тому подобное: чушь на галиматье, несуразность на ахинее...

Верх цинизма еще и вот в чем. Дело не в том, что лживые «Сволочи» помимо победы в номинации «Лучший фильм года» также были удостоены приза «За лучшую зрелищную сцену» и награды «Прорыв года». Все же оценки делало не профессиональное жюри, состоящее из деятелей культуры, а зрители музыкального телеканала «MTV» путем интернет-голосования. Ясно, что это — преимущественно молодежь того самого возраста, что и герои фильма «Сволочи». (Владимир Смирнов, пресс-атташе телеканала, проводившего церемонию награждения, высказался так: «Для зрителей MTV фильм «Сволочи» — это просто развлечение, знаете, такой боевичок, который интересно смотреть».) А в том верх цинизма, что весь процесс создания киноленты профинансировало Федеральное агентство по культуре и кинематографии (ФАКК) РФ. По результатам аудиторских проверок Счетной палаты известно, что соответствующими распоряжениями главы ФАКК Михаила Швыдкого было выделено 30 млн. рублей! И все это — после неоднократных призывов Президента Владимира Путина к деятелям культуры «не извращать историю Великой Отечественной войны». Швыдкого как-то спросили, читал ли он сценарий «Сволочей» до того, как дал «добро» отпустить деньги на этот фильм? Нет, не читал, ответил Швыдкой, он, мол, полностью доверяет своим экспертам. Любопытно было бы взглянуть на этих «знатоков» Великой Отечественной...

Интернет-голосование «поколения «Пепси» в немалой степени выявило, с одной стороны, низкий уровень образованности и творческих пристрастий молодых людей, а с другой — ущербное восприятие ими своей страны, над отрицательным «имиджем» которой в угоду Западу активно работает в последние 10 — 15 лет отечественный кинематограф. Нужно очень сильно не любить свой народ, свое прошлое и свою страну, чтобы снимать «кина», подобные «Сволочам»...

В связи со всем этим «Солдат удачи» считает своим долгом напомнить о реальных подвигах маленьких российских Гаврошей. Тем более что такие некогда популярные детские фильмы, как «Это было в разведке», «Армия Трясогузки», «Васек Трубачев и его товарищи», ныне не просто не в чести на телевидении, а фактически забыты. Благо, еще «Иваново детство» время от времени показывают (спасибо режиссеру Андрею Тарковскому). Факты, которые приводятся ниже, собраны автором по краеведческим источникам, преимущественно в Белоруссии.

ДЕТСТВО ЮРКИ ЖДАНКО

В январе 1942 г. один из партизанских отрядов, действовавших в Понизовском районе Смоленской области, был окружен гитлеровцами. Партизаны ломали голову, как выйти из кольца, но не находили ни «одного шанса из тысячи». К тому же кон-

Юра Жданко

чалось продовольствие. И командир отряда запросил помощи у командования Красной Армии. В ответ по рации пришла шифровка, в которой сообщалось, что какими-то активными действиями войска помочь не смогут, но в отряд такого-то числа в такой-то час будет направлен опытный разведчик.

И действительно, в условленное время над лесом послышался шум моторов воздушного транспортника, и через несколько минут в расположении окруженных приземлился парашютист. Партизаны, принявшие небесного посланца, были немало удивлены, когда увидели перед собой... мальчишку. «Это ты-то опытный разведчик?» – «Я». Парнишка был в форменном армейском бушлате, ватных штанах и шапке-ушанке со звездочкой. «А... сколько ж тебе лет?» – «Скоро стукнет одиннадцать!»

Мальчика звали Юра Жданко. Родом он был из Витебска и еще в июле 1941-го совершил свой первый боевой поступок, когда вездесущий пострел и знаток местных окрестностей показал обходящей город отступающей советской части брод через Западную Двину. Вернуться в родной город он уже не мог – пока выступал в роли проводника, в кварталы вошла гитлеровская бронетехника. И разведчики, которым было поручено сопроводить мальчика назад, взяли его с собой. Так он был зачислен воспитанником моторазведывательной роты 332-й стрелковой Ивановской дивизии им. М.В. Фрунзе. По сути, служил в военной разведке. К делам его поначалу не привлекали, но, от природы наблюдательный, глазастый и памятливый, он быстро уяснил азы рейдовой фронтовой науки и даже осмеливался давать взрослым советы – так, экспромтом... И его способности заметили. Неизвестно, с кого Владимир Богомолов писал свою повесть «Иван», но во многом она будто списана и с Юры. Его стали посылать за линию фронта, и в деревнях он, переодевшись, с сумой за плечами, ходил и просил милостыню, собирая сведения о расположении и численности вражеских гарнизонов. Успел поучаствовать и в минировании стратегически важного моста. При взрыве красноармеец-минер был ранен, и Юра, оказав ему первую помощь, вывел его в расположение части. За что получил свою первую медаль «За отвагу».

В 1942-м, хотя уж и отогнали немцев от Москвы, все равно было не до жиру, быть бы живу, и, когда партизаны запросили помощи, лучшего разведчика, чтобы им помочь, похоже, действительно было не найти. Но было одно «но». «Послали бы мы тебя, да только ведь с парашютом ты, пацан, не прыгал», – сказал начальник разведки. «Два раза прыгал! – возразил Юра. – Сержант такой-то (фамилия этого разведчика не сохранилась в памяти тех, кто через много лет воспроизводил этот разговор). Я его упросил, он меня незаметно учил». Все знали, что этот сержант и Юра были не разлей вода, и сержант мог, конечно, пойти на поводу у полкового любимца. Разбираться уже было некогда (да и сержант погиб), двигатели Ли-2 уже ревели, самолет был готов к разбегу, когда паренек признался, что с парашютом он, конечно, ни разу не прыгал, «сержант мне не разрешил, я только купол укладывать помогал». «Покажите, как и за что дергать!»

Благополучно прибыв в отряд, десятилетний витебчанин Юра Жданко сделал то, что не могли взрослые... «Один шанс из тысячи» был найден. Его переодели во все деревенское, и вскоре мальчишка пробрался в избу, где квартировал руководивший окружением немецкий офицер. Гитлеровец обитал в доме некоего деда Власа. К нему-то под видом «внука из райцентра» и пришел юный разведчик, которому была поставлена довольно сложная задача – добыть у вражеского офицера документы с планами уничтожения окруженного отряда. Удобный случай выпал только через несколько дней. Гитлеровец вышел из дома налегке, оставив ключ от сейфа в шинели... Так документы оказались в отряде. А заодно Юра и деда Власа привел, быстро убедив его, что оставаться старику в такой ситуации в доме больше нельзя.

За этот подвиг отважный пионер, уже одиннадцатилетним, был принят в комсомол – редчайший случай даже по тем временам: в ВЛКСМ, по уставу, принимали только с четырнадцати лет. В протоколе собрания разведроты так и было записано: «Просить ЦК комсомола в порядке исключения принять в комсомол Юрия Ивановича Жданко досрочно, за особые боевые заслуги в боевой работе». «Пацанский» Юрин комсомольский билет № 17445064 и сейчас хранится в музее Великой Отечественной войны в Минске.

В 1943-м Юра вывел из окружения уже регулярный батальон Красной Армии. Все разведчики, посланные, чтобы отыскать «коридор» для товарищей, погибли. Задание поручили Юре. Одному. И он нашел слабое место во вражеском кольце... За что был награжден орденом Красной Звезды.

Оперативно-разыскные и уголовные дела из архива ФСБ

(Продолжение следует)

«КЕША-2»

ПРОДОЛЖАЕТ СЛУЖБУ...

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Солдат удачи»!

Написать это письмо я решил после того, как прочитал статью в № 2 за 2007 год «Изюминка» «Выстрела». И хотел бы дать субъективную оценку тактико-техническим характеристикам данного бронеавтомобиля.

В качестве небольшого предисловия к описанию впечатлений от эксплуатации БПМ-97 «Выстрел» могу сообщить, что в период с марта по сентябрь 2006 года я находился в служебной командировке в составе оперативной группы временной оперативной группировки органов и подразделений МВД России по Гудермесскому району Чеченской Республики в должности специалиста кадровой службы. После довольно длительного перерыва, вызванного обеспечением общественного порядка при подготовке и проведении мероприятий, посвященных празднованию 1000-летия города Казани, в Чечню вновь был направлен сводный отряд милиционеров из Республики Татарстан.

По роду должностных обязанностей мне регулярно приходилось выезжать в Ханкалу, другие населенные пункты Гудермесского района и довольно часто на БПМ-97. В ходе данных выездов и в результате бесед с водителем и личным составом у меня сложилось впечатление о данном автомобиле.

Указанный бронеавтомобиль производится ОАО «КамАЗ» в городе Набережные Челны Республики Татарстан, и решением руководства акционерного общества, правительства и министерства внутренних дел республики один автомобиль было решено направить в распоряжение оперативной группы для проведения «испытаний в боевых условиях».

БПМ-97 прибыла в Гудермес в начале мая 2006 года в составе колонны, организованной МВД Татарстана, самостоятельно преодолев более 2.000 километров без поломок, что для новой машины является положительным показателем. Необычный внешний вид машины, «хищный» профиль вызвали неподдельный интерес сначала личного состава, а потом местных жителей, особенно детворы. Официальное название — «Выстрел» — было нам неизвестно, а потому от сотрудников посыпались предложения по названию машины: «Мустанг», «Лягушонок» и даже «Годзилла», но в итоге победил прозаический позывной «Кеша-2».

Первый внешний осмотр выявил, что все бронелисты, из которых сварен кузов, имеют следы от попаданий пуль калибра 7,62 мм, причем окрашен кузов был уже после испытаний на пулестойкость. Следов от попаданий пуль крупного калибра мы не нашли, так что заявление о защите от крупнокалиберных пуль оставим на совести изготовителя брони.

Посадка и высадка десанта и экипажа осуществлялись в основном через боковые двери, к которым у многих имелись претензии из-за их малого размера и низкого расположения в десантном отделении. Мне с ростом в 180 см и нехрупким телосложением да еще в «сфере», бронежилете и разгрузке с боекомплектом и автоматом было тяжело проникнуть в дверной проем. Указанный недостаток при обстреле и повреждении машины может привести к тому, что экипаж и десант не смогут быстро покинуть бронеавтомобиль и понесут неоправданные потери. По моему мнению, двери следует изменить и сделать их по подобию БТР-80 двухсекционными, чтобы нижняя секция откидывалась вниз, а верхняя вбок.

Кормовые двери, наоборот, сделаны необоснованно большими, так как из-за непродуманности расположения сидений для десанта этими дверями могут воспользоваться не более 4-5 десантников. На практике этими дверями почти не пользовались.

Теперь о люках. Люки для десанта достаточно удобны, в отличие от люков механика-водителя и командира, которые опять-таки сделаны слишком маленькими, а рычаг механизма их открывания расположен в опасной близости к голове, и рослый человек при резком начале движения либо торможения неизменно бьется лбом об эту «железяку». На практике данные люки ни разу не открывались. То же самое можно сказать о механизмах запирания люков десанта — рукояти механизмов запирания имеют значительную длину и при движении маячат где-то в районе виска, так что при резких маневрах или попытке быстро покинуть десантное отделение создают опасность получения травм личным составом. Бойницы достаточно удобны в пользовании, чего нельзя сказать о приборах наблюдения десанта. Над каждой бойницей расположен индивидуальный прибор наблюдения, который, по моему мнению, должен двигаться в стороны и по вертикали, но почему-то намертво закреплен в корпусе и имеет ограниченный угол обзора. На практике ими никогда не пользовались, а вели наблюдение непосредственно через бойницу. И снова рукоятка от прибора наблюдения угрожающе нависала над головой, а сидеть внутри машины в каске невозможно заставить ни одного бойца.

Отказ от бронекрышек на остеклении машины по-моему не оправдан, так как при нападении на автомашину водитель и командир – это первые мишени, а наличие откидных бронекрышек или жалюзи может спасти их от поражения.

Ходовые характеристики БПМ-97 оцениваются положительно – это динамичная и скоростная машина, которая на хорошей дороге разгонялась и значительно больше заявленных 90 км/ч, а при движении на пересеченной местности довольно мягко преодолевает неровности. Механик-водитель высказал претензии к электрическому переключателю скоростей: во-первых, рукоятка переключения скоростей расположена неудобно для водителя – вынесена слишком далеко назад относительно сиденья водителя. Со стороны можно было наблюдать, как механик-водитель переключает скорости, выставив руку практически за спину. Во-вторых, на пересеченной и горной местности электрическое реле не всегда успевало включить повышенную передачу на подъеме, тяжелая машина теряла скорость, и водитель был вынужден опять переходить на пониженную передачу. Со слов последнего более удобна была бы проверенная механическая КПП, с которой опытный водитель более эффективно мог управлять бронеавтомобилем в экстремальных условиях, а так БПМ-97, медленно ползущая по горной дороге на пониженной передаче, – это удобная мишень для «духов».

К нам в отряд прибыл бронеавтомобиль в невооруженном патрульном варианте, что вызвало некоторое недоумение, так как у нас практически не имелось тяжелого стрелкового вооружения и была надежда, что броневик будет оснащен хотя бы пулеметом. В ходе использования бронеавтомобиля на крышу десантного отделения помещался пулеметчик с РПК и в каске, который с грозным видом осматривал окрестности. Как вам должно быть понятно, боевая эффективность такого решения почти нулевая, так как федерал с РПК вряд ли сможет даже напугать «мирных чеченских пастухов», а при нападении станет одной из первых мишеней для снайпера. Также при оснащении не помешали бы и дымовые гранатометы. Уже на месте силами наших связистов и саперов броневик был оборудован системой подавления взрывных устройств с радиоуправлением «Пелена», и данная система неоднократно применялась не только при выездах, но и при несении службы по охране массовых мероприятий в Гудермесе, когда требовалось обеспечить прохождение колонны демонстрантов или проверить подозрительный автомобиль.

Одним из положительных качеств машины явилось наличие в салоне двух кондиционеров, что при температуре в 40-45 градусов в тени, которая держалась в июле-августе 2006 года на Кавказе, очень помогало при выездах. Но конструкторы намудрили с размещением одного из кондиционеров, установив его прямо перед лицом командира экипажа. Возможно, они действовали из лучших побуждений и хотели создать комфортные условия для старшего, но на практике поток холодного воздуха бил в лицо командиру и данным кондиционером пользовались редко.

Как один из недостатков следует указать непродуманное размещение мест десанта: для десантников предусмотрены индивидуальные кресла, часть из которых расположена лицом по ходу движения, а часть спиной, причем задние сиденья расположены так, что не дают возможности покинуть бронеавтомобиль через задние двери. Удобнее было бы установить общие сиденья «спина к спине» лицом к бортам машины. Таким образом можно было несколько увеличить число десантников, а десанту было бы удобнее вести огонь из стрелкового оружия через бойницы в бортах. Также неудобно расположены сиденья механика-водителя и командира – они жестко закреплены, и, чтобы попасть на место, надо откидывать спинку сиденья, а чтобы покинуть свое место, надо практически перекувыркнуться через голову. Было бы неплохо сделать кресла поворотными.

О боевом применении следует сказать, что «Кеша-2» принимал участие практически во всех выездах личного состава на оперативные задания, сопровождение автоколонн и т.д. Однако не обошлось и без «мудрого» решения отцов-командиров – примерно во второй половине июля 2006 года «Кеше» запретили покидать расположение оперативной группы «в связи с осложнением обстановки». В этот период усилили свою активность боевики, на территории Чечни и прилегающих регионов произошло несколько нападений на колонны федеральных сил. Так вот, чтобы не подвергать опасности нападения единственную БПМ, которую, видимо, очень ценило начальство, было приказано не выпускать ее из расположения. И так продолжалось что-то около 10 дней. Но жизнь не остановишь, и поэтому на выезды были выделены небронированные «буханки» – опять в нашей стране победил принцип «народу полно, если что – бабы нарожают», а вот БПМ – ОНА ОДНА ТАКАЯ. К слову, следует сказать, что за период моей командировки БПМ-97 ни разу не подвергалась обстрелу. В настоящее время «Кеша-2» продолжает нести службу в составе оперативной группы по Гудермесскому району Чеченской Республики.

Завершая рассказ, могу сделать следующий вывод – с учетом незначительных доработок БПМ-97 «Выстрел» может с успехом применяться различными силовыми структурами для решения широкого круга задач.

С уважением капитан милиции
Александр Зиновьев,
сотрудник УВД по городу
Набережные Челны.

«Коренные переломы» нашей истории конца XX века в сознании соотечественников навсегда останутся связанными с негативными последствиями афганской войны. А среди бородатых моджахедов, воевавших в 80-е годы против советских войск, даже утвердилось мнение, что именно они «развалили» Советский Союз, а значит, и стали причиной трансформации биполярного мира в многополярный. Не более и не менее.

Однако, как гласит афганская, она же и русская, пословица: «Нет дыма без огня». А огонек, превратившийся в пламя большой войны и надолго связавший судьбы народов наших стран, впервые вспыхнул 27 апреля 1978 года во время военного переворота в Кабуле, получившего известность как Апрельская революция в Афганистане.

Автору этих строк подробно запомнились те времена, хоть и прошло уже столько лет...

ПРЕРВАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ КАБУЛА В ГЕРАТ

Михаил СЛИНКИН

«У НАС НА ДОРОГАХ ШАЛЯТ...»

Проехаться почти по всей стране за казенный счет – такая удача выпадает нечасто. Поэтому, впервые услышав о предстоящей командировке, испытал исключительно положительные эмоции.

В то время, сменив уже несколько мест работы в Кабуле, я числился военным переводчиком в штабе ВВС и ПВО, располагавшемся в районе Ходжа Раваш, рядом со столичным аэропортом. Многие афганские летчики и зенитчики учились в Союзе и предпочитали изъясняться на русском, не прибегая к посредничеству переводчиков. Поэтому работы было мало, на всех не хватало, и на службе мы проводили время с девяти утра до часу дня. Меня к тому же приписали к командному пункту, где делать было совсем уж нечего. Я даже напросился со скуки рисовать на ватмане самолеты для художественного оформления помещения, но возможности и для этого занятия вскоре иссякли: не хватало свободных площадей на стенах. Безделье угнетало, и это стало еще одной причиной отправиться в длительную поездку в прекрасном настроении.

...Раннее утро 25 апреля 1978 года. Собираемся на одной из автостанций на окраине города. Нас, командированных, шесть человек: два советских военных советника с переводчиками и два афганских полковника. Один из них – начальник КП ВВС и ПВО полковник Саидджан – мне знаком по работе. Его внешность можно описать в трех словах: худощав, лысоват, носат. Он вежлив, интеллигентен и, как поговаривают, весьма консервативен и религиозен. Второй – летчик-истребитель, которого вижу впервые, полная ему противоположность: невысок, широк в кости, по-крестьянски прост и непритязателен, к тому же мало походит на афганца. Глаза серые, русые волосы обрамляют совершенно красное лицо, каким оно со временем становится у больших поклонников горячительных напитков. Возможно, он и употреблял их в перерывах между пилотированием боевых самолетов, приобретя эту несвойственную мусульманам привычку в придачу к

диплому об окончании советского летного училища, но, врать не буду, я вместе с ним в рюмку не заглядывал, поэтому появление столь замечательного цвета лица могло иметь и иные причины. По-русски он говорил свободно и, временами прохаживаясь нелицеприятно по отдельным негативным сторонам жизни в своей стране, не ограничивал себя в выборе крепких выражений. Имени его при знакомстве я не запомнил, поэтому обращался к нему по званию — «господин полковник», а про себя называл просто — «летуном».

Подают автобус. Пока стоим в очереди на посадку, рассматриваю расписанное пейзажами, орнаментами и изречениями из Корана транспортное средство, пытаясь уяснить его производителя. Вот на передней решетке красуется мерседесовский знак — значит, едем на надежной немецкой технике. Вдоль всей крыши автобуса установлена решетчатая платформа с невысокими бортиками — дополнительный багажник. На него пассажиры поднимают мешки, ящики, велосипеды, овец, коз и кур со связанными ногами. Несколько человек, располагавших деньгами лишь на билеты «экономкласса», устраиваются на ветерке вместе с поклажей.

Все афганцы в национальной одежде. Только мы в пиджачках-галстуках да полковники в военной форме выделяемся своим европейским видом.

Тронулись. Саидджан завершает молитву: продолжая шевелить губами, поднимает глаза кверху, проводит по лицу ладонями. Летун ухмыляется, поглядывая на коллегу, но, заметив, что и я обратил на него внимание, поясняет:

— У нас на дорогах шалят. Останавливают, грабят, иногда убивают. Но против этого есть и более надежное средство.

Полковник осматривается, достает из кармана и показывает пистолет. Систему установить не успеваю, потому что он быстро засовывает его обратно. О том, что грабят на дорогах, слышу впервые. У нас как-то устоялось мнение, что шурави (советским) можно появляться в любом районе Афганистана без каких-либо опасений лишиться кошелька. А в Кабуле мы даже двери квартиры частенько не запираем на замок...

ОСОБАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ КАНДАГАРА

Едем на юго-запад, в историческую область Арахосия, входившую под этим названием еще в древнеперсидскую державу Ахеменидов. Ныне это провинция Кандагар с одноименным центром — первой столицей афганского государства. Глазеем по сторонам. С каждым часом горы вокруг все более сглаживаются. Их резкие, ломаные очертания сменяются плавными, волнистыми линиями.

470 километров подъемов и спусков мощный автобус преодолевает если не шутя, то вполне уверенно. Прибытие, встреча, размещение и короткая экскурсия по городу. Здесь протекает давшая жизнь кандагарскому оазису река Аргандаб, всюду сохранился средневековый облик, и лишь на центральной улице бросаются в глаза несколько двухэтажных построек современной европейской архитектуры. Судя по веселеньким вывескам на английском, в них размещаются отели. Когда проезжаем мимо, афганцы хитро улыбаются и многозначительно перемигиваются.

Вечером полковники, торопливо переодевшись в национальную одежду, неучтиво покидают нас, оставив скучать одних. Оба возбуждены, предвкушая какие-то доступные только в Кандагаре развлечения. Могу составить об их характере лишь общее представление: летун, пряча в складках одежды пистолет, говорил, что бывшая столица известна не только как самый бандитский город Афганистана, но славится еще и своими женщинами. Все больше склоняюсь к тому, что ночь они проведут в одном из виденных нами двухэтажных особнячков.

Немного уставшие, но сохранившие томнопраздничное настроение полковники появляются лишь утром, когда мы буднично расправляемся с поданной хозяевами яичницей с луком. Собираемся и едем в истребительный авиационный полк. Он базируется на расположенном к югу от города аэродроме, деля его с кандагарским международным аэропортом. Между военными и гражданскими поделен также одноэтажный городок, состоящий из гостиницы и отдельных коттеджей. В них живут и советские военные, некоторые — с семьями. Вечером, после официальных докладов и бесед, командированных советников приглашают на ужин местные советники, а нас — переводчики. Общаемся. Трем холостым кандагарским коллегам не позавидуешь. Изо дня в день одно и то же: выезд на работу, возвращение к обеду в захолустный городок на окраине пустыни Регистан и до вечера грустные размышления о превратностях судьбы, так некстати, всего-то в двадцать с небольшим лет от роду, забросившей в афганскую глушь.

С РАЛЛИ ПО-АФГАНСКИ – В ГОСТИ К ДЕСПОТУ

Утро, 27 апреля. Без сожаления покидаем скучный гарнизон, доби-

раемся до Кандагара и садимся в автобус, направляющийся в Герат. До осуществления моей давнишней мечты – посетить этот город, о котором восторженно рассказывал отец, – всего один шаг. Нет, два, потому что сегодня мы в Герат не попадем: не дотянув до него всего какую-то сотню километров, нам придется задержаться в Шинданте, где дислоцируется полк бомбардировочной авиации. Но завтра, предвкушаю, наконец-то увижу основанный Александром Македонским город с его древней цитаделью, средневековыми архитектурными ансамблями и захоронением великого персидского поэта и мыслителя Абдуррахмана Джами, чей мазар (гробница) является местом паломничества.

Автобус между тем выбирается из городской толчеи и на гладком бетонном покрытии шоссе Кандагар – Герат набирает весьма приличную крейсерскую скорость. Вот впереди появляется силуэт другого автобуса, стартовавшего раньше, наш водитель жмет на газ. Задремавшие было пассажиры просыпаются. Когда мы настигаем соперника и вырываемся вперед, вся компания вскакивает и кричит от возбуждения, а некоторые наполовину высовываются из окон, машут руками, корчат обидные рожи и показывают кулаки побежденным. Судя по тому, что сверху доносятся ритмичные удары, пассажиры экономкласса еще и приплясывают на крыше. Противник не признает поражения и вскоре догоняет нас, пытается обойти, и какое-то время мы несемся с ним ноздря в ноздрю, не снижая скорости, одновременно повторяя изгибы дороги. Но впереди появляется встречная машина, и ее приходится пропустить – шоссе недостаточно широкое. В конце концов соперник все же обходит нас. Пассажиры разочарованно рассаживаются по местам, возбуждение угасает, но вновь переходит в ликование, когда в одной из деревушек мы обгоняем знакомый автобус, вынужденный остановиться для высадки пассажиров.

С переменным успехом ралли продолжается на протяжении почти 400 километров. Кто же становится победителем, остается неизвестным. Там, где с запада к шоссе выходит дорога на Шиндант, мы пересаживаемся в присланный за нами микроавтобус.

Затерянный в степи авиационный гарнизон. На аэродроме понуро стоят серебристые бомбардировщи-

ки Ил-28. Скудная растительность вокруг одноэтажных построек. Небольшое штабное помещение, где нас встречает вальяжный полковник – начальник шиндантского гарнизона. С его лица не сходит самодовольное выражение, проистекающее из осознания абсолютной полноты власти в подчиненном гарнизоне и своей исключительной значимости в ближайшем захолустье, которое он, похоже, искренне считает жалованным ему властями феодальным владением. Когда, немного отдав дань служебным вопросам, собираемся за ужином, я исподволь наблюдаю за ним, сидящим во главе стола. Мой интерес подогревается рассказом летуна во время предварявшего ужин перекура – оказывается, начальник этого гарнизона известен тем, что широко использует средневековые наказания: провинившихся военнослужащих бьют палками по голым пяткам, а одного солдата якобы по его приказу даже бросили в топку. Но на лице деспота никаких внешних проявлений дурных наклонностей, лишь явное удовольствие от плова, жиром которого он перемазал толстые губы и двойной подбородок.

СОБЫТИЯ НАЧИНАЮТСЯ: «РЕЖУТ-ТО КОГО?!»

После ужина – культурная программа. В стоящем на отшибе сарайчике для нас, двоих командированных переводчиков, крутят фильм Эльдара Рязанова о невероятных приключениях итальянцев в России. Чем они закончились, узнать в тот раз так и не удалось. Зато, как выяснилось вскоре, у нас самих появились предпосылки стать непосредственными участниками приключений русских в Афганистане.

...Неожиданно просмотр фильма прерывается. Присланный за нами местный переводчик, заметно волнуясь, говорит, что всем приказано срочно собраться в штабе. Выбираемся в черноту южной ночи и под вой шакалов бредем в полной темноте, ориентируясь только на голос провожатого, поясняющего:

– Недавно сообщили – в Кабуле переворот.

– Какой переворот?

– Ну, государственный.

– Режут-то кого? – спрашиваю, чтобы поддержать разговор и не утерять голосовой ориентир, позволяющий двигаться в правильном направлении.

– В каком смысле? – искренне удивляется наш проводник, отзываясь на провокационный вопрос.

– В прямом – красных или белых?

– Ну, ты загнул, – отвечает и, похоже, останавливается, давая возможность приблизиться к нему.

– Ты, не беги, – прошу, – мы за тобой не успеваем. Так, кто совершил переворот, левые или правые?

– Деталей не сообщали...

В штабе находим начальника гарнизона и двух «наших» полковников с советниками. Обстановка напряженная, причина – отсутствие какой-либо ясности. Кто-то услышал переданное в 19.00 сообщение «Радио Афганистана» о том, что «вся власть в стране перешла в руки афганского народа», а государственные функции осуществляет какой-то Военно-революционный совет.

Какой? Никто толком не знает. Но афганцы, более осведомленные о раскладе политических сил в стране, видимо, догадываются, однако избегают делать вслух любые предположения из-за соображений собственной безопасности...

СТЕНА ОТЧУЖДЕНИЯ

Да, они хорошо знают, чем рискуют. Ведь неверное, политически ошибочное высказывание в стране, где за последние годы президентом Мухаммадом Даудом (в 1973 году

он сверг короля Закир Шаха и провозгласил себя главой государства) создан режим авторитарной власти, может стоить не только карьеры, но свободы и даже жизни. Это если Дауд в итоге отстоит свои позиции.

Если же к власти пришли другие силы, то хорошо бы знать какие. Известно, что в Афганистане нелегально действуют как правые, близкие к «братьям мусульманам» группировки, так и левые, промарксистские организации.

Поглядываю на наших полковников, стараясь угадать что-нибудь по их лицам. Оба напряжены и молчаливы: Саидджан при этом выглядит немного сникшим, смотрит в пол, плечи опущены, будто бы не в состоянии выдержать тяжелый груз неизвестности. Летун же, наоборот, энергично шагает, выпятив грудь и подняв подбородок, и в глазах у него решимость человека, сделавшего для себя какой-то выбор. И вот что странно – между полковниками пролегла невидимая, но совершенно очевидная стена отчуждения, хотя не далее как двое суток назад они вместе искали сомнительных развлечений в Кандагаре. Сейчас же избегают даже смотреть друг другу в глаза, не обмениваются ни словом и расположиться пытаются в разных концах комнаты.

Размышляю. С Саидджаном все ясно – убежденный консерватор. Тогда пляшем от противного – значит, летун симпатизирует левым, а может быть, и является членом Народно-демократической партии Афганистана (НДПА)? Интересно, где он был неделю назад, 19 апреля, когда после убийства Мир Акбар Хайбара состоялись невиданные прежде в Кабуле антиправительственные митинги и демонстрации.

(Мир Акбар Хайбар – популярный деятель НДПА, один из ее основателей. Получил военное образование, за свои убеждения арестовывался, в тюрьме познакомился с Бабраком Кармалем. Убит, по одной из версий, по приказу М. Дауда.)

В тот день, вспоминаю, я вышел в дукан за хлебом и сразу же обратил внимание на множество сосредоточенно шагавших в одном направлении людей. Это было абсолютно неожиданным и непривычным, совершенно не вписывалось в обычный размеренно-ленивый поведенческий стереотип афганцев, а отсутствие даже намеков на улыбки не соответствовало их по большей части веселому нраву. Я не удержался и спросил одного из них: «Случилось что-то?» Афганец, не поворачивая головы, ответил будто заранее заготовленной фразой: «Убили лучшего человека в Афганистане». От дальнейших расспросов я тогда отказался, но неожиданное проявление митинговых страстей в прежде сонном Кабуле оставило ощущение некоторой тревоги.

ПОЛИТИКА ПОЛИТИКОЙ, НО В ТУАЛЕТ БЕЗ ФОНАРИКА НЕ ВХОДИ...

Между тем советники уяснили наконец, что в данной ситуации наше присутствие в штабе неуместно. Вопрос афганский, внутренний, и участие иностранцев, даже косвенное при его разрешении, может быть истолковано превратно. Откланиваемся и идем в одну из отведенных советским специалистам квартир. Похоже, никто не намерен отдыхать, да и как заснуть, если все еще неизвестно, в каком направлении будут развиваться события.

Организуем дежурство по прослушиванию «Радио Афганистана» и «голосов из-за бугра». Важно понять, кто стоит за переворотом. Если это ориентированные на Запад силы, то впору собирать вещи, если клерикалы, то могут еще и отыграться на «безбожных коммунистах», на нас то есть. Кто-то высказывает предположение, что здесь, в Шинданте, мы в более выгодном положении, чем наши соотечественники в Кабуле – ведь до Герата рукой подать, а там и Кушка рядом. Так и развлекаем себя прожектами авантюрного исхода из страны, пока один из голосов не сообщает, что в Кабуле к власти пришли левые, а «переворот, как все марксистские выступления, был кровавым», разрушены президентский дворец и международный аэропорт. Повторяют, наконец, и сообщение о победе революции, которое зачитывают на языке пушту майор Ватанджар, а на дари – полковник Абдул Кадыр.

Вот тебе раз, да это же начальник штаба ВВС и ПВО! Неужели Кадыр среди восставших? Ведь он никогда к нам особой симпатии не выказывал, всегда держал себя сдержанно, даже холодно. В целях конспирации, что ли?

(Абдул Кадыр учился в военном лицее и военном училище в Кабуле, в 1971 г. окончил Киевское высшее военное авиационное училище, был активным участником переворота М. Дауда, после чего занял пост начальника штаба ВВС и ПВО. Затем был понижен до... начальника Кабульского мясокомбината. В 1977 г. восстановлен в прежней должности. Сыграл важную роль в апрельском перевороте 1978 г. – поднял боевые самолеты с авиабазы Баграм).

Напряжение спадает. Уточняем график дежурства на ночь и идем отдыхать. Спрашиваю у местного специалиста, где туалет. Показывает дверь и советует:

– Фонарик не забудь. Там света нет.

– Да я так, на ощупь.

– Не стоит.

– Почему же? – настораживаюсь.

– Да сел у нас тут один, в темноте, а в унитазе гюрза отдыхала. Потом все доктора жалели.

– Цапнула за задницу?

– Нет, – смеется, – не его. Доктор цел, но тоже серьезно пострадал – яд кому-то отсасывать надо?

Следую совету и тщательно осматриваю с фонариком все уголки злополучного заведения...

ОСОБЕННОСТИ ПОЛЕТА В «РЕВОЛЮЦИОННОМ» САМОЛЕТЕ

Когда утром появляемся в штабе, видим – власть сменилась. Прежний начальник гарнизона уже без погон, в национальной одежде, с перекинутой через плечо шали (прямоугольное домотканое покрывало) и узелком с вещами, как будто ему предстоит дальняя дорога, униженно переминается с ноги на ногу у дверей, не рискуя даже присесть на лавочку. Заправляют всем молодые офицеры, которых еще вчера мы и знать не знали, – чинами они не вышли для официального общения со столичными визитерами. Летун с пистолетом не в кармане, а за поясом – в стане победителей. Увидев нас, радостно сообщает:

– Революция! Дауда свергли сторонники НДПА. Они уже направили самолет, чтобы доставить в столицу всех высокопоставленных военных из провинций. Скоро он будет здесь, после того как облетит север Афганистана. Мы с вами летим на нем, садимся в Кандагаре, потом – прямо в Кабул.

– *Товарищ* полковник, – спрашиваю, намеренно подчеркивая обращение, – так сообщали же «голоса», что кабульский аэродром разбит.

– Врут, врут империалисты, самолет-то сумел подняться, – весело отвечает летун, заметно подаваясь вперед.

Он с трудом сдерживает себя, чтобы благодарно не потискать меня в объятиях за признание в нем товарища в борьбе за светлое будущее человечества. Но состояние общей приподнятости все еще перемежается с некоторой тревогой из-за отсутствия окончательной, из первых рук информации о победе восставших, которой владеют только направляющиеся к нам на самолете непосредственные участники событий.

Вот уже на аэродром садится военно-транспортный Ан-26. Из самолета высыпают возбужденные молодые офицеры с автоматами Калашникова в руках. Революционный конвой, значит. Форма и знаки различия самые разные. Тут же следует команда на посадку.

Пока летим, поглядываю в иллюминатор. Внизу дорога, по которой еще вчера мы катили на северо-запад. В кандагарском аэропорту в самолет с работающими двигателями поднимается сухощавый командир 2-го армейского корпуса генерал Мир Тахмас Рауф с несколькими военными. Летим дальше, внизу вновь та же дорога. Странно, она идет по большой дуге, кое-где петляет, экономичнее было бы лететь прямо на Кабул. Нахожу в салоне летуна, высказываю ему свои сомнения. Смотрит на меня лукаво и предлагает пройти в пилотскую кабину. Стою рядом со штурманом, созерцая через лобовое стекло великолепие Гиндукуша и замечаю, как он время от времени заинтересованно поглядывает вниз в левый иллюминатор. Начинаю догадываться – на дорогу. Когда покидаем кабину, летун поясняет:

– Так проще. На то она и дорога, чтобы привести нас в Кабульскую долину.

Самолет, снижаясь, делает широкие круги над Кабулом. Внизу не видно ни дымных пожарищ, ни разрушений, о которых вещали «голоса». В небе замечаю какую-то серебристую стрелочку – да это истребитель МиГ-21. Похоже, направляется в нашу сторону, стремясь пристроиться в хвост! Зачем? «Может, – гадаю, – разом избавиться от большинства провинциальных военных руководителей свергнутого режима, собранных с восточным коварством в одном самолете?» Но проходит всего несколько минут, и я с облегчением вижу, как истребитель проносится невдалеке, приветственно помахивая крыльями.

КОМУ – ВСТРЕЧА, А КОМУ – ПРИГОВОР

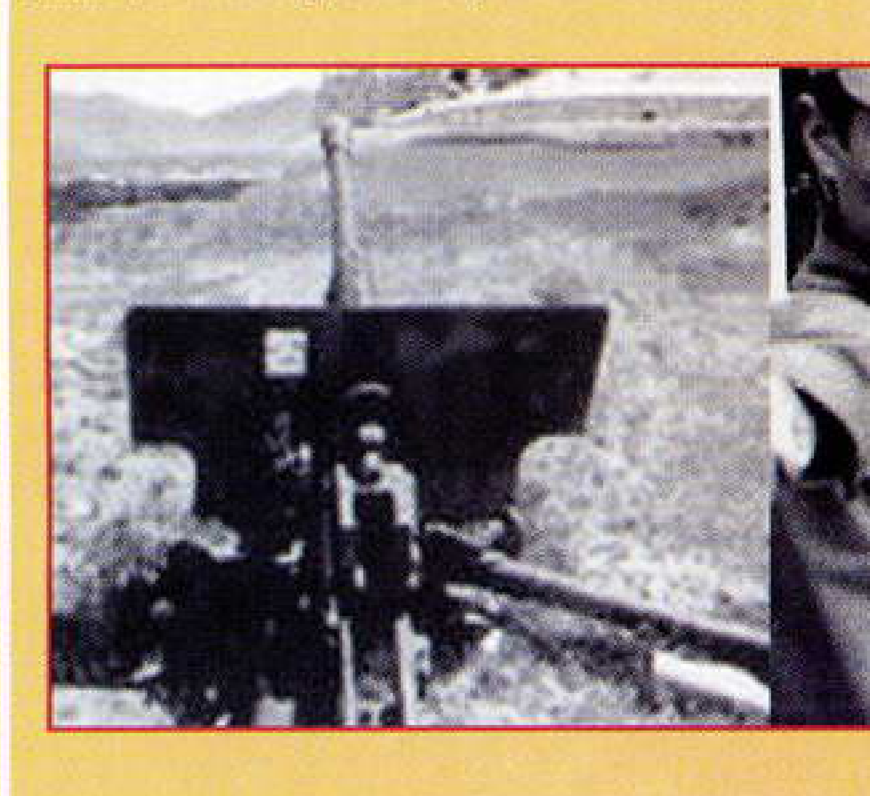
Садимся на неповрежденную взлетно-посадочную полосу – прав был летун, все врут империалисты. Самолет с революционной вольностью подкатывает не к зданию аэропорта, а прямо к штабу ВВС и ПВО. Выбираемся на бетонку. Нас встречает сам Абдул Кадыр, ставший в одночасье известным на всю страну. Он издалека поднимает руку и кричит: «Здорово, ребята, как долетели?!» – поражая нас не столько неформальным приветствием, сколько тем, что он произносит его только для нас на русском языке, знание которого прежде тщательно скрывал.

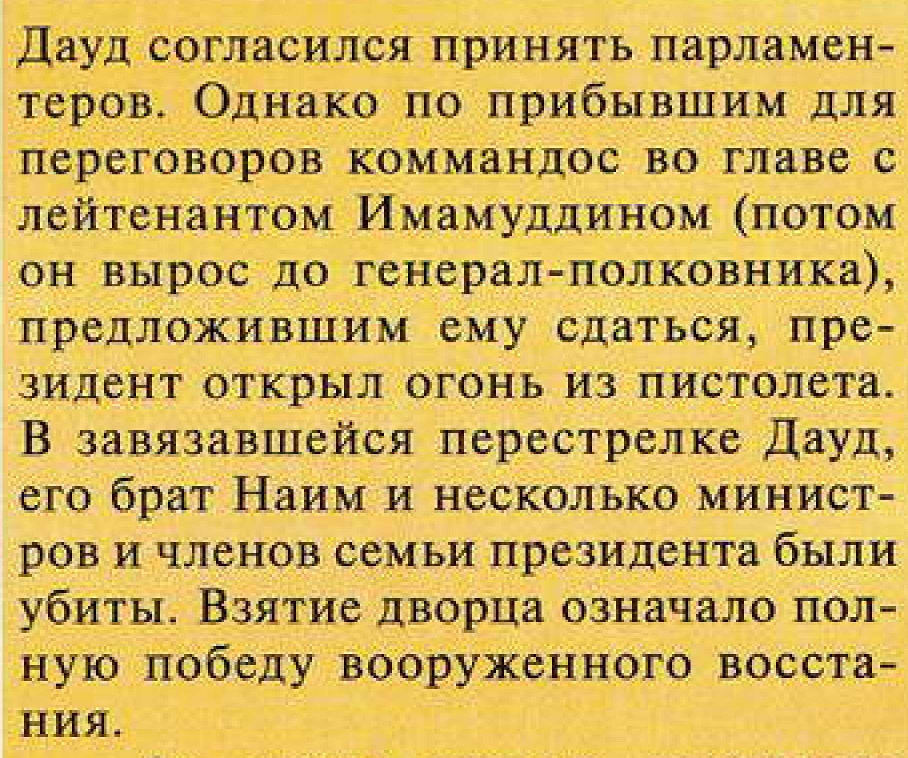
Затем поочередно трясет нам руки, повторяя: «Теперь мы ничего не боимся». Прибывшие афганские начальники сгрудились молчаливой кучкой невдалеке. Кадыр направляется к ним, здоровается, начинает беседу. До меня долетает лишь одна фраза: «Новая власть нуждается в вашем опыте и знаниях». Не нуждается она, очевидно, только в начальнике шиндантского гарнизона. Он даже не решается подойти к общей группе, стоит одиноко, опустив голову. Кадыр искоса поглядывает на него, но так и не приглашает присоединиться к остальным. Это приговор.

Идем к штабу. По мере приближения к нему замечаю две побитые кирпичами зеленые «волги». Поднимаю глаза – стена на втором этаже, там, где находится кабинет командующего ВВС и ПВО, разворочена взрывом. Пока ждем направленный за нами автобус, успеваю переговорить с одним из знакомых офицеров. Тот рассказывает, что вчера, когда в расположение штаба ворвались восставшие танкисты, не обошлось без столкновений. А по кабинету командующего стреляли из танка. Но он остался жив. Уже потом его задержа-

ли, вывели на летное поле и расстреляли. «Зачем, – гадаю, – кому мешал старый генерал?» Есть и другой вопрос – где был в это время начальник штаба?

Едем. На улицах ликующие афганцы самых разных сословий, на перекрестках бронетехника, украшенная цветами и разноцветными бумажными гирляндами. Водитель нервничает, медленно пробираясь сквозь запрудившие мостовые толпы людей. Временами к нам бросаются вооруженные автоматами военные, кричат что-то с революционным энтузиазмом, но как только узнают, что мы советские, тут же расплываются в дружеских улыбках и бегут освобождать проезжую часть.

КАК ВСЕ ЭТО БЫЛО

В нашем микрорайоне все выглядит по-прежнему, но только внешне. Сразу же налетает с расспросами офицер для особых поручений главного военного советника. Рассказываю о мирной смене власти в Шинданте. Слушает внимательно, но особый интерес у него вызывают подробности встречи в кабульском аэропорту военных руководителей Абдул Кадыром. Начинаю и сам по его примеру встраивать отдельные факты в мозаику событий последних дней, чтобы сложить из них как можно более полную картину происшедшего.

Получается, что демонстрации под антиправительственными лозунгами вслед за убийством Мир Акбар Хайбара напугали власти, решившие физически расправиться с левой оппозицией. 26 апреля были арестованы руководители НДПА. Дауд, однако, не учел, что партия ожидала репрессий и в случае их начала планировала вооруженное выступление своих сторонников. Партийные активисты в войсках утром 27 апреля предприняли попытку нейтрализовать продаудовски настроенных офицеров. Вскоре в руках восставших оказались две танковые бригады. В 11.20 первый танк под командованием майора Ватанджара двинулся в направлении столицы, за ним последовали другие машины. Вскоре они вошли в город и окружили президентский дворец, часть танков была направлена к международному аэропорту.

Примерно в 12.00 Ватанджар произвел первый выстрел из танка по зданию министерства обороны, целя в кабинет его главы генерал-полковника Хайдара Расули. Сам генерал в это время уже направлялся в войска для организации отпора восставшим, а от разрыва снаряда чуть не пострадали любопытные советские советники и переводчики, с интересом наблюдавшие из окна этажом выше за неожиданно выскочившей на площадь Пуштунистана боевой машиной, гадая, что это надумали афганцы, не поставив их в известность. Выстрел стал сигналом к штурму дворца Арк, расположенного рядом. Президентская гвардия оказала ожесточенное сопротивление, бои разгорелись также в гарнизонах двух пехотных дивизий и ряде районов города. Восставшие активно использовали авиацию с аэродрома Баграм, куда отправился Абдул Кадыр – на него по плану вооруженного выступления было возложено руководство частями ВВС и ПВО.

К вечеру увенчались успехом поиски арестованных руководителей НДПА, содержавшихся, как оказалось, всего в 200 метрах от Арка. Проломив танком стену тюрьмы, восставшие освободили их и доставили на бронетранспортере в здание «Радио Афган истана». Здесь и было подготовлено сообщение о победе революции, переданное в 19.00.

Но бой за президентский дворец продолжался еще почти всю ночь. Лишь ближе к рассвету 28 апреля Дауд согласился принять парламентеров. Однако по прибывшим для переговоров коммандос во главе с лейтенантом Имамуддином (потом он вырос до генерал-полковника), предложившим ему сдаться, президент открыл огонь из пистолета. В завязавшейся перестрелке Дауд, его брат Наим и несколько министров и членов семьи президента были убиты. Взятие дворца означало полную победу вооруженного восстания.

...За время нашего недолгого отсутствия в столице произошли кардинальные изменения, непосредственно затронувшие и нашу прежде неспешную жизнь в этой стране. Отдохнуть с дороги не дают: то сижу за радиоприемником, записываю новости, то грозно вышагиваю с палкой вдоль домов, где живут соотечественники, охраняя их покой от возможных посягательств контрреволюционеров, особой активности пока не проявляющих. Лишь на третьи сутки, когда новое руководство Афганистана официально признает Советский Союз, революционная романтика начинает плавно перетекать в ежедневную рутину по оказанию помощи, прежде называвшейся «добрососедской», а теперь ставшей «братской» в строительстве вооруженных сил Демократической Республики Афганистан...

БРОНИРОВАННЫЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ

Игорь НИКОЛАЕВ

В прошлом номере «Солдата удачи» мы рассказали о том, как появился на свет МТ-ЛБ – многоцелевой транспортер легкий бронированный, уже при жизни ставший не только армейской «рабочей лошадкой», любимой за простоту и надежность в эксплуатации, но и поистине легендой Советской, а затем и Российской армии. Почему легендой? Судите сами.

Наверное, в том далеком 1964 году, когда в конструкторском бюро Харьковского тракторного завода под руководством Анатолия Белоусова на базе «гражданского» легкого транспортера МТ-Л был создан знаменитый МТ-ЛБ, специалистам и в голову не могло прийти, какая долгая жизнь уготована этой бронемашине. Никто, вероятно, и помыслить не мог, что она свыше 40 лет будет находиться в боевом строю, что завод выпустит ее огромной серией – свыше двух десятков тысяч экземпляров – и что на базе МТ-ЛБ – внимание! – будет создано около 90 модификаций! Такого, пожалуй, история танкостроения не знала!

В прошлом номере «СУ» мы рассказали об основных тактико-технических характеристиках базовой машины. Надо сказать, что они не сильно изменились со временем. Конечно, совершенствовались агрегаты и узлы, на МТ-ЛБ устанавливались новые, более «продвинутые» дизельные двигатели, но в основном эти изменения были «косметическими», поскольку сама по себе база бронированного тягача оказалась близкой к идеальной, позволившей устанавливать на ней самые разнообразные комплексы вооружений и использовать машину для самых широких армейских нужд.

Уже в самом начале «жизненного пути» у МТ-ЛБ появилась модификация МТ-ЛБВ, главное отличие которой от базовой машины состояло в ширине гусеничной цепи. Вместо стандартных 350 мм, ширина цепи МТ-ЛБВ составила целых 565 мм. Модифицированный тягач легко преодолевал болотистую местность, был незаменим в северных районах или при действиях в условиях значительного снежного покрова. И это неудивительно – его удельное давление на грунт вместо 0,48 кгс/кв. см стало равняться 0,28 кгс/кв. см, что было меньше удельного давления человека на грунт!

Шасси МТ-ЛБ было использовано при создании около двадцати образцов различной боевой и вспомогательной техники.

Одним из них стал самоходный зенитно-ракетный комплекс «Стрела-10». В ходе эксплуатации этот комплекс неоднократно подвергался модернизации. Один из последних

Тактико-технические характеристики ЗРК «Стрела-10»

Комплекс	«Стрела-10М»	«Стрела-10М2»	«Стрела-10М3»
Ракета	9М37М	9М37М	9М37/9М333
Зона поражения, км			
- по дальности	0,8-5	0,8-5	0,8-5
- по высоте	0,025-3,5	0,025-3,5	0,01-3,5
Вероятность поражения истребителя одной ЗУР	0,1-0,5	0,3-0,6	0,3-0,6
Максимальная скорость поражаемых целей(навстречу/вдогон), м/с	415/310	415/310	415/310
Время реакции, с	8,5	6,5	7,0
Скорость полета ЗУР, м/с	517	517	517
Масса ЗУР, кг	40	40	40
Масса боевой части, кг	3	3	5
Число ЗУР на боевой машине	8	8	8
Год принятия на вооружение	1979	1981	1989

Самоходный зенитно-ракетный комплекс «Стрела-10М3»

вариантов – «Стрела-10М3» – был принят на вооружение в 1989 году, имеет увеличенную зону поражения, может вести успешную борьбу с самолетами (на высотах от 25 до 3.500 м, летящих на встречных курсах со скоростями до 415 м/с и до 310 м/с – вдогон), вертолетами (со скоростями полета до 100 м/с), крылатыми ракетами (со скоростями полета до 200–250 м/с), беспилотными летательными аппаратами (со скоростями от 20 до 300 м/с на высотах от 10 до 2.500 м). Боевая часть зенитной управляемой ракеты 9М333 обладает увеличенной массой (5 кг вместо 3 кг в предыдущей версии) и оснащается стержневыми поражающими элементами большего сечения и большей длины. За счет увеличения разрывного заряда повышена скорость разлета осколков.

Базу МТ-ЛБ успешно «примерил на себя» и самоходный противотанковый ракетный комплекс «Штурм-С». Сначала это был полуавтоматический комплекс второго поколения, ракеты которого управлялись по радио. Он поражал бронированные цели и другие объекты противника в диапазоне от 400 метров до 5 километров, имел скорострельность 3–4 выстрела в минуту. Боекомплект из 12 выстрелов располагался в механизированной боеукладке барабанного типа. Перезаряжание пусковой установки производилось автоматически. Масса ракеты в транспортно-пусковом контейнере составляла 46,6 кг. Комплекс обслуживался расчетом из двух человек. Со временем на вооружение ПТРК «Штурм-С» стали поступать более совершенные ракеты «Штурм» и «Атака».

По отзывам специалистов, неплохи были станции разведки и засечки позиций стреляющей артиллерии СНАР-10 «Леопард». Антенна РЛС станции обнаруживала летящий снаряд на дальностях до 20 километров, бортовой компьютер по двум точкам траектории рассчитывал место, с которого был произведен выстрел, и передавал данные своей артиллеррии, которая и уничтожала вскрытую цель.

Были незаменимы в войсках и машины технической помощи МТП-ЛБ с краном-стрелой грузоподъемностью в полторы тонны, различным ремонтным оборудованием, мощной лебедкой с тяговым усилием почти в 7 тонн, газосваркой.

Отлично зарекомендовали себя в войсках созданные на базе МТ-ЛБ 122-мм самоходные гаубицы, машины авианаведения «Трель», дорожно-землеройные машины «Восторг», санитарно-эвакуационные машины с медицинским оборудованием для оказания первой помощи раненым, разведывательные химические машины «Кашалот». Последние, кстати, прошли проверку на прочность в условиях почти боевых – им пришлось принимать самое активное участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

С 1967 года стал выпускаться модернизированный вариант МТ-ЛБ – МТ-ЛБУ, не имевший пулеметной башенки. У этой модификации машины была несколько увеличена длина корпуса, появилось по одному дополнительному опорному катку с каждой стороны, на ней был установлен 300-сильный двигатель, и она стала прародительницей целого семейства специальных машин, насчитывавшего около 70 наименований. Из заводских ворот выходили всевозможные командно-штабные машины и машины управления огнем артиллерии и средствами ПВО, спецмашины для войск радиоэлектронной борьбы, войск связи. Для химических войск было создано несколько модификаций, в том числе комплекс наземной дистанционной химической разведки КДХР-1Н, обеспечивающий дистанционный контроль приземного слоя атмосферы на площади до 75 квадратных километров. Востребованной в войсках оказалась транспортная машина переднего края ТМПК «Мул». Появились машины с установленными на них зенитными установками ЗСУ-23-2, 82-мм минометом «Василек» и т.д.

Многие из становившихся в армейский строй бронемашин имели названия различных животных. И логически «закольцевал» этот «зоосад» разведывательный комплекс «Зоопарк-1» – автоматизированная система обнаружения позиций артиллерии, минометов, реактивных систем залпового огня, стартовых позиций тактических ракет, определения их координат и обеспечения прицельной стрельбы своих огневых средств на дальностях до 45 километров. Технические возможности этого комплекса весьма высоки: его радар с фазированной антенной решеткой способен в условиях активного радиоэлектронного противодействия противника обнаруживать до 70 вражеских позиций в минуту, одновременно сопровождать до 12 целей и выдавать их координаты на командные пункты наших средств уничтожения еще до того, как выпущенные противником снаряды или ракеты поразят определенные им цели. Комплекс «Зоопарк-1» имеет высокую степень автоматизации: его обслуживают всего три человека...

Все бы хорошо, но в 90-х годах прошлого столетия огромный парк МТ-ЛБ Российской армии чуть было не приказал долго жить: основной завод, производивший их, оказался за границей. Оставалось три пути: либо платить огромные деньги за запчасти и ремонт техники братьям-украинцам (единственный оставшийся в России завод по ремонту МТ-ЛБ в городе Белогорс-

Самоходный противотанковый ракетный комплекс «Штурм-С»

ке Амурской области не мог справиться с большими объемами работ), либо вообще отказаться от использования МТ-ЛБ, либо организовывать собственное производство многоцелевых транспортеров. Мы пошли по третьему пути. На заводе «Муромтепловоз» сначала стали делать капитальный ремонт тягачей, производить для них запчасти, а потом, по мере накопления опыта, наладили глубокую модернизацию МТ-ЛБ и их модификаций, в основе которой лежало стремление повышения огневой мощи машин. Этого требовала сама жизнь: какникак за долгие годы службы техника и в особенности вооружение устарели морально.

Необходимо отметить, что после проведения капитального ремонта на «Муромтепловозе» ресурс МТ-ЛБ восстанавливался более чем на 80 процентов. Это объяснялось тем, что на заводе обеспечили стопроцентную замену всех резинотехнических и пластмассовых изделий, имевшихся в машине, всей электропроводки и осветительной арматуры, установили жесткий объективный инструментальный контроль деталей, проходящих дефектацию.

Вскоре в Муроме наладили производство самых современных бронемашин, оснащенных различными комплексами вооружения. Первой ласточкой стал МТ-ЛБВМК с новой башней, в которой устанавливался

■ Модернизированный вариант МТ-ЛБ – МТ-ЛБ6МБ

12,7-мм пулемет «Корд». Затем появился вариант 6МА, в башне которого, взятой «взаймы» у БТР-80, начали устанавливать 14,5-мм пулемет КПВТ и 7,62-мм ПКТ. Была разновидность этой машины, в которой место крупнокалиберного пулемета заняла 23-мм пушка КПВБ.

Вслед за вариантом 6МА появился вариант МТ-ЛБ 6МБ, вооруженный 30-мм пушками 2А72 или 2А42 и 7,62-мм пулеметом ПКТ.

На этом муромчане не остановились и вскоре выдали на-гора вариант 6МБ3, вооружение которого составляли 23-мм автоматическая пушка ГШ-23В, 12,7-мм пулемет «Корд», 30-мм автоматический гранатомет АГС-30.

Но и это не было пределом. В настоящее время на «Муромтепловозе» идет напряженная работа по установке на модернизированный МТ-ЛБ различных вариантов комплексов вооружений, включающих пусковые установки современных ПТУР, двухствольные 30-мм автоматические пушки ГШ-30В, ПЗРК «Игла» и т. д.

Изменилась и сама машина: в последних модификациях установлены современный двигатель, новая трансмиссия, механику-водителю теперь не приходится дергать за рычаги – вместо них появился, на манер БМП, элегантный штурвал, оружие стабилизировано в двух плоскостях, управление им осуществляется посредством электроприводов, появились новые прицелы, улучшенная оптика, установки пуска дымовых гранат, другая современная аппаратура.

Одним словом, из оружейного тягача, средства доставки боеприпасов и другого имущества, современный модернизированный МТ-ЛБ превратился в настоящую боевую машину, способную сказать свое веское слово в бою и на равных сражаться с противником.

К сказанному выше остается добавить, что многоцелевые тягачи по лицензии производились в Болгарии и Польше. Причем тамошние конструкторы в свое время тоже воспользовались уникальными возможностями МТ-ЛБ, создав на их базе большое количество модификаций: боевых машин пехоты с различным вооружением, самоходных минометов, противотанковых средств, САУ, командно-штабных, разведывательных, ремонтно-эвакуационных, медицинских и других специальных машин, зенитных самоходных установок, машин технической помощи, инженерной разведки, дистанционного минирования и т.д. О высокой надежности и функциональности наших тягачей говорит и тот факт, что в настоящее время они стоят на вооружении почти трех десятков стран, в том числе государств – членов НАТО.

Основные тактико-технические характеристики модернизированных МТ-ЛБ

Машина	гусеничная, плавающая, бронированная
Экипаж, чел.	2
Масса, т	12
Двигатель:	
тип, марка	дизельный, ЯМЗ-238ВМ (ЯМЗ-238В3)
мощность, кВт (л.с.)	176 (240) / 228 (310)
Скорость движения, км/ч:	
максимальная	60
на плаву	5
Максимальный угол, град.:	
подъема	35
крена	25
Запас хода по топливу, км	500
Варианты вооружения:	
комплектация 6МА	14,5-мм пулемет КПВТ (23-мм пушка КПВБ) 7,62-мм пулемет ПКТ
комплектация 6МБ	30-мм пушка 2А72 (2А42) 7,62-мм пулемет ПКТ
комплектация 6МБ3	23-мм автоматическая пушка ГШ-23В 12,7-мм пулемет «Корд» 30-мм автоматический гранатомет АГС-30
комплектация 6МБ4	30-мм автоматическая двухствольная пушка ГШ-30В, 12,7-мм пулемет «Корд» 30-мм автоматический гранатомет АГС-30

СПЕЦНАЗ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ США

Владимир МОСАЛЁВ
Вадим УШАКОВ

Морская пехота (МП) США является самостоятельным видом вооруженных сил (ВС) наравне с сухопутными войсками (СВ), ВВС и ВМС. В отличие от других видов ВС по существующим в США законам морская пехота может использоваться президентом США единолично для выполнения любого задания без санкции конгресса.

Морская пехота, как и все вооруженные силы США, распределена между командованиями объединенных ВС в Атлантической, Тихоокеанской, Европейской, Центральной, Южноамериканской зонах и Центральным командованием. В составе командований объединенных вооруженных сил в зонах кроме командующих ВВС, ВМС, СВ и МП имеются командующие силами специальных операций в зоне, которым при повседневной деятельности подчинены отряды ССО, а при выполнении специальных задач – объединенные оперативные группы ССО, среди которых имеется и группа спецопераций морской пехоты, а также отряды специальной защиты.

На протяжении всей истории существования морская пехота США являлась силой быстрого реагиро-

вания и использовалась в основном как первый эшелон при развертывании ВС США в любом напряженном районе земного шара, где затрагивались интересы Америки. В связи с этим морская пехота всегда находится в постоянной боевой готовности.

Для повышения оперативной готовности морской пехоты с 1983 по 1986 год проводились мероприятия по формированию на основе существовавших морпеховских дивизий экспедиционных соединений морской пехоты – экспедиционных дивизий (MAF) и экспедиционных бригад (MAB). В составе каждой из трех экспедиционных дивизий предусматривалось задействовать по две бригады. В составе 1-й дивизии, предназначенной для использования в западной части Тихого океана в составе флота, планировалось применение 5-й и 7-й бригад, в составе 2-й дивизии (Атлантический океан) – 4-й (противотеррористической) и 6-й бригад, а в составе 3-й дивизии (Тихий океан) – 1-я и 9-я бригады.

Три из шести экспедиционных бригад (4-я, 6-я, 7-я) приспособлены для использования в силах быстрого развертывания, при этом 4-я бригада ориентировалась на применение в боевых действиях в Северной Норвегии.

С целью повышения стратегической мобильности экспедиционных бригад и обеспечения их боевых действий в течение 30 суток тяжелое вооружение, боевая техника, боеприпасы и другие предметы снабжения были заранее размещены на судах-складах трех эскадр системы заблаговременного базирования и береговых складах в районах предполагаемого использования этих бригад, а личный состав с легким вооружением должен был доставляться в район боевого применения самолетами командования воздушных перевозок. Эскадры судов-складов базируются на Средиземном море – в Неаполе, в Индийском океане – на острове Диего Гарсия, в Тихом океане – на острове Гуам, береговой склад – в Северной Норвегии.

Организационно силы экспедиционных бригад делятся на три элемента: наземный боевой, воздушный боевой и материально-технического обеспечения.

Наземный боевой элемент включает полк морпехов в составе четырех стрелковых батальонов, танкового батальона, штурмового батальона легких плавающих броневых машин, батальона непосредственной артиллерийской поддержки, боевого инженерного батальона и роты разведки.

Воздушный боевой элемент включает спецгруппу вертолетов, две авиаэскадрильи истребителей-бомбардировщиков (F/A-18), по одной авиаэскадрилье штурмовиков (A-6, AV-8B), по отряду разведчиков (RF-4B), радиоэлектронного противодействия (EA-6B) и заправщиков (KC-130).

Элемент материально-технического обеспечения включает группу тылового обслуживания.

Особенностью 4-й бригады является то, что она специально предназначена для борьбы с терроризмом по всему миру, в том числе с химическими и бактериологическими угрозами. Бригада включает четыре батальона сил безопасности, батальон охраны дипломатических представительств за рубежом, батальон борьбы с терроризмом и отдельный батальон химико-бактериологической защиты. Две роты из батальона сил безопасности комплектуют группы безопасности флота от атак террористов.

Экспедиционные батальоны морской пехоты (MAU), используемые в составе амфибийно-десантных соединений в передовых группировках ВМС, решают также и задачи специальных операций, для чего им придаются необходимые подразделения. В связи с этим батальоны перед выходом на боевую службу в составе передовых группировок доукомплектовываются специальными подразделениями и отрабатывают задачи специальных операций. В этом случае они переводятся в разряд батальонов, способных решать задачи специальных операций MAU (SOC), и состоят из четырех элементов: командного, ударного, прикрывающего и авиационного.

В состав командного элемента входит командная группа батальона, подразделения разведки и наблюдения, управления воздушной и артиллерийской поддержкой, радиоэлектронного противодействия, радиоперехвата и взвод беспилотных летательных аппаратов.

В состав ударного элемента входят основные подразделения батальона: одна-две стрелковые роты, подразделения разведчиков-снайперов, обезвреживания невзорвавшихся боеприпасов, группа разведки и наблюдения, разведывательный взвод разведбата дивизии, подразделения боевого инженерного батальона дивизии, а также возможно включение подразделений подвод-

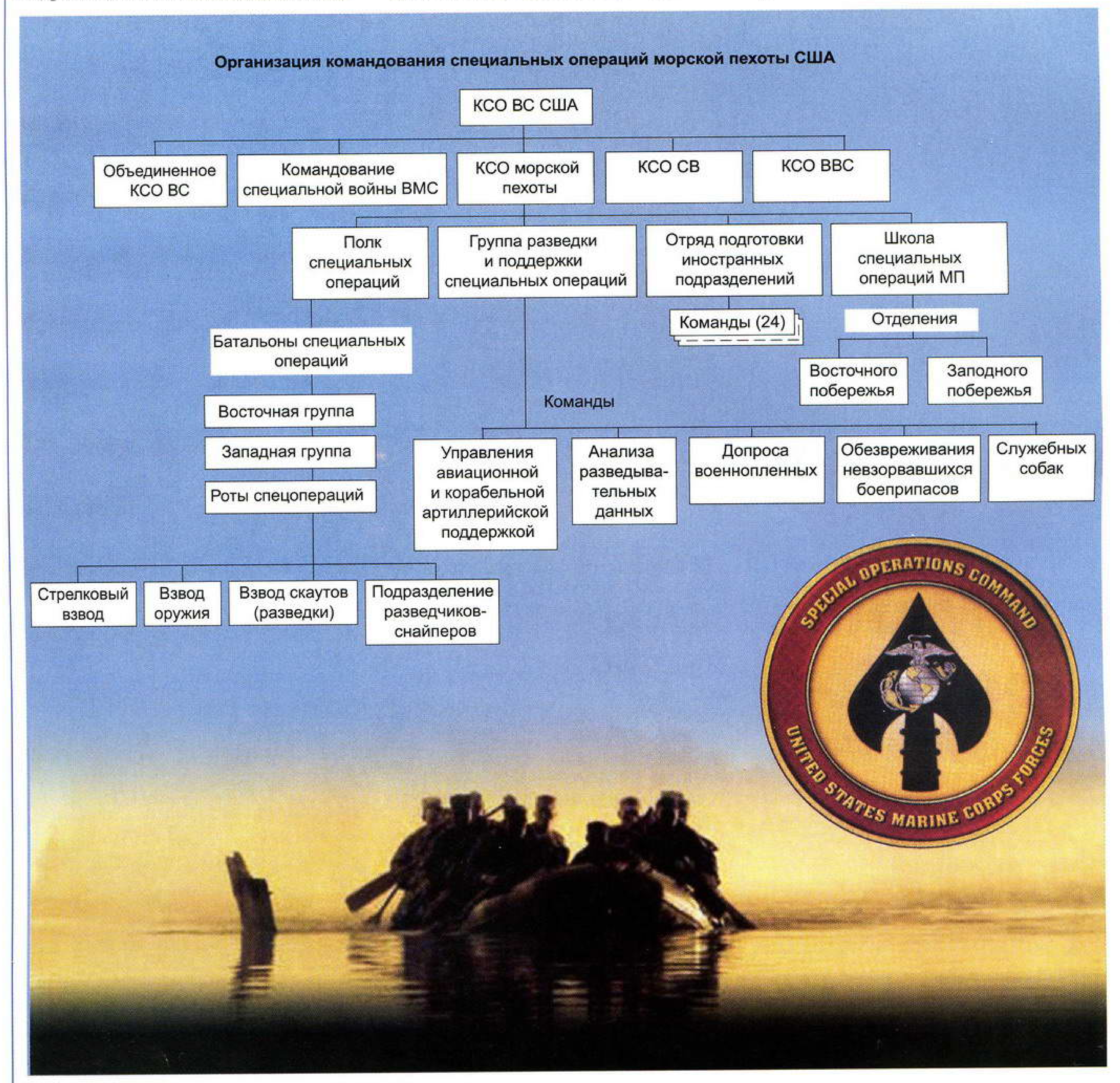
ных разведчиков-диверсантов SEAL, быстроходных катеров специального назначения, десантного строительного батальона.

В состав прикрывающего элемента включены рейдовая рота батальона морской пехоты и рота легких плавающих броневых машин.

В состав авиационного элемента, представляющего собой смешанную усиленную авиаэскадрилью, входят по одному отряду тяжелых и средних транспортно-десантных вертолетов, легких ударных вертолетов и штурмовиков вертикального взлета и посадки, рота ПВО, подразделения легких самоходных машин ПВО, управления авиацией и ее обслуживания.

Силы экспедиционного батальона, подготовленного для проведения специальных операций, размещаются на кораблях эскадры, в состав которой входят десантный вертолетоносец, два десантных транспорта-дока и два танкодесантных корабля.

До 2003 года американское военное руководство устраивало отсутствие в составе сил спецопераций подразделений морской пехоты, поскольку MAU(SOC) успешно справлялись с выполнением стоящих задач. Однако с объявлением президентом США глобальной войны международному терроризму после террористических атак 11 сентября 2001 года, когда силам специальных операций была отведена ведущая роль в планировании и проведении противотеррористических операций по всему миру, командование ССО получило статус самостоятельного командования вооруженных сил наравне с СВ, ВВС и ВМС. В связи с этим в конце 2001 года 4-я бригада резерва морской пехоты была переведена в разряд противотеррористических, в июне 2003 года было создано 1-е подразделение специальных операций

морской пехоты, а 24 февраля 2006 года – командование специальных операций морской пехоты (MARSOC).

1-е подразделение специальных операций морской пехоты численностью 86-90 человек было сформировано 19 июля 2003 года на базе Кэмп-Леджен (шт. Вирджиния). В его состав вошли штабная секция, секция разведки и наблюдения (30 человек), технической разведки (29 человек), огневой поддержки (10 человек).

Секция технической разведки состояла из команды радиоразведки численностью в 9 человек, воздушной разведки (6 человек), команды обслуживания технических средств (12 человек) и штабной команды (2 человека).

Секция разведки и наблюдения состояла из штабной команды (2 человека) и четырех команд разведки численностью по 7 человек, а секция огневой поддержки включала штабную (2 человека) и две команды по 4 человека.

Согласно руководящим документам задачей подразделения являлось обеспечение успешного использования подразделений ССО ВМС в боевых действиях, специальная разведка и наблюдение, поддержка коалиционных сил и другие задачи, а также поддержка флота и объединенных командований.

Подготовка личного состава 1-го подразделения специальных операций морской пехоты началась сразу же с его формированием и закончилась трехнедельным учением в испытательном центре в Неваде и на вспомогательном аэродроме Индиана Спрингс в декабре 2003 года. После окончания всех испытаний подразделение в апреле 2004 года было направлено в Багдад для участия в операции «Свобода Ираку». Действуя в составе оперативного соединения ССО ВМС, подразделение провело несколько операций поддержки коалиционных сил и участвовало в решении ряда региональных задач в составе комбинированного объединенного соединения сил специальных операций, где показало высокий профессионализм и компетентность. Стало ясно, что подразделение способно действовать самостоятельно без взаимодействия с другими подразделениями ССО.

История создания **командования специальных операций морской пехоты** началась еще 20 лет назад в период «холодной войны», когда под руководством командующего КСО ВС и одного из руководителей морской пехоты был разработан совершенно секретный план под названием «Synchronicity», предусматривавший создание командования, о котором знали всего 4 человека. Однако местничество и столкновение интересов некоторых высокопоставленных должностных лиц с годами похоронили этот проект, хотя периодически он возникал. Только в 2001 году идеи плана были поддержаны тогдашним министром обороны США Дональдом Рамсфелдом, добивавшимся более тесного взаимодействия морской пехоты и командования спецопераций.

24 февраля 2006 года командование морской пехоты формально объявило о создании командования специальных операций МП США в Кэмп-Леджен. В декабре 2006 года началась передача ему 2.600 (по другим данным 2.700) морских пехотинцев под командованием генерал-майора Хейлика. Планировалось, что часть добровольцев будет отобрана в действующих частях морской пехоты, остальные будут подобраны в подразделениях разведки морской пехоты. Рассматривался вопрос о передаче в будущем в морпеховский спецназ до 4.000 морских пехотинцев.

В настоящее время КСО морской пехоты включает: полк специальных операций, группу разведки и поддержки специальных операций, отряд подготовки иностранных военных подразделений и школу специальных операций.

Полк специальных операций МП, штаб которого находится в Кэмп-Леджен, состоит из двух батальонов. Один из них дислоцируется на Атлантическом побережье США в Кэмп-Леджен, второй – на Тихоокеанском побережье в Кэмп-Пендлтон. Эти батальоны представляют собой группы специальных операций морской пехоты и осуществляют подготовку и вооружение экспедиционных сил специальных операций МП для выполнения ими специальной разведки, боевых действий и задач обороны.

Батальон состоит из четырех-

пяти рот специальных операций численностью в 115 человек.

Батальоны располагаются на десантных судах совместно с экспедиционными батальонами морской пехоты, но являются самостоятельными подразделениями, подчиненными руководству сил специальных операций. В составе их рот имеются по два стрелковых взвода, взвод скаутов (разведки), взвод оружия, личный состав которых подготовлен по программе командос, а также подразделение разведчиков-снайперов. Следует отметить, что организация групп специальных операций морской пехоты еще не полностью отработана.

Группа разведки и поддержки специальных операций морской пехоты численностью около 400 человек личного состава различных специальностей дислоцируется в Кэмп-Леджен. Она предназначена для специальной поддержки подразделений по всему миру в выполнении специальных операций. Для выполнения задач поддержки в группе создаются отряды поддержки, в состав которых включаются команды специалистов управления авиационной и корабельной артиллерийской поддержкой, анализа разведывательных данных, допроса военнопленных, обезвреживания невзорвавшихся боеприпасов и проводников со служебными собаками.

Отряд подготовки иностранных военных подразделений, который будет насчитывать около 260 человек личного состава различных специальностей, дислоцируется в Кэмп-Леджен. Состоять он должен из 24 команд. К декабрю 2006 года было создано только три команды, которые используются в Грузии, Чаде и Нигерии.

Отряд предназначен для работы с иностранными армиями с целью повышения их боевого мастерства.

Школа специальных операций морской пехоты осуществляет отбор, рекрутирование и подготовку личного состава, а также оценку развития доктринальных функций командования. В школе имеются два отделения: по одному на Восточном и Западном побережье США. Школа имеет современную учебную и экспериментальную базу, подготовленные кадры, что позволяет ей осуществлять планирование, координацию и инструктирование по вопросам развития специальной разведки и проведения боевых действий.

Фото Сергея Сидорова

